Фахриддин Гургани

ВИС И РАМИН

- Фахриддин Гургани
  - О «САМОЙ БЕЗНРАВСТВЕННОЙ» ПОЭМЕ И ЕЕ СМЫСЛЕ
  - ВИС И РАМИН
    - НАЧАЛО РАССКАЗА О ВИС И РАМИНЕ
    - КРАСАВИЦЫ СОБИРАЮТСЯ НА ПИРУ ШАХА МУБАДА
    - МУБАД СВАТАЕТСЯ К ШАХРУ, И ТА ЗАКЛЮЧАЕТ ДОГОВОР С МУБАДОМ
    - РАССКАЗ О РОЖДЕНИИ ВИС
    - ВОСПИТАНИЕ ВИС И РАМИНА В ХУЗАНЕ У КОРМИЛИЦ
    - КОРМИЛИЦА ШЛЕТ ПИСЬМО ШАХРУ, И ТА ПОСЫЛАЕТ ЗА ВИС
    - ШАХРУ ВЫДАЕТ ВИС ЗА ВИРУ
    - ЗАРД ПРИБЫВАЕТ К ШАХРУ КАК ПОСОЛ
    - ВИС РАССПРАШИВАЕТ ЗАРДА И ВЫСЛУШИВАЕТ ЕГО ОТВЕТ
    - МУБАД УЗНАЕТ, ЧТО ВИС ВЫДАНА ЗАМУЖ ЗА ВИРУ, И ОТПРАВЛЯЕТСЯ НА ВОЙНУ
    - ВИРУ УЗНАЕТ О ТОМ, ЧТО МУБАД ПОШЕЛ НА НЕГО ВОЙНОЙ
    - ОПИСАНИЕ СРАЖЕНИЯ МЕЖДУ МУБАДОМ И ВИРУ
    - ПИСЬМО ШАХА МУБАДА И ОТВЕТ ВИС
    - ВОЗВРАЩЕНИЕ ПОСЛА МУБАДА ОТ ВИС
    - МУБАД СОВЕЩАЕТСЯ СО СВОИМИ БРАТЬЯМИ
    - ОПИСАНИЕ БОГАТСТВ, КОТОРЫЕ МУБАД ПОСЛАЛ ШАХРУ
    - МУБАД НАПРАВЛЯЕТСЯ ВО ДВОРЕЦ И ПОХИЩАЕТ ВИС
    - ВИРУ УЗНАЕТ О ПОХИЩЕНИИ ВИС
    - РАМИН ВИДИТ ВИС И СНОВА ВЛЮБЛЯЕТСЯ В НЕЕ
    - МУБАД ПРИВОЗИТ ВИС В ЦАРСТВЕННЫЙ МЕРВ
    - КОРМИЛИЦА УЗНАЁТ О СОСТОЯНИИ ВИС И НАПРАВЛЯЕТСЯ В МЕРВ

- КОРМИЛИЦА ПРИНАРЯЖАЕТ ВИС
- КОРМИЛИЦА С ПОМОЩЬЮ КОЛДОВСТВА СКОВЫВАЕТ МУЖСКУЮ СИЛУ МУБАДА
- КОРМИЛИЦА ОБЕЩАЕТ РАМИНУ СВОЮ ПОМОЩЬ
- КОРМИЛИЦА ОБМАНОМ ПРИВОРАЖИВАЕТ ВИС К РАМИНУ
- КОРМИЛИЦА ПРОДОЛЖАЕТ УГОВАРИВАТЬ СВОЮ ПИТОМИЦУ
- ВИС ВИДИТ РАМИНА И ВЛЮБЛЯЕТСЯ В НЕГО
- ВИС И РАМИН ВСТРЕЧАЮТСЯ В САДУ
- ВИС И РАМИН ОТПРАВЛЯЮТСЯ К МУБАДУ В КУХИСТАН
- МУБАД УЗНАЕТ О ТОМ, ЧТО ВИС ИЗМЕНЯЕТ ЕМУ С РАМИНОМ
- МУБАД ВОЗВРАЩАЕТСЯ ИЗ КУХИСТАНА В ХОРАСАН
- ВИС ПОКИДАЕТ МЕРВ И ОТПРАВЛЯЕТСЯ В КУХИСТАН
- РАМИН ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ХАМАДАН И ПРИЕЗЖАЕТ К ВИС
- ВИС ВОЗВРАЩАЕТСЯ В МЕРВ
- МУБАД УКОРЯЕТ ВИС
- МУБАД НАПРАВЛЯЕТСЯ К ХРАМУ ОГНЯ, А ВИС И РАМИН УБЕГАЮТ В РЕЙ
- ВИС И РАМИН ВОЗВРАЩАЮТСЯ В МЕРВ
- МУБАД, ВИС И РАМИН ВОССЕДАЮТ НА ПИРУ, И РАМИН ПОЕТ ПЕСНЮ О САМОМ СЕБЕ
- МУБАД ЗАКЛЮЧАЕТ ВИС И КОРМИЛИЦУ В КРЕПОСТЬ ИШКАФТИ ДИВАН
- РАМИН ПРОНИКАЕТ В КРЕПОСТЬ ИШКАФТИ ДИВАН
- ШАХ МУБАД ВОЗВРАЩАЕТСЯ ИЗ РУМА И НАПРАВЛЯЕТСЯ В КРЕПОСТЬ ИШКАФТИ ДИВАН
- ШАХРУ ОПЛАКИВАЕТ ВИС ПЕРЕД МУБАДОМ
- МУБАД ПРИКАЗЫВАЕТ ОСВОБОДИТЬ ВИС И КОРМИЛИЦУ

- МУБАД ПРЕПОРУЧАЕТ ВИС КОРМИЛИЦЕ, А РАМИН ПРОНИКАЕТ В САД
- МУБАД УЗНАЕТ О ТОМ, ЧТО РАМИН ВСТРЕТИЛСЯ С ВИС
- МУБАД УСТРАИВАЕТ ПИР В САДУ, И НА ПИРУ ПОЕТ ПЕВЕЦ КУСАН
- БЕХГУЙ ПОУЧАЕТ РАМИНА
- ПРИМИРЕНИЕ ВИС И МУБАДА
- РАМИН ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ГУРАБ
- РАМИН ВЛЮБЛЯЕТСЯ В ГУЛЬ
- СВАДЬБА РАМИНА И ГУЛЬ
- ГУЛЬ СЕРДИТСЯ НА РАМИНА
- РАМИН ПИШЕТ ПИСЬМО ВИС
- КОРМИЛИЦА ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ГУРАБ К РАМИНУ
- ПИСЬМА ВИС К РАМИНУ
- РАМИН РАСКАИВАЕТСЯ В ТОМ, ЧТО ЖЕНИЛСЯ НА ГУЛЬ
- ГУЛЬ УЗНАЕТ О ТОМ, ЧТО РАМИН ЕЕ РАЗЛЮБИЛ
- АЗИН ПРИБЫВАЕТ ПОСЛОМ ОТ ВИС К РАМИНУ
- ПИСЬМО РАМИНА К ВИС
- РАМИН ПРИБЫВАЕТ В МЕРВ
- РАМИН ОТВЕЧАЕТ ВИС
- ВИС ОТВЕЧАЕТ РАМИНУ
- ВИС УДАЛЯЕТСЯ С ГНЕВОМ И ЗАКРЫВАЕТ ВОРОТА ПЕРЕД РАМИНОМ
- ВИС РАСКАИВАЕТСЯ В СВОЕМ ПОСТУПКЕ
- ПРИМИРЕНИЕ ВИС И РАМИНА
- РАМИН ПОЯВЛЯЕТСЯ ПЕРЕД ШАХОМ
- МУБАД ЕДЕТ НА ОХОТУ
- РАМИН РЕШАЕТ УБЕЖАТЬ С ОХОТЫ
- РАМИН ХИТРОСТЬЮ ПРОНИКАЕТ В СТАРЫЙ ЗАМОК И УБИВАЕТ ЗАРДА
- РАМИН ПОХИЩАЕТ КАЗНУ МУБАДА И УБЕГАЕТ В ДЕЙЛЕМ
- МУБАД УЗНАЕТ О ТОМ, ЧТО РАМИН ПОХИТИЛ ЕГО КАЗНУ И ВИС
- МУБАД ГИБНЕТ, НО НЕ НА ВОЙНЕ

        - ВОЦАРЕНИЕ РАМИНА
        - СМЕРТЬ ВИС
        - РАМИН ВРУЧАЕТ ЦАРСТВО СТАРШЕМУ СЫНУ, А САМ УДАЛЯЕТСЯ В КАПИЩЕ ОГНЯ
    - ОБЪЯСНЕНИЕ ПЕРСИДСКИХ СЛОВ И НАЗВАНИЙ
- notes
    - 1

Фахриддин Гургани
Вис и Рамин

О «САМОЙ БЕЗНРАВСТВЕННОЙ» ПОЭМЕ И ЕЕ СМЫСЛЕ

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ЧИТАТЕЛЮ!

Предисловие к художественному произведению часто не читается или проглядывается уже после того, как прочитана книга. «К чему читать предисловие? — рассуждает подчас читатель. — Если меня не захватило само художественное произведение, то не поможет и предисловие. Если же книга мне нравится, то незачем портить впечатление тяжеловесными литературоведческими замечаниями».

И все же хочется попросить читателя нарушить этот нередкий обычай и с самого начала прочитать предисловие ради своей же пользы, чтобы не попасть в смешное положение...

А ведь попадали в него (и не раз) иные весьма ученые читатели той самой восточной поэмы XI века, что лежит перед нами.

Прочитав восемь тысяч с лишком двустиший и ни разу не улыбнувшись, некоторые исследователи глубокомысленно морщат лоб и упорно доказывают, что поэма никуда не годится: «Это самая безнравственная поэма в персидской классической литературе!», «Ни одна незамужняя женщина не должна читать этой поэмы!» и тому подобное.

При всей условности аналогий прибегну к ним. Представим себе читателя следующих строк: «Я предлагаю тебе историю знаменитого Дон-Кихота Ламанчского без всяких прикрас и околичностей, а все жители Монтьельской округи и поныне говорят, что такого целомудренного любовника и храброго рыцаря с давних пор не бывало в их краях...» Что бы мы сказали, если б услышали такого рода поток критических замечаний: «Еще один длиннейший средневековый рыцарский роман! Скучновато! Выспренне!»

Или как бы мы взглянули на дотошного исследователя, который стал бы нас уверять, что щедринская летопись «История одного города» «содержит целый ряд хронологических, а равно и филологических неточностей и неувязок». Утешим себя, что ничего

подобного ни с Дон-Кихотом, ни с исторической хроникой города Глупова произойти не может. А вот с поэмой «Вис и Рамин» — может и происходит.

Не хотелось бы, чтобы наш читатель попал впросак: «Снова, дескать, очередное «Лейли и Меджнун», опять тысячи терзаний, риторические рассуждения, выспренность и скука!»

Не следует, впрочем, торопиться с выводами!

Сначала, в первых главах поэмы плавно, торжественно, порой π не без выспренности течет изложение событий: пир у царя царей Мубада; его пылкое объяснение в любви царице Шахру и уговор с нею о том, что если у нее родится дочь, то она станет суженой Мубада; клятва Шахру; рождение Вис; ее воспитание.

Впервые чуть-чуть настораживает письмо кормилицы о причудах и капризах Вис:

Лишь на одежды стоит ей взглянуть,
Она придумывает что-нибудь:

Вот это, желтое, — для потаскухи!
Вот это, белое, — под стать старухе!

Здесь бросается в глаза нарочитое снижение стиля, которое, однако, можно расценить как несколько большую живость в изложении. Никакой усмешки автора поэмы мы еще не видим.

Такую же живость изложения замечаем мы и в следующих главах: в сцене свадьбы Вис и прибытия посла Зарда с письмом от царя Мубада. Но пока еще трудно вообразить, что уготовит нам поэт — трагедию любви или комедию нравов.

Кажется, впервые замечаем мы усмешку на устах поэта, прочитав стихи о том, как при виде Зарда растерялась Шахру, нарушившая уговор с Мубадом.

Прочтя письмо, что ей привез посол,
Шахру увязла, как в грязи осел.

Что и говорить, сравнение царственной особы с ослом не предвещает трагического поворота событий. Кстати, это почтенное животное (не царственная особа, а осел) будет еще не раз упоминаться в дальнейшем и каждый раз своим появлением внесет некоторую фривольность в самые, казалось бы, мрачные ситуации.

Уже в приведенной главе, может быть, именно из-за этого осла, все последующее изложение пространного царского письма, весьма напыщенного и слезливого, вызывает сомнение: всерьез или пародийно воспроизводит поэт послание великого шаханшаха? Но вот только что увязшая, «как в грязи осел»,

Шахру, прочтя послание, сама
Свернулась наподобие письма...

Глаза померкли, омрачился разум,
Потрясена, оцепенела разом.

Насмешка становится очевиднее. Но почитайте дальше: нежная красавица Вис «отчитывает» посла Зарда такими нецарственными оборотами, что диву даешься и поневоле забываешь о восточной риторике, обильно украшавшей первые главы:

Вернись к царю царей с его письмом,
Скажи ему, что беден он умом...

О девушках не думал бы, постылый,
Припасы ты б готовил для могилы!

А какие слова подбирает поэт для описания царского гнева? Он пишет, что Мубад

Шипел, виясь, как злобная змея,
Кипел, как свежего вина струя.

Нельзя сказать, чтобы за каждым словом сквозила здесь легитимистская почтительность к царям. Автор явно ухмыляется в усы!

Пародийность стиля подчеркивают и следующие мрачные главы, в которых рассказывается о кровавых битвах, о том, как

Мир вздрогнул, в темном ужасе отпрянув
От рева труб и грома барабанов.

Пыль до неба взвилась в тревожный час,
Как бы с луной таинственно шепчась.

Тем более что эти главы довольно быстро прерываются пикантным рассуждением о том, в какие дни «жена зороастрийца обязана от мужа удалиться». Все дальнейшее уже не оставляет сомнения в том, что автор, говоря о Мубаде и Шахру, не только усмехается про себя, но все откровеннее смеется над ними.

Эпизоды же о том, как кормилица с помощью колдовства сковывает мужскую силу Мубада, или о том, как изобретательная Вис хитроумно наставляет рога своему владыке, — все это еще и еще раз выявляет сатирическое звучание поэмы.

Иногда, как, например, в эпизоде с кормилицей, подменившей на супружеском ложе Вис, сатира доходит до гротеска.

Шаханшах Мубад, перепившийся на пиру, улегся спать. Рядом с ним — его законная жена, несравненная Вис. Убедившись, что Мубад крепко спит, она скользнула с ложа и пустилась бегом на крышу дворца, в объятия своего любовника Рамина. Все действие происходит в кромешной тьме: свечи и светильники во дворце погашены. Однако, опасаясь быть разоблаченной, если шаханшах проснется в неурочный час, Вис обращается к своей кормилице, не преминув подладиться к ней комплиментом о пышных телесах старой мамки:

Одно поможет: с ним ты лечь должна,
Как с милым мужем — добрая жена.

Ты спрячь лицо, ложись к нему спиною, —

Он пьян, тебя он спутает со мною.

Ты пышным телом, как и я, мягка,
Обнимет он — обманется рука.

Кормилица заняла место Вис, но старый шаханшах, на беду, проснулся и сумел разобраться что к чему.

Он руку протянул — обрел старик
Не тополь свежий, а сухой тростник!..

Где шип, где шелк, — рука понять сумела,
Где старое, где молодое тело!

Мубад неистовствует, а кормилица в страхе молчит. Во тьме гремит голос одураченного рогоносца, который

Спросил, старуху за руку схватив:
«Откуда взялся ты, отвратный див?

На ведьме я женат, — хотел бы знать я?
Кем брошен сатана в мои объятья?..»

Он долго спрашивал старуху: «Кто ты?
Что ты за вещь? Ответствуй, чьей работы?»

Тогда Вис, прервав любовные утехи, подкрадывается к ложу и, горько заплакав, просит шаха хоть на минуту отпустить ее руку.

Услышал шах прелестный голосок, —
Сам не заметил, как попал в силок!

Он руку мамки выпустил из рук, —
Освободилась каверзница вдруг!

Приносят свечи, и Мубад видит, что рядом с ним сама оскорбленная невинность — Вис, жалующаяся на то, что нет ничего хуже старого, ревнивого мужа. Преисполненный раскаяния, старый Мубад только и может пролепетать, что все, дескать, с пьяных глаз.

То, что я сделал — спьяну сделал, право.
Мне жаль, что в кубке не была отрава!

Но в той беде есть и твоя вина:
Ты слишком много мне дала вина, —

горько сетует он.

С каждой новой главой растет занимательность поэмы, острее становится язык, я герои выглядят все смешнее. Читатель легко убедится в этом сам, переходя от одной главы к другой.

Над кем же смеется средневековый поэт?

Больше всего достается царю Мубаду. Это — похотливый старикашка, вечный пьяница, готовый ради своих амурных дел пожертвовать целым войском. Вот как говорят о нем солдаты, вынужденные после тяжелого похода вновь вступить в бой, чтобы «отвоевать» царю Вис:

Бойцы, не отдохнув на ратном поле,
Вновь двинулись походом поневоле.

Одни твердят: «Мы проливаем кровь,
Чего же ради нам сражаться вновь?»

Другие: «Ляжет не одна дружина,
Покуда Вис избавим от Рамина!»

А третьи: «Для Мубада Вис грозней,
Чем сто кайсаров, ханов и князей».

Даром, что шах зовется Мубадом, что означает «жрец», — на самом деле он — ничтожество и тиран. Только после его смерти

расцвели подвластные ему города Хорасана, ибо

Терзало хорасанцев самовластье,
А смерть Мубада принесла им счастье.

Под стать шаху и мамаша юной Вис, царица Шахру, готовая за золото и драгоценности продать своих детей.

Когда шах Мубад прислал ей дары, требуя, чтобы Шахру вернула Вис, помолвленную тем временем с красавцем Виру, родным братом Вис,

Не видя меры злату, серебру,
Сознание утратила Шахру,

Сошла с ума при виде той поклажи,
И дочь и сына позабыв тотчас же.

Не более благовидно поведение Шахру на протяжении всей поэмы.

Брат шаха, его советник и посол, Зард, немногим лучше других. Грубый солдафон, он непроходимо глуп и неизменно остается в дураках. Не сумев уберечь Вис, запертую на замок, он тупо глядит на нетронутые замки и печати. Шах Мубад, сам не слишком большой мудрец, на сей раз неплохо отмечает:

К чему замки, когда любовь крепка?
Коль нет штанов, не надо кушака!

Твои замки что твой кушак: смотри же,
Как без штанов остался ты, бесстыжий?!

Рамин — младший братец шаха Мубада, возлюбленный Вис — сладострастный обольститель, готовый сегодня пожуировать даже со старухой кормилицей, которую завтра назовет «бесстыдной ведьмой». Он по очереди волочится то за Вис, то за Гуль, затем снова

возвращается к Вис, но неизменно блюдет свой интерес и дрожит за свою жизнь. О браке с Вис он вдохновенно заявляет:

Тогда лишь с ней могу я быть вдвоем,
Когда над Махом стану я царем...

То не о нас ли сказаны слова:
«Жди, ослик, чтобы выросла трава!»

Шах Мубад, браня Зарда за то, что тот не уберег Вис, дает не лишенную смысла сравнительную характеристику обоим братьям — Зарду и Рамину:

Вы оба — рода знатного сыны,
Но под какой звездою рождены?

Один из вас, как бес, исполнен зла,
Другой наполнен дуростью осла.

Тебе с быками б на лугу пастись!
Как от Рамина ты не спрятал Вис?

Не более высокого мнения о Рамине и брат Вис, царевич Виру, бывший одно время, по зороастрийскому обычаю, ее мужем:

Игрой он тешит пьяниц всей столицы
Да сказывает сказки, небылицы.

Он вечно пьян, криклив; его занятье —
Закладывать виноторговцам платье.

Лицемер Рамин прикидывается верным другом, изворачивается, обманывает. Вот он, по настоянию коронованного рогоносца Мубада,

Поклялся вечным солнцем и луной,
Своею жизнью, шахом и страной...

Что больше никогда на Вис не взглянет,
С ее родными восседать не станет.

Но тут же Рамин нарушает священную клятву и продолжает плести любовную интригу с Вис. Этот, в общем, весьма удачливый бонвиван до невероятия много и долго плачет, стенает, столь же долго и много разглагольствует о своих бедствиях; выдавая себя за любящего брата, он не останавливается перед убийством Зарда, мешающего ему выкрасть казну Мубада. Рамин готов ради своих утех убить и Мубада, цинично заявляя:

Клянусь, пора мне за оружье браться:
Кровь комара ценнее крови братца!

Достойный участник всей этой дворцовой камарильи царевич Виру. Он после кровопролитной битвы, в которой гибнет его отец, быстро (и, добавим, выгодно) примиряется с Мубадом, отнявшим у него Вис. Более того, Виру убеждает ее не путаться с Рамином, а оставаться верной законному супругу — Мубаду.

А Вис «хрустальнорукая», какова сама Вис? Она ветрена и непостоянна в любви. Довольно быстро совершает Вис переход от пламенной любви к Виру к столь же пламенной страсти к Рамину. Она прекрасно умеет притворяться и кривить душой. Она лихо возражает Мубаду о «муках ада», которыми он ей угрожает.

Ответила подобная луне:
«Так плохо ты не думай обо мне...

Не так, как думают, ужасен ад,
Не так уродлив бес, как говорят.

Хоть в воровстве всегда виновны воры,

Но и на них бывают наговоры».

Дескать, не так страшен черт, как его малюют! А каково сопоставление самой себя с вором?

В своей ревности Вис мелочна и умеет отменно браниться. Когда Рамину наскучила Гуль и он вернулся к Вис, умоляя о прощении, Вис называет его старой лисой, коршуном, а жену его — ослицей, падалью, уксусом и чесноком. «Кубок с вином и млеком» — это о собственной персоне.

А как надменно относится Вис к Рамину до того, как тот стал шахом, явно толкая его на захват престола:

Уйди!.. Ты мал, ты власти не обрел,
Не для тебя царя царей престол.

Сидеть на нем такому не пристало:
Ты царство завоюй себе сначала!

Ты больно прыток. Или ты привык
Так поступать, как дивов ученик?

Вис ничего не стоит заверить Мубада в том, что он дороже ей «ясных глаз» Рамина, клясться ему в «верности»:

Мне волосок на голове твоей
Двух ясных глаз дороже и милей.

Что было — было, не вернется снова,
Тебя любить отныне я готова!

И тут же она спешит тайком в объятия Рамина. И это не раз и не два, а постоянно и непрерывно.

Уже из приведенных отрывков можно было заметить, что монологи и диалоги царствующих особ великолепны.

Рассерженный шах Мубад обращается к нежной Вис со следующими словами:

Отродье суки, мерзкая блудница,
Ты — вавилонских дивов ученица.

Вис выражается чуть изысканней, «по-женски»:

Что мне престол? — Песок! Парча — дерюга!
Мне спутник — тяжкий стон, тоска — подруга!

Не стану я утехой для Мубада,
Величья от Мубада мне не надо!

Как роза расцвела я для Виру,—
Судьбу ль шипа теперь я изберу?

Рамин зато — «по-мужски»:

Что женская любовь? Пустой обман:
На камне разве вырастет тюльпан?

С хвостом ослиным их любовь сравни:
Не станет больше, сколько ни тяни!

Ослиный этот хвост я долго мерил,
В любовь бесстыжих женщин долго верил...

Словечки «невежда», «пустой барабан», «враль» сплошь да рядом употребляются в лексиконе любовных изъяснений возлюбленной пары Вис и Рамина.

Так изображает средневековый восточный автор своих основных героев — царей и цариц, принцев крови и принцесс, дворцовую среду со всей ее челядью. Так смеется он, а порою издевается над царским дворцом. Правда, поэт все время напоминает, что его поэма — это

повесть о давно минувших днях домусульманской эпохи, о времени парфянских царей, правивших около тысячи лет тому назад. Но как бы невзначай (не от своего имени, помилуй бог, а устами своих героев) поэт бросает и такие реплики: «Что в мире хуже, чем царей коварство?», «Ведь говорят: «Коль шаханшах присудит, то сокол самкой иль самцом пребудет».

Все отмеченные черты поэмы делают ее непохожей на другие любовные поэмы средневекового Востока. Все более укрепляется уверенность, что перед нами не просто забавная, чуть фривольная рыцарская повесть, а весьма своеобразная социальная сатира. Аналогия, к которой прибегали мы в начале этой статьи, приобретает гораздо более прямой смысл. Перед нами «восточный Дон-Кихот», созданный в XI веке, — поэма по форме любовно-романтическая, куртуазная, с ярко выраженной пародийной тональностью, а по существу — острая сатира на царей и власть имущих восточного феодального общества.

От чьего имени пишет поэт свою сатиру, искусно замаскированную под древнее предание? Разгадка этого вопроса также содержится в виде намека в самой поэме.

Обратим внимание, как сетует Рамин на то, что его похождения станут предметом разговоров простолюдинов, порою — их сочувствия, а чаще — смеха и осуждения:

Я притчей во языцех стал везде,
Везде толкуют о моей беде.

Рассказы о моей злосчастной доле
Услышишь у реки, в широком поле.

В горах слагают обо мне стихи,
В степях заводят песню пастухи.

Мужчинам на базаре, женам — дома, —
Всем повесть о любви моей знакома.

«Людей базара», говорливого, пестрого, шумного, балагурящего, разношерстного и разночинного восточного базара, «людей земли и ремесел», пастухов, хлебопашцев, водоносов, охотников, рыбаков, кузнецов и горшечников, их острых на язык жен — вот кого опасается Рамин. Не их ли мысли и настроения, оценки и суждения, суды и пересуды выражает автор поэмы? В том, что это именно так, еще больше убеждает неожиданный финал поэмы.

В разгаре любовной интриги, когда трагическое и комическое перемешались так, что не разберешь, где начала и где концы, а действие дошло до кульминации, появляется в роли deus ex machina[1] — кто бы вы думали? Свинья, животное отнюдь не почитаемое в мусульманской среде слушателей и читателей поэмы. Жестокий и позорный конец уготовил автор царю царей. На Мубада бросился дикий кабан

И распорол все сердце до утробы,
И место для любви, и место злобы.

Таким образом с помощью дикой свиньи наступает мгновенная развязка, а вслед за нею в оставшихся нескольких страницах поэмы коренным образом изменяется весь ее стиль, характер изображения героев: Вис и Рамин становятся блаженненькими, добрейшими и справедливейшими из царей. Вся художественная, сатирическая прелесть поэмы испаряется, зато для понимания ее иронического смысла мы получаем новый, исключительно убедительный довод.

Последние главы воспроизводят социальную утопию средневекового городского плебса — утопию о справедливом царстве под управлением справедливого монарха.

Вот как зафиксирован в поэме этот переход от социальной сатиры к социальной утопии. Последним достойным аккордом замечательной сатиры прозвучал, как мы видели, выход торжествующей свиньи, вершащей суд и расправу над злом (воистину, неисповедимы пути аллаха, избравшего судебным исполнителем свинью!). Немедленно вслед за этим начинаются довольно пресные, морализирующие строки утопии:

Помог Рамин тяжелый сбросить гнет,
Он вырвал угнетенных из тенет.

Избавились, ты скажешь, от геенны,
Вступили в райский сад благословенный...

Злодеям злая гибель суждена,
Потомки проклянут их имена.

Дальше довольно «хроникально», но достаточно полно перечисляются все благодеяния справедливого монарха, целая программа тех же «людей земли и ремесел», которые прежде устами поэта (надо признаться, гораздо художественней и живее) порицали дворец: строительство городов, благоустройство пригородов и селений, возведение караван-сараев, бань, колодцев, щедрая раздача милостыни нищим, превращение бедняков в богатых, обеспечение спокойствия на торговых караванных путях, назидания вельможам и чиновникам, дабы они не обижали слабых, установление честных судов, уничтожение лихоимства и произвола («И были пред судом его равны богач и нищий, раб и царь страны»), выдвижение ученых в качестве советников царя царей, одним словом — осуществление мечты средневековых простолюдинов:

Не нападали волки на овец,
Легко вздохнули овцы наконец.

Если свинья выступает в финале сатиры в роли верховного судьи над злом и его носителем — *несправедливым* царем Мубадом, то нас не должно удивлять, что утопические страницы поэмы начинают и ведут до конца наши старые знакомые — ловелас Рамин и притворщица Вис, на сей раз в роли *справедливых* царей, носителей добра.

Основная идея этих утопических страниц выражена автором в следующей сентенции: «Добру все блага надо предпочесть». Автору поэмы нужно было персонифицировать торжество добра в образе

справедливых царей, а под руками у поэта были только Рамин и Вис. Переделка их в хороших, чуть ли не святых, не противоречила эстетическим нормам поэзии XI века, и поэт так и поступил со своими героями.

Удивительная трансформация Вис произошла в два приема. Вначале, для того чтобы усыпить бдительность Зарда и помочь Рамину пробраться к царской казне, она разыгрывает сцену жертвоприношения храму, который расположен недалеко от казны. В каком неожиданно умилительном виде предстает перед нами ветреная, сладострастная Вис!

Вис привела овечек для закланья
И бедняков исполнила желанья:

Каменья, злато, щедро, без числа,
Одежды и монеты раздала.

Здесь Вис еще только святоша. Но через несколько страниц, когда после гибели Мубада Рамин вместе с верной Вис законно воссядут на престол, она сделает следующий шаг, и из святоши превратится в благочестивую, святую царицу.

Рамин же совершает свою трансформацию еще быстрее: едва смыв с рук кровь убитого Зарда, он тут же становится справедливым царем со всеми подобающими последнему качествами, в том числе и святостью.

Признаемся, что назидательные главы поэмы (к счастью, немногочисленные) скучноваты. Но зато именно ими подкрепляется высказанное предположение о том, чьи настроения выражает автор замечательной поэмы, отнюдь не безнравственной, как могло показаться при чтении первых страниц настоящего предисловия.

Собственно говоря, самое главное, что должно было быть сообщено читателю в качестве предупреждения (до прочтения им поэмы), сказано. Некоторые же дополнительные сведения содержатся во второй части предисловия.

К СВЕДЕНИЮ ЧИТАТЕЛЯ

Принято писать, что об авторе поэмы «Вис и Рамин» почти ничего не известно. Трудно с этим согласиться, ибо о нем известно довольно много, во всяком случае, самое существенное: он написал свою поэму в XI веке, и написал так, что она с интересом читается и почти тысячу лет спустя. Не это ли самое важное? Все остальное — точное имя автора, годы рождения и смерти, место рождения, учения, службы и прочее, — все это действительно малоизвестно. Но разве это имеет столь большое значение?

Фахриддин — не собственное имя поэта, а его прозвище. Гур- ган — это название прикаспийской области, места, где, возможно, поэт родился или проживал большую часть своей жизни. К этим сведениям можно добавить также, что он служил у сельджукидских правителей при основателе династии Тогруле и писал, видимо, еще какие-то стихи, кроме поэмы «Вис и Рамин».

По образцу, приведенному в самой древней из дошедших до нас таджикско-персидских антологий (составленной Ауфи в XIII веке), видно, что эти стихи высмеивали (а может быть, были обычной в то время рифмованной инвективой) кого-то из противников или недоброжелателей поэта.

Известны имена и некоторых сиятельных покровителей поэта. Стоит ли их упоминать? Они ничем не прославились, разве только тем, что для них писал действительно большой поэт.

Любопытен путь поэмы, ее судьба. Сам автор пишет, что он якобы воспроизводит древнюю иранскую, пехлевийскую поэму. Филологи много спорят о том, воспроизвел ли он ее с перевода на язык фарси или сам перевел с пехлевийского языка. Все это имеет очень небольшое значение, тем более что, если поэма и заимствует (точнее, использует) некий древний сюжет пехлевийской поэмы, то по существу является, конечно, не переводом, а самостоятельным творением, порожденным условиями своего времени и поэтическим дарованием ее автора.

О сюжете пехлевийской поэмы написано и опубликовано в английском востоковедческом издании большое исследование профессора Минорского, в котором автор скрупулезно вскрывает исторические и географические основы поэмы, прототипы многих действующих лиц и так далее. Статья эта очень интересна воскрешением и реконструкцией многих среднеиранских сюжетов и

имен, но она не содержит литературного анализа поэмы «Вис и Рамин» как таковой, — поэмы, *написанной* Фахриддином Гургани, а вовсе *не* переведенной им.

Незамеченными остались некоторые более архаические элементы поэмы, содержащиеся в самом ее заглавии. «Вис» на языке «Авесты», древнейшего иранского памятника, появившегося еще до нашей эры, означает сельскую общину; «Рам» (другая форма имени «Рамин») — это бог-покровитель скотоводства. Возможно, что самый сюжет «Вис и Рамина» восходит к какому-либо не дошедшему до нас древнеиранскому преданию о дружбе мифической покровительницы земледелия и мифического же покровителя скотоводства.

Намеки на это сохранились в самой поэме, в песне, которая поется певцом Кусаном на пиру у Мубада:

Я дерево увидел на вершине,
Взглянув на ствол, забыл я о кручине!

Оно касалось неба головой
И тенью осеняло мир земной...

Под ним бежал родник, прозрачный, чистый,
И были травы вкруг него душисты,

И расцветали розы и тюльпаны,
Жасмин и гиацинт благоуханный.

У родника, где так трава сладка,
Увидел я гилянского бычка...

В поэме дерево, касающееся небосвода, — образ Мубада; река с произрастающими на ней травами и цветами — Вис, а гилянский бычок — Рамин. В песне Кусана отразились, по-видимому, какие-то следы древних мифов Ирана.

Отмечают, наконец, сходство поэм «Вис и Рамин» и «Тристан и Изольда». Это сходство, бесспорно, существует. Оно выражается и в «любовном треугольнике» в обеих поэмах (Мубад, Рамин, Вис;

параллельно — король Марк, Тристан и Изольда), и в наличии соперницы у главной героини (у Фахриддина Гургани —это Гуль; в европейской поэме — белорукая Изольда), и в некоторых других сходных эпизодах. Однако сходство и даже заимствование отдельных эпизодов вовсе не определяют содержания поэм. Каждая поэма является оригинальным продуктом своего времени, если она — действительно результат творчества, а не простого подражания или перевода. А именно такое большое творческое произведение, выражающее средневековую идеологию простонародья на Востоке, и представляет собой поэма «Вис и Рамин» Фахриддина Гургани. Мотивы действий героев в обеих поэмах совершенно различны. «Тристан и Изольда» пронизана идеей феодальной верности, в восточной поэме этого нет. В статье, недавно опубликованной в «Германо-романском ежемесячнике», Ф. Р. Шредер высказывает предположение, что поэма «Вис и Рамин» послужила прототипом для «Тристана и Изольды».

Надо думать, что подвергшиеся осмеянию дворцовые круги разглядели жало, содержащееся в поэме. Они поняли, или, вернее, почувствовали, что сквозь все занимательные перипетии любовной интриги проступает сатира на пороки дворца, а в заключении поэмы — социальная утопия городских низов. Поэтому власть имущие и постарались избавиться от поэмы.

Несмотря на то что поэма «Вис и Рамин» оказала воздействие на таких гигантов, как Низами и Саади, рукописи ее не распространялись, и она была подвергнута забвению и остракизму. Сатирик XIV века Убайд Зокони писал: «От дамы, которая прочтет предание о Вис и Рамине, целомудрия не ждите!» В XVI веке уже отмечалось, что найти поэму очень трудно. До нашего времени счастливо сохранилось едва ли более четырех списков поэмы.

Больше повезло иранской поэме в среде грузинской аристократии: поэма была воспринята как светская, куртуазная и пользовалась успехом. Под названием «Висрамиани» ее впервые перевели Саргис Тмогвелли в XII веке прозой и царь Арчилл в XVII— XVIII веках — стихами.

Западноевропейские исследователи не жаловали поэму. Крупный востоковед XIX века Т. Нельдеке писал о ней в своем исследовании об иранском эпосе: «В самой неприятной форме изображены длящиеся

целыми неделями пикантные приключения мужа и жены в поэме «Вис и Рамин», чья эстетическая ценность не выше ее моральной ценности».

Ревностный католик А. Баумгартнер в своей «Истории мировой литературы» не находит достаточно крепких слов, чтобы очернить поэму как безнравственную. Положительными персонажами он готов признать лишь Мубада и Зарда (!).

Итальянский ученый Ппцци в своей «Истории персидской литературы», возражая Графу, единственному западноевропейскому ученому, высоко оценившему поэму, пишет: «В общем же, произведение таково, каким мы его только что описали, и если кто-либо и спросит, почему мы так пространно рассуждаем о произведении, которое этого не заслуживает, то мы ответим, что мы и не стали бы этим заниматься, если бы не обнаружили, что оно восхваляется и превозносится нашим почтенным ученым (Графом.— *И. Б.)*, который, очевидно, не дал себе труда прочитать его и оценить по достоинству. Мы, поскольку дело касается нас, хотели лишь поставить на надлежащее место эту поэму».

К чести иранских исследователей, нужно отметить, что они отнеслись к поэме более благосклонно. Интересную статью написал о ней талантливый иранский писатель Садек Хедаят (1903—1951). Много справедливого сказано о ней и Моином, и Минови, и Махджубом. (Двое последних издали хорошо отредактированный текст поэмы.)

Советские востоковеды сумели выявить сатирическую направленность поэмы. Академик И. А. Орбели был первым, кто указал, что в поэме «базар смеется над дворцом». «Гургани, — писал И. А. Орбели, — смотрел на жизнь и на возвышающиеся над городом башни с городской площади, люди которой, приветствуя проезжающих на парадных конях витязей, не имели оснований идеализировать их в своем представлении и не имели оснований рассчитывать на возможность устранения их недостатков и пороков путем создания идеализированных образов».

Этой позиции придерживался Е. Э. Бертельс, ее разделяет и Б. Г. Гафуров. Она была в свое время подробно обоснована мною в специальной статье о «Вис и Рамине».

В дополнение к общей характеристике поэмы следует отметить еще некоторые ее идейно-художественные особенности.

Все время подчеркивая свою благочестивость восхвалением аллаха, признанием божественного предопределения, Фахриддин Гургани умудряется неожиданным противопоставлением благости аллаха и слепой силы рока штурмовать само небо, под видом осуждения судьбы.

То в излюбленной им иронической манере он двусмысленно пишет:

Судьба-старуха нам милей красотки,
Ведь было сто мужей у сумасбродки.

А то, не выдержав, он гневно обрушивается на круговорот судьбы, на изменчивый мир:

Зачем со мной воюешь, вечно споришь
И счастье светлое мое позоришь?

Что сделал я тебе? Иль ты ослеп
От злости, оттого, что ем твой хлеб?..

В чем виноваты мы, в чем виноваты,
Что жизнь у нас берешь ты вместо платы?

Ты мельница ль? Зачем же нашу плоть
И все живое хочешь размолоть?

Что ж делать, видно, так ты сотворен,
Увы, таков круговорот времен...

Тот, для кого ясна твоя природа,
Отверг тебя, лжеца и сумасброда.

Сколько мужества человека, переросшего свой век, сколько истинно прометеевской муки заключено в этих сильных словах,

сказанных в условиях господства религиозного мракобесия. Как это перекликается с гордыми словами Хафиза (в XIV веке):

Я не таков, чтоб изнемочь под колесом судьбы,
Скорей сломаю я его, коль не пойдет на лад!

Фахриддин Гургани сам, видимо, испугался своего вольнодумства и завершает огненные строки примирительной формулой:

Господь, не ты ли создал нашу землю?
Приму тебя, судьбу же не приемлю!

Воистину презренны те сердца,
Что незнакомы с волею творца!

И все же протестующий дух, пронизывающий всю поэму, не допускает превращения ее в веселый фарс, а подымает до высот подлинно социальной сатиры.

Украшают поэму ее ясный язык, насыщенность народными пословицами, поговорками, такими народными элементами, как заплачки (плач матери над избитой и полуживой Вис):

О, где ты, Вис, — престол, венец Турана?
О, где ты, Вис, — мечта сердец Ирана?

обращение за помощью к силам природы:

Скажу я ветру: «Вспомни, как украдкой
С кудрями Вис играл ты, с каждой прядкой...»;

обращение к дождю:

Пусть гибнут от тебя ее враги,
Потоком хлынь и молнией сожги!

песни-восхваления родного города, как, например:

Прекрасен Мерв, земных владык приют!
Прекрасен Мерв, где цветники цветут!

Прекрасен Мерв зимой и в летний зной,
Он осенью прекрасен, как весной!

Кто видел Мерв, кто поселился в нем,
Найдет ли счастье в городе ином?

А если в Мерве милая живет,
То без него полна земля невзгод!

Перевод поэмы на русский язык осуществлен с подлинника (в издании Махджуба, Тегеран, 1950) с помощью подстрочника, составленного автором настоящих строк. Переведена половина всех стихов поэмы, причем внутри глав никаких купюр не допускалось, но целиком опущены главы, содержание которых коротко изложено в прозаических связках. Поэту-переводчику С. Липкину удалось не только передать обаяние поэмы, до сих пор почти неизвестной русскому читателю, но и сохранить в точности систему ее рифмовки; где возможно — воспроизвести игру слов, звуковую орнаментацию, а главное, всю своеобычность стиля, сочетание ясности выражения с элементами выспренней риторики и нарочитого просторечья.

Надо полагать, что русский перевод откроет к сердцу советского читателя путь творению Фахриддина Гургани, ибо в свой жестокий век поэт в яркой сатирической форме создал, может быть, одну из самых нравственных поэм средневекового Востока с ее гуманистической идеей превосходства народа над его владыками.

И. Брагинский

ВИС И РАМИН

НАЧАЛО РАССКАЗА О ВИС И РАМИНЕ

Из летописей, сказок, повестей,
От мудрецов и сведущих людей

Узнал я, что державой правил встарь
Счастливый, сильный, властный государь.

Как слуги, все цари ему служили,
Лишь для него они на свете жили.

На пир однажды он созвал весной
Всех, кто владел землею и казной,

Правителей, наместников почтенных,
Воителей, красавиц несравненных.

Явились все, кто был в высоком сане
В Иране, Кухистане, Хорасане,

Кто подвигами удивлял не раз
Рей, Дехистан, Азербайган, Шираз.

Мы назовем Бахрама и Рухема,
Шапура и Гушаспа из Дейлема.

Пришли Азин, Кашмира властелин,
Виру отважный, богатырь Рамин

И Зард, наперсник шаха величавый,
Вазир и брат властителя державы.

Луне был шах подобен, а вельможи,
Казалось, на созвездия похожи.

Блистал он средь вельмож блистаньем грозным, —
Так месяц окружен блистаньем звездным.

Венцом владык увенчан шах Мубад,
Одето тело в царственный наряд.

Из глаз лучится свет, животворя,
Ты скажешь: солнце — ореол царя.

Пред ним сидят бойцы, за рядом ряд,
За ними — луноликие стоят.

Воители — как львы с броней на теле,
Красавицы — как робкие газели,

Но львы такие не страшны газелям,
А на газелей смотрят львы с весельем.

Идет, как между звездами луна,
По кругу чаша, полная вина.

Как дождь дирхемов звонких с высоты,
На всех с деревьев падают цветы.

Как облако, над пиршеством взвилось
Благоуханье мускусных волос.

Певцы поют хвалу вину и лозам,
А соловьи в любви клянутся розам.

Украсились уста багрянцем винным,
А стих певца — напевом соловьиным.

Двух красок розы светятся вокруг:
От хмеля и от прелести подруг.

Был весел шах, прогнал он все печали,

Но гости шаха тоже не скучали:

Вино из кубков полилось дождем
На щедрый сад, на пиршественный дом.

Но пир перенесли на воздух свежий —
К садам, лугам, к прохладе побережий,

Где становились каждый миг звончей
Напевы пашен, цветников, ключей.

Как звезд на небе, — на земле весенней
Пылает много трав, цветов, растений.

Ладони рдеют розовым вином,
Украшен каждый розовым венком.

Кто скачет на коне дорогой тряской,
Кто пеньем наслаждается и пляской,

Одним всего милее влага в кубке,
Другим — цветок в саду, пахучий, хрупкий.

Одни хотят беседовать с рекой,
Другим по нраву цветников покой.

Пир не смолкал от ночи до рассвета,
Казалось, что земля в парчу одета,

И царь, как все подлунное пространство,
Надел парчу и пышное убранство,

Сел на слона, что равен был горе,
Сверкавшей в золоте и серебре.

Богатыри, что на войне сильны,
Вокруг царя — как мощные слоны.

Лилось, казалось, на степном просторе
Алмазов, золота, рубинов море.

Ты видишь, сколько скачет седоков?
Сталь стерлась бы от кованых подков!

Колышутся за ними средь равнины
Красавиц луноликих паланкины.

Каменьям драгоценным нет числа,
И мулам эта ноша тяжела.

Пусть тяжелы алмазы и рубины, —
Соломинке подобны паланкины:

Украсил их красавиц легкий рой, —
Весь мир был в изумленье той порой!

Явился людям щедрости предел:
Любой обрел у шаха, что хотел.

...Стремясь к добру, таким же щедрым будь,
Даруя радостно, пройди свой путь!

Смотри: в унынье дни проводит скаред,
Но беззаботен тот, кто щедро дарит.

Вот так, когда и надо и не надо,
Шло пированье у царя Мубада.

КРАСАВИЦЫ СОБИРАЮТСЯ НА ПИРУ ШАХА МУБАДА

Красавицы, украсившие мир,
Все вместе собрались на этот пир.

Шахру из Махабада тешит взгляд,
Здесь дочь Азербайгана Сарвазад,

Абнуш, Гургана драгоценный дар,
Из Дехистана пери Наздильбар,

Из Рея Динаргис и Зарингис,
Из горных областей — Ширин и Вис,

Из Исфагана — Абнахид, Абнар,
Исполненные несказанных чар,

Две дочери ученейших дабиров,
Гуляб, Ясмин — две дочери вазиров,

Здесь Канаранг, та, что в Саве знатна,
Чью красоту заимствует весна,

Все — статные, все княжеского рода,
А стан — из серебра, уста — из меда,

Лицо — луной чудесной назови:
То роза в пламени, то снег в крови!

Таких, усладой пери наделенных,
Здесь тысячи сияли для влюбленных.

Здесь красотой гордился каждый край —
Рум, Туркестан, Иран, Бербер, Китай.

Стан, вольный тополь, серебром блестит,
Взглянув на кудри, вспомнишь ты самшит.

Каменьями украшена краса,
Из золота венцы и пояса.

Красавицы явили на долине
Стать соколов и яркий цвет павлиний,

И очи антилоп речных, когда
От львов бегут в испуге их стада.

Была Шахру красивей всех и лучше.
Ее лицо — палач и врач могучий!

Стан — кипарис; чело — как свет манящий;
Уста — рубин поющий и звенящий.

Одежда — бархат и ланиты — бархат:
Два бархата в единый слиты бархат!

Как перлы — зубы, губы — как халва,
Из жемчуга и сахара — слова,

А две косы заплетены так туго,
Как будто с цепью скручена кольчуга.

Таким лукавством взор ее искрится,
Что скажешь: то колдунья, чаровница!

Косичек тонких пятьдесят вдоль стана
Струятся сладостно-благоуханно,

А на слоновой кости блеск волос —
Как серебро, как медный купорос!

Воссядет ли, пройдет ли, постоит, —
Она среди красавиц как самшит.

На землю глянет, — прах заблещет в звездах,
От кос душистых амброй веет воздух.

Пред нею блекнет розовый цветок,
Пред нею никнет свежий ветерок,

Пред нею пыль — цветенье молодое,
Ее кудрям завидует алоэ.

Всех жемчугов царица совершенней:
То жемчуг, что исполнен украшений.

И золото, и шелк — ей все подвластно,
Но даже и без них она прекрасна!

МУБАД СВАТАЕТСЯ К ШАХРУ, И ТА ЗАКЛЮЧАЕТ ДОГОВОР С МУБАДОМ

Случилось, что в обители своей
Увидел шах Мубад, глава царей,

Сей движущийся тополь среброствольный,
Красу, рожденную для жизни вольной.

Позвал ее, подобную луне,
Повел беседу с ней наедине,

И усадил на трон, и преподнес
Красавице охапку свежих роз.

Игриво, мягко, властно и учтиво
Сказал: «Ты удивительно красива!

Хочу, чтоб ты всегда была со мной,
Любовницей мне стань или женой.

Как хорошо прильнуть к твоим устам!
Тебе я всю страну мою отдам.

Как все цари покорны мне повсюду,
Так я тебе навек покорным буду.

Владея всем, избрал тебя одну.
Ни на кого с любовью не взгляну.

Твое желанье будет мне приказом,
И сердце принесу тебе, и разум.

Исполню все, чего б ни захотела,
Тебе и душу я отдам, и тело.

Хочу и ночью быть с тобой, и днем:
Ночь станет днем, а день — блаженным сном!»

Шахру, услышав страстные призывы,
Дала ответ веселый и учтивый:

«О царь, ты правишь миром самовластно,
Зачем по мне страдаешь ты напрасно?

Мне ль быть женой, любовницей? К чему ж
Такой, как я, — любовник или муж?

Скажи, могу ли быть женой твоей,
Когда я мать созревших сыновей —

Правителей, могучих войск вожатых,
И красотой и доблестью богатых?

Из них Виру всех больше знаменит:
Слона своею мощью посрамит!

Меня, увы, не знал ты в те года,
Когда, о царь, была я молода.

Когда была я тополя прямей,
Брал ветер амбру у моих кудрей.

Росла я, украшая мир счастливый,
Как над рекою ветка красной ивы.

Померкли солнце дня и лик луны,
Сияньем глаз моих посрамлены.

Земля была смутна из-за меня!
Не знали люди сна из-за меня!

На улице, где утром я пройду,
Весь год жасмином пахло, как в саду.

В рабов я властелинов превращала,
Дыханьем мертвецов я воскрешала.

Но осень наступила: я стара,
Прошла, прошла весны моей пора!

Меня покрыла осень желтизной,
Смешался с камфарою мускус мой.

Меня состарил возраст, я тускнею,
Мою хрустальную согнул он шею.

Увы, когда старуха молодится,
Над нею мир смеется и глумится.

Лишь на меня ты зорким взглянешь глазом, —
Тебе противной сделаюсь я разом.»

Когда ответ ее услышал шах,
Сказал: «Луна, искусная в речах!

Да будет беспечальна и светла
Та мать, что дочь такую родила.

Пусть род ее не ведает потери
За то, что родила такую пери.

Да будет счастлива и день и ночь
Земля, взрастившая такую дочь.

И в старости пленяешь ты меня,
Какой же ты была на утре дня!

Коль так красив цветок, когда увял,

То ты достойна тысячи похвал.

Ты прелестью блистала поутру,
Для всех была соблазном на пиру,

И если мне женой не можешь стать,
Не можешь даровать мне благодать,

То дочь твоя да будет мне женой:
Милей жасмин, что сблизился с сосной.

Бесспорно, если плод похож на семя,
То дочь, как мать, свое украсит время:

Да станет солнцем моего чертога,
И радостей она узнает много.

Пусть это солнце озарит мой жребий:
Не нужным будет солнце мне на небе!»

Шахру в ответ произнесла слова:
«Что радостней такого сватовства?

Я прогнала бы все заботы прочь,
Будь у меня под покрывалом дочь.

Была бы дочь, — тебе служить желая,
Клянусь, ее к царю бы привела я.

Но если дочь рожу, то ты — мой зять:
Вот все, что я могу тебе сказать.»

Сей договор был по сердцу Мубаду,
Ее ответ принес ему отраду.

Шахру с Мубадом, словно теща с зятем,
Скрепила договор рукопожатьем.

Вот амбра с розовой водой слилась,
И строчками украсился атлас:

Мол, если дочь родит Шахру, то мать
Царю ее обязана отдать.

Им от беды теперь спастись едва ли:
Невестой нерожденную назвали!

РАССКАЗ О РОЖДЕНИИ ВИС

Мир многолик, наполнен он бореньем:
Воюет разум со своим твореньем.

Узлы, что вяжет время, тяжелы,
Не может разум развязать узлы.

Смотри, судьба силки плела заране,
И оказался шах Мубад в капкане.

Он так пылал, желанием зажженный,
Что нерожденную избрал он в жены.

Не знал и не предвидел он тогда,
Что зарождается его беда.

Не ведал разум, что таится горе
В несправедливом этом договоре.

Еще на свет не родилась жена,
А сделка на нее заключена!

Судьба, плутуя, шла путем превратным,
Нежданное смешав с невероятным.

Промчались год за годом с этих пор.
Шахру забыла старый договор.

Но вновь засохший ствол листвой одет, —
Дочь у старухи родилась на свет:

Беременной Шахру седая стала,
Жемчужина в ракушке заблистала,

И через девять месяцев она
Из раковины вышла, как луна.

То мать и дочь? О, так не говори:
То в солнце превратился блеск зари!

Из чрева матери явилась дочь,
Она, как солнце, озарила ночь.

А на устах у всех одно и то же:
«О боже, до чего они похожи!»

Вкруг ложа в изумленье собрались
И ту счастливицу назвали — Вис.

Шахру-бану, как только родила,
Кормилице дитя передала.

Была та мамка родом из Хузана,
Она там пребывала постоянно.

Одетая в шелка и жемчуга,
Дочь госпожи была ей дорога.

Шафран и мускус, роза и нарцисс,
И мирт, и амбра — все для милой Вис.

Сиял из драгоценностей убор,
Одежда — соболь, горностай, бобер.

Кормилица, в ней счастье обретя,
Воспитывала на парче дитя,

Лелеяла, кормила, одевала,
Как лакомство, ей душу отдавала.

Так вырос тополь, незнаком с печалью.

Ствол серебром оделся, сердце — сталью.

Пред красотой, владычицей сердец,
Застыл бы в замешательстве мудрец.

То с цветником сравнишь ее весенним,
Что восхищает розовым цветеньем:

Фиалки — кудри, тополь — стан высокий,
Глаза — нарциссы и тюльпаны — щеки;

То скажешь ты: созрел плодовый сад,
Где драгоценные плоды висят,

Где кудри словно гроздья винограда,
Гранаты-груди — радость и отрада;

То скажешь: это — царская казна,
В которой роскошь мира собрана.

Ланиты — бархат, локоны — алоэ,
Подобно шелку тело молодое.

Стан — серебро, рубиновые губы,
Сотворены из дивных перлов зубы.

То скажешь: перед нами — райский сад,
Что создал бог для неземных услад.

Уста — как мед, стан — легче тростника,
А щеки — смесь вина и молока.

Пред ней не мог не изумиться разум,
Мир на нее взирал смятенным глазом.

Ланиты были цветником весенним,
Глаза — для мирозданья потрясеньем.

Ее лицо сияло, как денница, —
Что с прелестью ее могло сравниться?

Ее лицо — как Рума небеса,
Подобна негру каждая коса.

Луне подобен образ светлоликий,
А кудри — абиссинскому владыке.

Две спутанных ее косы — как тучи,
А серьги — как Венеры блеск летучий.

Все десять пальцев — из слоновой кости,
На пальцах ногти — как орешков горсти.

Казалось, золото ее волос
Как смесь воды и пламени лилось.

Она была луной, царицей гурий,
Нет, куполом, блистающим в лазури!

Глава онагра и глаза газели, —
Вкруг той луны созвездия блестели!

И кудри и уста сравним с дождем:
В тех — амбру, в этих — сахар обретем.

Ты скажешь: красота ее лица
Сотворена, чтоб истерзать сердца.

Нет, красота ее — как небосвод,
В котором свет бессмертия живет!

ВОСПИТАНИЕ ВИС И РАМИНА В ХУЗАНЕ У КОРМИЛИЦ

Кормилица, не чая в ней души,
Красавицу лелеяла в тиши.

Воспитывался и Рамин в Хузане
Наставницей, исполненной стараний.

В одном саду росли Вис и Рамин,
Как златоцвет и сладостный жасмин.

Единым садом их сердца пленились, —
Так жизни двух детей соединились.

Промчалось десять лет, как мальчугана
Сюда перевезли из Хорасана, —

Кому бы предсказать пришло на ум,
Что небеса готовят этим двум,

Что время совершит, какие сети
Раскинет, чтобы в них попались дети?

Они еще не родились на свет, —
Еще на землю не упал их цвет, —

Судьба на них взглянула острым взглядом
И в книге жизни записала рядом.

Судьбу, сколь ни была б она постылой,
Не одолеть ни хитростью, ни силой.

Кто нашу книгу до конца прочтет,
Тот времени поймет круговорот.

Их упрекать нельзя ни в чем: дорогу
Кто преградит и кто укажет богу?

КОРМИЛИЦА ШЛЕТ ПИСЬМО ШАХРУ, И ТА ПОСЫЛАЕТ ЗА ВИС

Когда подобная кумиру Вис
Затмила стройным станом кипарис,

А руки — хрусталем сверкнули горным,
А косы — сделались арканом черным,

А кудри — мягкой сенью над цветком, —
О ней заговорили все кругом.

Кормилица, являя благочестье,
О ней послала матери известье,

Родительницу стала упрекать:
«Я вижу, ты — не любящая мать.

В своей душе ты дочь не возлюбила,
Ты о ее кормилице забыла.

Мне отдала, как только родила,
А что ты с нею мне передала?

Она полна причуд, она живет,
Как соколенок, пущенный в полет.

Вдруг залетит высоко, — что тогда?
Другого бы не выбрала гнезда!

Я не жалела благовоний, масел,
Атласа, чтобы дочь твою украсил,

Парчи, шелков, — кусков отборных, цельных,
Аптечных снадобий и москательных,

Но бархат ли, чудесный ли атлас, —
Ничто не радует ее сейчас.

Лишь на одежды стоит ей взглянуть,
Она придумывает что-нибудь:

Вот это, желтое, — для потаскухи!
Вот это, белое, — под стать старухе!

Пусть плакальщицы щеголяют в синем!
Двухцветное — к лицу писцам, рабыням!

Едва она проснется — с самой рани
Ей подавай куски китайской ткани,

Когда наступит середина дня,
Шелков, атласов требует с меня,

А вечером — наперсниц, благовоний
Да бархат принеси ей двусторонний!

Ей восемьдесят нужно для услуг, —
Не терпит меньшего числа подруг.

Подашь ей пищу — новая причуда:
Пусть золотом блестят поднос и блюдо!

Взойдет ли день, наступит ли закат, —
Прислужниц ей потребно пятьдесят,

Внимательных, пленительных, не праздных,
В златых венцах и в поясах алмазных.

Подумай ты, письмо мое прочтя,
Как возвратить домой свое дитя.

Все, что могла, я сделала: поверь,
Что с нею мне не справиться теперь.

Кто я такая, чтобы для царей
Воспитывать причудниц-дочерей?

Сто рук слабее головы одной,
А триста звезд слабей, чем свет дневной!»

Прочтя письмо, увидела Шахру,
Что все слова устремлены к добру,

Что радостно такое сообщенье,
Что дочери высоко назначенье.

Послание доставивший гонец
Обрел в награду злато и венец:

Не одному ему, а внукам внуков
Хватило этих драгоценных вьюков!

Затем, блюдя обычай властелинов,
Шахру послала много паланкинов,

Рабов, рабынь и слуг, чей тонкий стан
Напоминал и тополь и платан.

Вис, что росла от матери вдали,
В дом предков из Хузана привезли.

Увидела Шахру, что дочь красива,
Лицом прекрасна, сложена на диво,

И жемчуга дала ей из ларца,
В молениях восславила творца.

Взглянув на дочь, она развеселилась:

Луна, казалось, в доме поселилась!

Украсила Шахру ее ланиты:
Фиалки-кудри золотом увиты,

А мускус в косах — словно запах счастья,
А на руках — жемчужные запястья.

Одела дочь в сверканье золотое,
Окуривала амброй и алоэ,

И стала Вис подобьем цветника,
Весенним благовоньем ветерка.

Нет, лучше эту прелесть ты сравни
С твореньями великого Мани!

Вис расцвела, как сад Ирем, блистая,
Как росписи художников Китая.

Шахру так нарядила дочь свою,
Что та казалась гурией в раю.

Уловок не было в ее красе,
Но чистою красой пленялись все.

И в золото и в жемчуг убрана,
Так хорошела сказочно она,

Что падал, — был таков ее румянец, —
На золото червонное багрянец.

ШАХРУ ВЫДАЕТ ВИС ЗА ВИРУ

Шахру, увидев эту красоту,
Что и цветник затмила бы в цвету,

Сказала: «Станом, разумом, лицом
Пускай творенья станешь ты венцом!

Я — госпожа, отец твой — царь и воин.
Так кто же здесь в стране тебя достоин?

Кого твоим супругом назову?
Где в мире для тебя найду главу?

Все страны обойдем из града в град, —
Тебя достоин лишь Виру, твой брат.

Ты стань ему четою и женою, —
Возрадуемся мы, как мир весною.

Ты брату улыбнись, как жениху, —
И в дочери я обрету сноху.

Виру красив, как солнце, дня светило,
А Вис Венеру прелестью затмила.

Награда будет всем моим трудам:
Достойному достойную отдам!»

Вис покраснела от стыда, едва
Шахру произнесла свои слова.

Желание в ее душе зажглось,
Согласье из молчанья родилось.

Ни да, ни нет ответить не посмела:
Страсть к брату обожгла и дух и тело.

Но было радостным сиянье глаз:
Она любовь познала в первый раз.

Ланиты заалели, как вино,
Что сумраком кудрей осенено.

Молчала дочь, но догадалась мать,
Что брату Вис женой согласна стать.

И опытом и возрастом богата
Была Шахру: ведь и она когда-то

Впервые вспыхнула во цвете лет,
И был молчанием ее ответ.

Поняв, что Вис от страсти расцвела,
Тотчас же звездочетов созвала,

Спросила: «Каково небес веленье?
В них противленье иль благоволенье?

К добру ли сочетание светил?
Что свет Сатурна детям возвестил?

Брат и сестра вступить ли в брак должны?
Получше нет ли мужа для жены?»

И звездочеты, мудрые провидцы,
Исследовали звездные таблицы,

По знакам на небесных письменах
Они избрали месяц Азармах:

Вращение светил обозначало,

Что месяц Азармах — весны начало.

Вот наступило нужное число.
Вот шесть часов от вечера прошло.

Шахру явилась, царственно светла,
И дочь и сына за руку взяла,

У бога попросила благодати,
Осыпав дивов тысячью проклятий, —

Да охраняют ангелы и бог
Молодоженов от мирских тревог.

Затем сказала детям дорогим:
«Да будьте счастьем счастливы благим.

Излишня роскошь на таком пиру,
Когда за брата выдают сестру.

Не нужен жрец и не нужна печать,
Да и свидетелей не надо звать:

Бог засвидетельствует ваш обряд,
Луна и солнце вас благословят.»

Соединила руки молодых,
Благословила двух детей своих:

«Да будет ваша радость бесконечна,
А каждое деянье — человечно.

Любите вы друг друга беспорочно,
Пусть бракосочетанье будет прочно,

И пусть единство мужа и жены

Единством станет солнца и луны.»

ЗАРД ПРИБЫВАЕТ К ШАХРУ КАК ПОСОЛ

В том деле, что удач не предвещало,
Плохой конец заметен был сначала.

О том, что непогода будет днем,
С утра по разным признакам поймем.

Уже зимою нам ясна примета,
Что засухою разразится лето.

Нам сразу же являет ствол кривой,
Что древо не оденется листвой.

Поймем, взглянув на ветвь весной холодной,
Что эта ветвь останется бесплодной,

А по изгибу лука мы поймем,
Что полетит стрела кривым путем.

Вот так же этот брак сулил несчастье,
И вместе с ним обрушились напасти.

Едва Шахру соединила свято
Две трепетных руки сестры и брата,

Едва, в предвестье неги и услад,
Был на айване совершен обряд, —

Со стороны реки на светлый день
Упало облако, ночная тень.

То облако вдруг стало черной тучей, —
Так среди гор клубится прах летучий.

Но то не тучу поднял черный прах, —
То витязь на коне скакал в горах.

На скакуне сидел он вороном, —
И так же темен был наряд на нем.

Плащ, сапоги, и пояс, и чалма
На всаднике чернели, как сурьма,

А паланкин с навесом и попоной
Синел фиалкою, в реке рожденной.

Такой примчался всадник в эту пору.
Он звался Зардом, походил на гору, —

Советник шаха, и посол, и брат.
Как лилия, синел его наряд.

Глаза — рубины, красные от пыли,
Морщины гнева лоб избороздили.

Он был похож на льва, что ждет добычи,
На волка, что почуял запах дичи.

Посланье шаха он держал в руках,
Душистой амброй путь его пропах:

Ведь начертали за строкой строку
На амброю пропитанном шелку.

Бежали сладкие слова, блистая,
Внизу — печать и подпись золотая.

К дворцу Виру примчавшись поутру,
Зард спешился, приблизился к Шахру,

Предстал он с извиненьем и поклоном:

«Я прибыл за ответом благосклонным.

Царь приказал, — а для меня сегодня
Приказ царя, как заповедь господня, —

Царь приказал, чтоб я пустился в путь,
Ни разу не помыслив отдохнуть,

Чтоб я помчался, вихрь напоминая,
Чтоб от меня отстала пыль сквозная,

Чтоб ночью был стремителен и днем,
Чтоб ни на миг не насладился сном,

Чтоб сразу же вернулся в Мерв с дороги,
Чтоб не дремал мой конь крылатоногий, —

Пускай седло я ложем изберу,
Покуда не предстанет мне Шахру,

Чтоб от царицы я ответ доставил,
Чтоб тут же в Мерв бразды коня направил.»

Затем сказал: «Приветы шлет Мубад
Тебе, кто озарила райский сад.»

Шахру он славословит, говоря:
«Прими привет от зятя и царя.

Да будут счастьем дни твои полны
В делах венца, престола и страны.»

Всем передал он благопожеланье,
Вручил Шахру державное посланье.

Прочтя письмо, что ей привез посол,
Шахру увязла, как в грязи осел.

Слова властителя дышали жаром:
Напомнил царь о договоре старом!

Вначале шаханшах восславил бога,
Который судит правильно и строго:

«Его законы в двух мирах ясны,
Ни в чем он не допустит кривизны.

Он правдою украсил мир и спас,
Такой же правды требует от нас.

Победой награждает он того,
Кто борется за правды торжество.

Всех прав ценнее в мире право правды,
Вовек не потускнеет слава правды!

Мне только правда от тебя нужна,
И ты сама творить ее должна.

Ты помнишь, мы с тобой в союз вступили,
Рукопожатьем договор скрепили,

Нас дружбы и любви связала связь,
Поклялся я, и ты мне поклялась, —

Так вспомни клятву дружбы и любви,
Будь справедлива, правду прояви!

Ты дочь мне обещала в договоре,
Которую и родила ты вскоре.

Поскольку я — твой венценосный зять,
Мне дочь твоя — как божья благодать.

Ты родила, когда вступила в старость,
Чтоб мне, счастливцу, дочь твоя досталась.

Ее рожденью несказанно рад,
Я нищим роздал множество наград,

Затем, что в боге я нашел опору:
Содействовал всевышний договору.

Сейчас я не хочу, стремясь к отраде,
Чтоб ту луну держали в Махабаде.

Там юноши и старики развратны,
Им наслажденья похоти приятны.

Мужчины — сластолюбцы, волокиты,
Пороками своими знамениты.

Они склоняют жен ко лжи, к измене,
Они хотят запретных наслаждений.

Опасны женщине такие люди:
Любая среди них погрязнет в блуде!

Ведь женщина слаба, мягкосердечна,
Подвержена греху, пуста, беспечна.

Она отдаться первому готова,
Кто ей нашепчет ласковое слово.

Пускай умна, блюдет свой дом и честь, —
А сладко слушать ей мужскую лесть!

Попробуй женщине сказать любой:
— Луна и солнце меркнут пред тобой,

Люблю тебя, я у тебя во власти,

Готов я душу разорвать на части,

И днем и ночью я мечусь от боли,
Я обезумел, я лишился воли.

Погибну, ибо жребий мой тяжел:
Живу, пока держусь за твой подол!

Приди ко мне и утоли мой голод:
Томлюсь я как и ты, как ты, я молод!

Будь эта непорочная жена
Верна супругу, с разумом дружна, —

А наслаждается такой отравой
И сразу расстается с доброй славой.

Я знаю: дочь твоя чужда порока,
Но за нее волнуюсь я глубоко.

От искушений ты избавь ее,
Из Махабада в Мерв отправь ее!

Не думай о приданом: не казна,
А милая супруга мне нужна!

Я так богат, что жемчуг мне не нужен:
Мне дочь твоя дороже всех жемчужин!

Я буду баловать ее всечасно,
И станет ей моя казна подвластна.

К ее ногам я брошу всю державу,
Что ей по нраву — будет мне по нраву.

Тебе я столько ценных дам наград,
Что золотом заполнишь целый град.

Ты радость обретешь, прогонишь страх,
Я за тобой оставлю землю Мах.

Виру как сыну я воздам почет:
Жену из дома моего возьмет.

Я так восславлю весь твой род почтенный,
Что не умрет он в памяти вселенной!»

Шахру, прочтя послание, сама
Свернулась наподобие письма.

Царица устыдилась сердцем жестким,
И каменное сердце стало воском.

Глаза померкли, омрачился разум,
Потрясена, оцепенела разом.

Казалось, что сломил ее недуг,
Не видела, что делалось вокруг.

Раздавлена раскаяньем, терзалась,
Клятвопреступницей себе казалась.

Затрепетала бедная душа,
Как бы грехом тягчайшим согреша.

Нарушив клятву, от стыда горя,
Она боялась бога и царя.

Да! Клятвопреступленье кто простит?
То страх оно приносит нам, то стыд!

Предчувствием беды стеснилась грудь,
Не может слово молвить, ни вздохнуть.

Тогда на мать, дрожащую от срама,
Взглянула Вис и вопросила прямо:

«Всю правду мне поведай. Что случилось?
Где ум, где разум твой, скажи на милость!

Как выдать замуж, совесть отвратя,
Могла ты нерожденное дитя?

Ты, совершив постыдное деянье,
Себя же предала на осмеянье!»

ВИС РАССПРАШИВАЕТ ЗАРДА И ВЫСЛУШИВАЕТ ЕГО ОТВЕТ

Затем послу она сказала слово:
«О, кто ты? Рода, племени какого?»

Ответил тот: «Я — приближенный шаха,
Вожатый войск, не ведающий страха.

Шах, отправляя воинство в поход,
Мне предлагает выступить вперед,

И возлагает на меня все время
Трудов славнейших и тягчайших бремя,

И, ни единой тайны не храня,
Советов спрашивает у меня.

Я обо всем осведомлен заране,
Я соучастник всех его желаний.

Я почитаем всей его страной,
Зовусь я Зардом, конь мой — вороной.»

Красавица, услышав речь посла,
С насмешкою в ответ произнесла:

«Пусть тот, кому ты служишь, пропадет,
А с ним — его величье и почет!

Так, видно, в вашем Мерве поступают:
Одну супругу двое выкупают,

Чтоб увезти замужнюю жену,
Чтоб чахла, непорочная, в плену!

Иль наших ты не видишь пирований?
Иль музыки не слышишь на айване?

Иль не пришли сюда, как в сад пригожий,
Красавицы и знатные вельможи?

Смотри, — на них запястья и браслеты,
Они в парчу и золото одеты.

Правители сидят среди гостей,
Воители из разных областей,

Красавицы со всех опочивален, —
Цветы садов, чей жребий беспечален.

Здесь пьют вино, здесь мускус и алоэ,
Здесь праздник, здесь веселье удалое.

Ты видишь ли величие дворца?
Ты слышишь, как в груди стучат сердца?

Сосед встречает радостно соседа,
И льется задушевная беседа:

«Да будет вечно счастлив этот дом,
Где прелесть и богатство мы найдем,

Где дочери — невесты для царей,
Где витязи — мужья для дочерей!»

Приехав к нам, увидел ты красавиц,
На свадьбе ты услышал много здравиц,

Теперь коня ты можешь повернуть,
Пуститься, как стрела из лука, в путь.

Не верь в удачу смыслу вопреки:
У той удачи руки коротки!

Нас письмами не запугает шах:
Для нас его посланья — пыль и прах!

Помчись назад, чтоб не было заботы!
Виру вернется вечером с охоты,

Разгневает супруга твой приезд, —
Подальше скройся ты от наших мест!

Вернись к царю царей с его письмом,
Скажи ему, что беден он умом,

Чтоб не питал напрасную надежду,
Что в шахе мы увидели невежду.

Скажи: «Настал твоей поры предел,
От старости твой разум ослабел,

А если бы не одряхлел твой разум,
Ты б не прислал посла с таким наказом,

О девушках не думал бы, постылый,
Припасы ты б готовил для могилы!

Мой брат и я — прекрасная чета,
А наша мать Шахру — знатна, чиста.

Я мать свою люблю, мне дорог брат,
Мне не нужны ни Мерв, ни ты, Мубад!

К чему мне Мерв — чужой, немилый, дальний,
Пока Виру — в моей опочивальне!

Здесь кипарис, весь в жемчугах, расцвел, —

К чему же мне бесплодный, дряхлый ствол?

Лишь тот уехать хочет в край чужой,
Кто дома у себя скорбит душой.

Как солнце, для меня сияет мать,
Я брату сердце счастлива отдать,

Как молоко с вином, слились мы ныне, —
Старик Мубад к чему мне на чужбине?

Скажи, зачем мне нужно, чтобы старость
С цветущей молодостью сочеталась?

МУБАД УЗНАЕТ, ЧТО ВИС ВЫДАНА ЗАМУЖ ЗА ВИРУ, И ОТПРАВЛЯЕТСЯ НА ВОЙНУ

Как только Зард привез такой ответ,
Лег на лицо Мубада желтый цвет,

Лицо, что было, как вино, румяно,
Вдруг пожелтело желтизной шафрана.

Сказал бы ты, что дух ушел из тела,
Душа от гнева плавилась, кипела.

Как ива, он дрожал, как солнца луч,
Когда, дробясь, он входит в быстрый ключ.

Спросил он: «Брат, ты видел это сам?
Поверил слухам иль своим глазам?

Не то, что ты услышал за беседой,
А то, что видел сам, ты мне поведай.

Верней услышанного — лицезренье,
Сильней уверенность, чем подозренье.

Но подозренье мне грозит позором, —
Скажи, что собственным ты видел взором?»

Ответил брат: ты знаешь, что царю
О том, что не видал — не говорю.

О том, что видел сам, — поведал честно,
Сокрыв лишь то, что стало мне известно.

Как брат мне был Виру, как мать — Шахру,

Не раз обоих славил на пиру,

Теперь обоих не хочу я видеть,
Я стал из-за тебя их ненавидеть.

К чему мне сердце, если хоть частица
Любви к тебе из сердца испарится!

Потребуешь, — так перед всем дворцом
Сто раз я поклянусь благим творцом:

Я видел свадьбу, я тебе не вру,
Но я не ел, не пил на том пиру.

Тот праздник яркий, радостный, нарядный
Казался мне темницей неприглядной.

Он полем битвы был, а не весельем,
Казался мне колодцем, подземельем.

Не мог и песнопениям внимать я, —
Они в ушах звенели как проклятья!

О том, что я узнал, пришел с рассказом,
И знай: покорен я твоим приказам!»

Известьем повторенным опечален,
Мубад, казалось, был змеей ужален.

Шипел, виясь, как злобная змея,
Кипел, как свежего вина струя.

Вельможи, что стояли справа, слева,
Зубами стали скрежетать от гнева:

«Шахру осмелилась нарушить слово,
Жену владыки выдать за другого!

Звезду, что светит шахскому двору, —
Твою жену как мог отнять Виру?»

Затем сказали: «Ты потребуй, шах,
Чтоб наказал злодея город Мах,

Не то войска в чертог Виру, Карана
Ворвутся, как от сглаза, невозбранно.

Мир сглазила Шахру, но мир таков,
Что сын ей станет злейшим из врагов.

Не только брату не дадим сестру,
Но отберем и царство у Шахру!

Невесты — женихов тогда лишатся,
Владык венчанных — города лишатся!

На землю Мах, всесилен и жесток,
Из тучи грянет гибели поток.

Все истребится мстительной рукой,
То, чем владел один, возьмет другой.

Едва в ту землю вступит наша рать, —
Начнем страну громить и разорять.

Повсюду будет литься кровь расплаты,
Все люди будут ужасом объяты.»

Когда померкли для царя созвездья,
Он в сердце ощутил огонь возмездья.

Созвал писцов Мубад, в парчу одетый,
Свои слова рассыпал, как монеты:

Он жаловался на Шахру царям,
Клятвопреступнице — позор и срам!

Ко всем, кто был под ним, во все концы
С посланьями отправились гонцы.

Оповещал властитель воевод:
«Хочу на Махабад пойти в поход...»

Одних он звал на помощь, а другим
Велел, чтоб вышли с войском боевым —

Табаристан, Гурган и Кухистан,
Хорезм, и Хорасан, и Дехистан,

Синд, Хиндустан, Китай, Тибет, Туран,
И Согд, и земли сопредельных стран.

Бессчетные войска сошлись тогда.
Скажи: настал день страшного суда.

ВИРУ УЗНАЕТ О ТОМ, ЧТО МУБАД ПОШЕЛ НА НЕГО ВОЙНОЙ

Когда ушей Виру достигла весть
О том, что шах Мубад задумал месть,

Что полчища со всех концов земли
На славный город Мах войной пошли, —

Случилось так, что в эти дни друзья,
Сановники, вельможи и князья

Истахра, Хузистана, Исфагана,
Азербайгана, Рея и Гиляна,

Их дети, жены, чествуя Виру,
Там собрались на свадебном пиру,

И пребывали гости в Махабаде
Полгода, светлой радуясь усладе.

Услышав, что великий царь царей
На них послал войска богатырей,

Они отправили гонцов с приказом,
Чтоб их войска сюда явились разом.

Пришли бойцы, стоят — к стене стена,
Казалось, что для ратей степь тесна.

Такое войско завладело степью,
Что степь, сказал бы, стала горной цепью.

Пришли стрелки, отважные бойцы,
Возмездья справедливого творцы.

Была такая сила в них жива,
Что затмевала мощь слона и льва.

С горы Дейлем пришедшим пешим строем
И силу и величье гор присвоим!

Здесь были и охотники за львами,
И храбрецы с седыми головами.

Стоявших впереди и позади
Возглавили могучие вожди,

А те, кто был на крыльях и в средине,
Железной уподобились твердыне.

Стоял напротив шаханшах Мубад,
Чья рать шумела, как весенний сад.

Здесь грозно все: уменье и число,
И левое, и правое крыло.

Под воинством из Мерва вся земля
Ревела, как река Джейхун, бурля.

Мир вздрогнул, в темном ужасе отпрянув
От рева труб и грома барабанов.

Пыль до неба взвилась в тревожный час,
Как бы с луной таинственно шепчась.

Нет, бесы поднялись на небеса,
Чтоб ангелов услышать голоса!

Как звезды в тучах — воины в пыли,
Казалось, дни последние пришли,

Луна, казалось, вздрогнула: нежданно
Низринулся поток из Хорасана.

Но то не шел с небесных склонов дождь, —
То был рычащих львов, драконов дождь!

Такое воинство пришло с царями,
Что степью стали горы, степь — горами.

Казалось, войско сделалось рекой,
Вершины гор снесет поток людской!

Так, с жаждой мести в душах и в умах,
Войска царя вступили в землю Мах.

Сошлись две рати в этом бранном споре,
Одна — как вихрь, другая — словно море.

Остра их середина, как булат,
Их крылья с двух сторон, как львы, рычат!

ОПИСАНИЕ СРАЖЕНИЯ МЕЖДУ МУБАДОМ И ВИРУ

Лишь на восток восточный шах пришел,
Чей раб — луна, а небосвод — престол,

Построились войска, гром барабанов
Тогда раздался из обоих станов.

Не барабаны грянули, а дивы, —
К возмездию послышались призывы.

Заговорили трубы боевые,
Чтоб мертвые сражались как живые.

Был говор труб — как первый гром весной,
Он гнал весну из тишины лесной.

Он был настолько страшен, что заране
Весна пустилась в бегство с поля брани.

Казалось, барабаны укоряли:
«Эй вы, идти в сраженье не пора ли?»

А голоса литавров неуемных
Казались плачем плакальщиц наемных.

Стонал сантур, стонал, звонкоголос,
Как соловей средь виноградных лоз.

Вторгался в это пенье трубный зов, —
Как бы слились стенанья двух певцов.

Дух замирал, той музыке покорный,
От изумления вопили горны.

Казалось, над владельцем хохотал
В его руке сверкающий кинжал.

Кольчужные ряды па поле брани
Напоминали гору в океане.

Здесь пешие — как чудища в пучине,
А всадники — как барсы на вершине.

Такой восторг объял их в бранной сече,
Что каждый воин был как сумасшедший.

Воителей с безумными глазами
Не устрашали ни вода, ни пламя,

Ни острый меч, ни лук, ни булава,
Ни рев слона и ни рычанье льва.

Здесь воины вступали в бой кровавый,
Готовы умереть во имя славы.

Им страх не смерть внушала, а позор,
Бесславия суровый приговор.

Поля войны лесною стали чащей,
Где каждый воин — словно зверь рычащий.

На поле битвы стяги — словно лес,
Парча сверкает, словно свет небес,

А на знаменах ратей и дружин —
Симург, орел, и сокол, и павлин.

Со львом и соколом трепещет стяг, —
Скажи: то сокол держит льва в когтях.

От ног слонов и от копыт коней
Выскакивают искры из камней.

Взметнулась пыль, крича: «Посторонись!» —
И падает с высот небесных вниз.

Для пыли места нет осесть на суше,
Она забила рты, глаза и уши

И превратила юных — в седовласых,
А вороных коней — в светло-саврасых.

С трусливым храброго не спутать ныне:
Отважный — радостен, а трус — в унынье.

У трусов лица желты, как динар,
А лица смельчаков горят, как жар.

Два воинства теперь сошлись вплотную
И ощутили ярость боевую.

Скажи: столкнулись на земле степной
Железная гора с горой стальной.

У этих войск — пернатые послы:
Ты видишь перья пики и стрелы?

Летят послы над полем, блещут, свищут,
Они дорогу только к сердцу ищут.

Смотри: послы в какой ни вступят дом, —
Живое гибнет сразу в доме том.

Так был ужасен этот гул военный,
Что мнилось: наступает смерть вселенной.

Брат ненавидел брата зло и яро,

Лишь веря в силу своего удара,

Лишь на свою сноровку уповая,
Лишь правоту кинжала признавая.

Кто жаждал, чтобы кровь лилась ручьем,
Тот правосудье совершал мечом.

Да, сеятелем сделалась война,
В сердцах посеяв злобы семена.

Погасла мысль, умолкло красноречье,
Жестоким стало сердце человечье.

Никто не слушал мирных голосов, —
Лишь барабана гром и трубный зов.

То перед панцирем сверкал кинжал,
То грозный меч бойцу глаза смежал,

То в грудь копье впивалось, точно страсть,
То меч, как мысль, стремился в мозг попасть.

Да, твердо знал булат, убить спеша,
Где в теле помещается душа!

Путем, которым в плоть входила сталь,
Душа из плоти улетала вдаль!

Расцвел, как роза, каждый меч жестокий,
Багряные лились на землю соки.

Меч — ветка мирта над листвой граната,
Над зернышками — лист живой граната!

Копье в бою трудилось, как портной,
Что прошивал бойцов иглой стальной.

Судьба в пылу решила боевом,
Чтоб тот онагром стал, а этот — львом,

И становились, по ее желанью,
Тот — смелым барсом, этот — робкой ланью.

На поле, где кровавый бой гремел,
Под ливнем копий, ураганом стрел,

Сражен врагом, с коня свалившись вниз,
Погиб Каран — отец прекрасной Вис.

Воители Виру, добыча мести,
Сто тридцать, полегли с Караном вместе.

Вздымались трупы — за скалой скала,
А кровь, как реки, между скал текла.

Дней колесо, сказал бы, сыплет град,
В котором красные цветы горят.

И увидал Виру: на поле бранном
Легло немало воинов с Караном,

Что за него пошли в огонь войны
И были сожжены и сражены.

«О знатные, — сказал он, — укрепитесь,
Затем, что не бежит от смерти витязь.

Раскаетесь вы в трусости своей:
Вопит о мести кровь богатырей.

На родичей, поверженных во прах,
Взгляните: их убив, ликует враг.

Иль вы не отомстите за Карана,
Чья борода — в крови, а в сердце — рана?

Смотрите: царь, наш старый царь убит, —
Что горше может быть таких обид?

Погасла имени его заря,
Померкло счастье славного царя.

Из-за того, что солнце — на закате,
Боюсь, не отомстим враждебной рати.

Ужели за царя с единодушьем
Возмездье на врагов мы не обрушим?

Наступит ночь под пологом небесным,
И скоро станет мир для войска тесным.

Вы провели немало стычек, схваток,
Но день для битвы оказался краток.

Еще противник тверд, и, зла сподвижник,
Еще Мубад не дрогнул, чернокнижник.

Так уподобьтесь вы теперь драконам,
Мне помогите гневом непреклонным:

От грязи я омою жемчуга,
Возмездие обрушу на врага,

Очищу мир от злобных дел Мубада, —
Пускай душа Карана будет рада!»

Воителям сказав такую речь,
Виру сумел отвагу в них зажечь.

Мужи знатнорожденные сплотились —

И пешие и конные, — сплотились.

И понеслись, как ветер, над полями,
На вражью рать низринулись, как пламя.

Стремительный поток ревел, грозя, —
Его ничем остановить нельзя.

Заговорили воины, крича,
На языке секиры и меча.

Здесь растоптали дружбу и родство,
Отец вставал на сына своего,

Брат бился с братом, — оказалось вдруг,
Что всех врагов враждебней близкий друг.

Пусть ночь не наступила на земле,
Но вся земля уже была во мгле.

Мир заболел куриной слепотой,
Источник солнца был в пыли густой.

Здесь, ослеплен сверканием булата,
Брат обезглавливал родного брата,

А сын в бою вылавливал отца,
Кинжалом обезглавливал отца.

Ты скажешь: копья — это вертела,
И жарятся на них бойцов тела.

В глазу богатыря, как ветвь ствола,
Росла четырехперая стрела,

Но жизни ствол произрастал из тела,
И не кора, — броня на нем блестела,

Сталь раскрывала это покрывало
И древо жизни с корнем вырывала.

Здесь копья — точно лес, зверьем обильный,
Земля в крови — как виноград в давильне.

Мир, из-за пыли и стальных мечей,
Стал едким дымом и огнем печей.

Ты скажешь: смерть, как ветер столбовой,
Воителей, осыпав их листвой,

Укладывала на цветы полей, —
Как бы стволы валила тополей.

Как только день погас, под небосклоном
Земля покрылась золотом червонным,

Погасло и Мубада торжество,
Утратил мир надежду на него.

Опорой шаха став, ночная мгла
От гибели его уберегла.

Настала ночь — и помешала зрячим
Преследовать его в бою горячем.

Над войском вывернулся наизнанку
Весь мир, и кинул шах свою стоянку.

ПИСЬМО ШАХА МУБАДА И ОТВЕТ ВИС

Оправившись после первого поражения, Мубад наносит удар войскам Виру и посылает к Вис посла с письмом: если Вис пойдет замуж за Мубада, он прекратит войну, в противном случае он уничтожит войска Виру. Вис резко разговаривает с послом шаха и выпроваживает его.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПОСЛА МУБАДА ОТ ВИС

Услышав речь красавицы, посол
На страсть намека даже не нашел!

Он поспешил, опередив рассвет,
И шаху передал ее ответ.

Любовь Мубада вспыхнула стократно, —
Как сахар, эта весть была приятна:

Тому в особенности был он рад,
Что не познал сестру-супругу брат.

Сказал он: «Речи девушки правдивы!» —
И рассмеялся шаханшах счастливый...

В ту ночь, когда супругом стал жених,
Обрадовав и близких и родных, —

Болезнь пришла внезапно к новобрачной,
И ночь для мужа оказалась мрачной.

Судьбы, как видно, таковы законы, —
Не сблизились в ту ночь молодожены!

Раскрылась рана у серебротелой,
И кровь на юной розе заблестела.

Неделю новобрачная томилась, —
Ты скажешь: из рубина кровь точилась.

В такие дни жена зороастрийца
Обязана от мужа удалиться,

А если скроет, что она больна, —
Отверженной становится жена.

Пока у Вис не проходил недуг,
Не знал желанной радости супруг.

Сколь ни была она чиста, прекрасна,
Та свадьба для Виру была злосчастна.

Казалось: мир, чтоб их лишить отрады,
Поставил меж супругами преграды.

От неудачи, происшедшей вдруг,
Забыл и о супружестве супруг,

От неудачи, что бойцы познали,
Стояло войско в смуте и в печали.

Ты скажешь: дунул ветер, полный сил,
И свадьбу, как светильник, погасил.

МУБАД СОВЕЩАЕТСЯ СО СВОИМИ БРАТЬЯМИ

Когда Мубад узнал об этом деле,
Его душой желанья овладели.

Два брата было у него: Рамин
И Зард, вожатый доблестный дружин.

Их преданность познав уже не раз,
Шах вызвал братьев и повел рассказ.

Когда Рамин еще ребенком был,
Он втайне Вис прекрасную любил.

С тех пор как в сердце та любовь зажглась,
Ее скрывал от посторонних глаз.

Дождя надежды не познав, от боли
Увяла страсть, как стебель в знойном поле,

Но прибыл к брату он в Гураб, и вновь
Истоки жизни обрела любовь.

Опять надежда сердцем овладела, —
Любовь, сгорая, только молодела.

Опять в душе побег любви возник,
И снова резким стал его язык,

Срывались речи пламенные с губ,
Был разговор его порою груб...

В чьем сердце разожжен любви костер,
Того язык — напорист и остер.

Он вырывается из пут, он страстен,
Влюбленный сам уже над ним не властен.

Язык — страж сердца, но язык любви
Бессмысленным и странным назови.

Влюбленный, одержим безумьем страстным,
Становится коварным и опасным!

Рамин, в чьем сердце страсть была жива,
Сказал царю учтивые слова:

«Оставь заботы, шах, остановись,
Не думай о любви к прекрасной Вис.

Сокровища ты расточишь без счета,
Но тщетною окажется забота.

Плодов не обретешь, трудясь упорно:
В солончаке свои посеешь зерна.

Ты не достигнешь цели, царь царей:
Не станет Вис возлюбленной твоей!

Как ты ни действуй, делом будет праздным
Искать алмаз не в руднике алмазном.

Как можешь ты ее любви добиться?
Отец ее убит, и ты — убийца!

Любовь не добывается войной,
Ни золотом, ни царскою казной.

Из-за нее ты в бедствии погибнешь,
Добыв ее, — впоследствии погибнешь!

Возлюбленная-враг в твоем жилье
Подобна в рукаве твоем змее!

При этом, вспомни, шах, свои года:
Ты стар, а Вис красива, молода.

Ищи другую: могут быть четой
Старик — старухе, юный — молодой.

Тебе нужна лишь юная жена?
Ей тоже в муже молодость нужна!

Ты — осень, а она — весна в цвету,
Составить вы не можете чету,

А сочетаешься, лишенный силы, —
Не даст ей наслажденья старец хилый.

Раскаянье тем будет бесполезней,
Что нет лекарства от таких болезней.

Порвать с женой трудней, чем сбросить полог,
Недуг твой будет и тяжел и долог.

От страсти к ней тебя не исцелят,
В разлуке с ней измучишься стократ.

Любовь как море, чей закон таков:
Не сыщешь дна, не видишь берегов.

Ловец жемчужин станет жертвой горя,
Коль не сумеет вынырнуть из моря.

Пойми: любовь найти стремишься ныне,
Но завтра захлебнешься ты в пучине.

Легко ты прянешь, — море глубоко,

И вынырнуть из моря нелегко.

Поверь: пекусь я о твоей судьбе,
Одной лишь пользы я хочу тебе.

Прими совет и братское участье,
Не то к земле тебя пригнет злосчастье.»

Рамина слушал старый шаханшах:
Познал он горечь в сладостных речах.

Измученному страстью, острой болью,
Казался сладкий сахар горькой солью,

Но, если б не был от любви без сил,
То шах бы сладость сахара вкусил.

Речь брата — зелье — не достигло цели:
Страсть только крепнет от подобных зелий.

Советом не помочь сердечной ране:
Сильней кровоточит от назиданий!

Нет, не погасят, разожгут упреки
Огонь любви жестокий и высокий!

Упрек для сердца — меч: пусть меч остер, —
Любви необходим отпор и спор.

Сердца влюбленных тем сильней горят,
Чем больше на пути у них преград.

Упреки — это дождь, но дождь камней:
Казалось бы, что нет его больней;

Но пусть не камни с неба, копья с башен
Летят, — влюбленным дождь такой не страшен!

От порицаний страсть горит быстрей,
Любовь становится хитрей, острей.

Словами, порицая иль грозя,
Очистить сердце от любви нельзя.

Любовь — огонь. Упреки — вихрь. Что станет
С огнем, как только грозный вихрь нагрянет?

От вихря увеличится любовь:
Над всей землей владычица — любовь!

Пойми же, прочь сомнения гоня:
Упрек для страсти — ветер для огня.

Для страсти укоризна — скорпион,
Лишь тот не знает страха, кто влюблен...

Настолько был Мубад влюблен, что речь
Рамина для него была как меч.

Другому брату он сказал тайком:
«Нужна мне Вис, я сердцем к ней влеком.

Ты окажи мне помощь в этом деле,
Тебя возвышу, коль достигну цели,

Но если не придет ко мне успех,
Поднимет вся земля меня на смех.»

«Ты улести Шахру, — ответил брат, —
Дары, динары чудо сотворят,

Ее сперва казною порази,
Потом ей божьим гневом пригрози.

Скажи ей: «Этот мир живет, греша,
Но есть другой, куда придет душа.

Твоя душа предстанет перед богом, —
Но что ты на суде ответишь строгом?

У нарушительницы договора,
Клятвопреступницы, — слаба опора!

От кары не уйти душе греховной,
Когда судить начнет судья верховный.»

Так устрашай ты карами ее,
Так обольщай динарами ее!

Две эти вещи для царей — соблазны,
Соблазнам тем и женщины подвластны.

Динар и слово — лучше всех орудий,
Чтоб за тобою следовали люди!»

ОПИСАНИЕ БОГАТСТВ, КОТОРЫЕ МУБАД ПОСЛАЛ ШАХРУ

Сперва посланье шаханшах составил,
Затем Шахру сокровища отправил.

Мир не запомнил испокон веков,
Чтоб столько посылалось жемчугов!

На ста верблюдах — пышные шатры,
На пятистах — роскошные дары,

На пятистах — с поклажей паланкины:
Навьючены алмазы и рубины.

Под жемчугами, что светлей созвездий,
Сто боевых коней и вьючных двести,

Еще три сотни пальм живых — служанок,
Фиалкокудрых, томных китаянок,

Что серебром, как тополя, блестят,
На их груди — созвездия Плеяд.

Их тонкий стан жемчужине сродни,
И золотом увенчаны они.

Мир из-за них живой весной казался,
Цветеньем рая мир земной казался!

Коса у каждой — мускусный аркан,
А стан у каждой — кипарис, платан.

У каждой лик луною пламенеет,
А солнце, как луна, пред ней бледнеет.

Украшена венцами красота,
И жемчуга роняют их уста.

Дано им триста золотых венцов,
А также с жемчугами сто ларцов.

И амбра в тех ларцах, и мускус чистый, —
Как кудри девушек черны, душисты.

Еще зажглось, как светочи высот,
Хрустальных чаш и золотых семьсот.

Еще сверкал, как розы в цветниках,
Румийский жемчуг в двадцати тюках.

Еще такая возвышалась кладь,
Что ни измерить и ни описать.

Ты скажешь: все, чем только мир богат,
Шахру отправил шаханшах Мубад.

Не видя меры злату, серебру,
Сознание утратила Шахру,

Сошла с ума при виде той поклажи,
И дочь и сына позабыв тотчас же.

Страх перед богом поднял в ней свой голос —
И сердце на две части раскололось.

Когда смертельный мрак явила ночь,
Решенье матери узнала дочь.

Чтоб небо с нею не играло в прятки,
Шахру нашла разгадку той загадки.

Тогда дворец раскрыла пред владыкой,
Тогда прийти велела луноликой.

МУБАД НАПРАВЛЯЕТСЯ ВО ДВОРЕЦ И ПОХИЩАЕТ ВИС

Такими были время и забота,
Когда раскрылись пред царем ворота.

Везде искал красавицу Мубад:
Сокрылся от него цветущий сад.

Но вскоре весть о ней к царю пришла:
Та весть была сиянием чела,

Та весть дышала мускусом кудрей, —
Приблизился нежданно царь царей,

Хрустальнорукую схватил он вдруг,
Вручил бойцам, толпившимся вокруг,

Чтоб люди унесли в его стоянку
Из дома материнского смуглянку,

Чтоб унесли скорее в паланкине, —
И паланкин стал цветником отныне.

Вокруг нее — вельможи царской свиты,
Богатыри, что всюду знамениты.

Когда ударили друг друга бубны
И загремел над войском голос трубный,

Отряды шаха двинулись назад,
Как ветер, был стремителен Мубад!

Он гнал коня среди степных просторов,
От пленницы не отрывая взоров,

Как лев, что увидал стада овец,
Как вор, что увидал чужой ларец.

Иначе он смотреть не мог: была
Как солнце та красавица светла.

Он столько приложил трудов недаром:
Открылся дивный клад пред шахом старым, —

Душистый и сверкающий жасмин,
И жемчуг, и смеющийся рубин.

ВИРУ УЗНАЕТ О ПОХИЩЕНИИ ВИС

Виру, узнав, что сделал царь царей,
Примчался ветра буйного быстрей.

Но слишком поздно прибыл во дворец, —
Его жену похитил царь-хитрец:

Чтоб раздобыть жемчужину одну,
Принес он в жертву целую казну!

Так обманула сына мать родная,
На огненные муки обрекая.

И, полный ярости, он стал пылать,
Разгневали его сестра и мать.

Ушла из сада верности весна,
И чистоты лишилась белизна.

Из крепости-ларца рубин исчез,
И нет луны в объятиях небес.

Был рудником он, полным серебра,
Но стал рудник пустым: ушла сестра.

Он жемчуга в душе своей пронес, —
Остался он с жемчужинами слез.

Виру тоскует, думает о мести,
Мубад ликует с луноликой вместе.

Смотри: Виру страдает от обид,
Без милой Вис душа его скорбит,

Его лицо от горя пожелтело, —
Ты скажешь, что душа ушла из тела.

Разлуки облака над ним нависли,
Из клетки мозга улетели мысли.

Он предавал проклятью, поношенью
Судьбу — за то, что стал ее мишенью.

Его красавицу похитил шах,
Его звезду низринул в черный прах!

Смотри: Виру тоскует, но отраду
Его тоска доставила Мубаду.

Один из-за красавицы в смятенье,
Другой познает с нею наслажденье.

У одного нет радостного крова,
Расцвел цветник блаженства у другого.

Один — в пыли, как нищий, а другой
Подругу обнял жадною рукой.

РАМИН ВИДИТ ВИС И СНОВА ВЛЮБЛЯЕТСЯ В НЕЕ

Предвидя исполнение желаний,
Был счастлив тот, кто правил в Хорасане.

Была забыта прежняя тоска,
И снова стала жизнь его сладка.

Был паланкин с красавицей в те дни,
Чертогом, разукрашенным Мани!

Над ним повеет ветерок, вздыхая, —
Вселенной принесет дыханье рая.

Тот паланкин сиял, как небосвод,
Где не луна, — красавица плывет.

Тот паланкин был куполом скорей,
Пропахшим амброю ее кудрей!

Казалось: солнце устремилось вдаль,
Закутанное в золотую шаль.

То блеск взаймы она дает планетам,
То мускус всем она дарит предметам,

То розу нам напомнит, то платан,
Мяч — подбородок, кудри — как човган.

Казался паланкин священным раем:
К архангелам охрану приравняем!

Когда судьба решила, чтоб Рамин
Взглянул на несравненный паланкин,

В его душе зажглась любовь, и разом
Испепелился терпеливый разум.

Подул весенний ветер беспричинно,
Сорвал он покрывало с паланкина,

Ты скажешь: молния блеснула в тучах,
Заря взошла из облаков летучих, —

Взглянула Вис, как солнце хороша,
И от Рамина унеслась душа!

Казалось: появился чародей,
Что души похищает у людей.

Нет, не могло б с ее сравниться взглядом
Копье, напитанное жгучим ядом!

Рамин не вынес взгляда этих глаз:
В него стрела нежданная впилась,

Его с коня свалила та стрела:
Так ветер лист срывает со ствола.

Он запылал, душа ушла из тела,
Из головы сознанье улетело.

Взглянула — и украла чаровница
То сердце, где любовь теперь таится,

И томным сделалось его чело,
А в сердце древо страсти расцвело.

Такое семя в сердце взгляд занес,
Что на глазах возникли перлы слез.

Такая смута зародилась в нем,
Как будто был он опьянен вином,

Лицо покрыл шафран, и заодно
Вдруг посинело красных губ вино.

Отметила лицо любви печать, —
И краски жизни стали увядать.

Все войско окружило до едина —
И пешие и конные — Рамина.

Их зарыдать заставила беда,
Надежда их оставила тогда.

Никто не понимал, что с ним случилось,
Какой тревогой сердце омрачилось?

Он заболел — и всех объял недуг,
Он плачет — громче плачут все вокруг.

Уста дрожат и меркнут их глаза:
Так страсти ужаснула их гроза.

Две раковины, полные жемчужин, —
Глаза открыл Рамин, как бы разбужен.

Он вытер их рукой, объят стыдом,
И замолчал, придя в себя с трудом.

Разумных опечалил этот случай,
Решили: заболел Рамин падучей.

Воитель знатный снова сел в седло.
На сердце было смутно, тяжело.

Казалось, он сознанье потерял

Иль верный путь в тумане потерял.

Не отрывал от паланкина взгляда,
А сердце отдал он исчадьям ада.

На паланкин бросал он жадный взор,
Как на ларец с жемчужинами — вор.

Подумал он: «Что было бы со мной,
Когда бы вновь я стал дружить с луной!

Что было б, если б ветер дунул вновь,
Помог взглянуть мне на мою любовь!

Что было б, если бы она свой лик
Открыла, услыхав мой скорбный крик!

Что было б, если б стала ей видна
Моих ланит поблекших желтизна!

Ее душа склонилась бы к участью,
Она бы сжалилась над жгучей страстью.

Что было б, если б рядом с паланкином
Скакал я по горам и по долинам!

Что было б, если б я нашел друзей,
Чтоб те привет мой передали ей!

Что было б, если б я в своем смятенье
Явился ей в печальном сновиденье!

Она душой смягчилась бы немного,
Судила б страсть мою не слишком строго.

Что было б, если б все иначе было, —
Назло врагам она б меня любила?

Страдания любви, как я, познав,
Не изменила б ли суровый нрав?»

Так размышлял порой Рамин угрюмый,
Порой к терпенью приучал он думы.

То страсть была тюрьмой, где сердцу жутко,
То прибегал он к помощи рассудка:

«Чего ты ждешь, о сердце, от напрасных,
Пустых надежд, от разговоров праздных!

Вот рвешься ты от страсти к ней на части,
Она же о твоей не знает страсти.

Как можешь ты мечтать о встрече с Вис?
Скорее солнце с неба прянет вниз!

Как можешь ты, невежда из невежд,
Мечтать о той, что не сулит надежд?

Алкало ты найти в пустыне влагу,
Но обмануло марево беднягу,

Ты так запуталось, что из тенет
Лишь милосердный бог тебя спасет!»

У страсти оказавшийся в капкане,
Рамин лишился светлых упований.

На что он мог надеяться? И впредь
Ему осталось лишь одно: терпеть,

Сопутствовать красавице до срока,
Без радости, без цели и без прока,

Лишь паланкина видеть колыханье,
Вдыхать ее жасминное дыханье.

Была довольна скорбная душа,
Дыханием красавицы дыша...

Кто на земле несчастней, чем влюбленный?
Что горестней любви неразделенной?

Тому, кто лихорадкой изнемог,
Мы соболезнуем, полны тревог, —

В огне горит влюбленный год за годом,
Но окружаем ли его уходом?

Смотри, мудрец, какому самовластью
Подвластен тот, кто угнетаем страстью!

Какая боль так человека губит,
Как боль того, кто безнадежно любит?

Недаром страсть сравнили мы с огнем:
Сгорает сердце любящее в нем.

Любовь таится в сердце, словно тайна,
Боимся тайну разгласить случайно.

Был раненый Рамин в ее сетях —
Как голубок у коршуна в когтях.

Ни жив, ни мертв, он был на рубеже
Где близко смерть, а жизни нет уже.

Он был горою, но она распалась,
Был кипарисом — только тень осталась.

Он брел, как я сказал, в тоске немой,

И путь его стал для него тюрьмой.

МУБАД ПРИВОЗИТ ВИС В ЦАРСТВЕННЫЙ МЕРВ

Приехал царь царей в свою столицу,
Привез с собою красоты царицу.

Воссели периликие на крышах,
Они виднелись на стенах и в нишах.

Разбрасывали всюду для утехи
Знать — жемчуга, а чернь — плоды, орехи.

Пыль на земле — как жемчуг и алмаз,
Была, как мускус, — пыль, что вверх взвилась.

Был признан этот день из лучших лучшим,
Песок казался золотом сыпучим.

Казалось, этот день расцвел над Мервом,
Как райский сад при человеке первом.

Красавиц столько собралось на крышах,
Что скажешь: сто Венер зажглось на крышах!

Такое было множество плясуний
И обольстительных певиц-колдуний,

Что сердце, восторгаясь, ликовало,
Слух наслаждался, зренье пировало!

Уж если город чаровал сердца,
Представь себе величье, блеск дворца!

Раскрылся он, как царская казна,
Светился он, как полная луна,

Как мирозданье, он блистал народам,
Чертоги возвышались небосводом:

Ты скажешь, что созвездья без числа
Чертогов оседлали купола.

Сверкал он росписями стен и башен,
Китайскими узорами украшен.

Он, как людское благо, был отраден,
Как девушка-красавица, наряден.

Как власть царя, был сад его велик,
Как щеки Вис, был розовым цветник,

И сердце шаха, в праздничном жилище,
Омытое от горя, стало чище.

От воинства, сановников двора
Струился, мнилось, ливень серебра.

Составили жемчужные дары
Подножье, склоны и хребет горы...

Даруя, действуй! Воздавай, вкушая,
Чтоб радость воздалась тебе большая!

Сидит безмолвно Вис в опочивальне:
Опочивальня — как цветник печальный.

Шах шахов счастлив, он обрел покой,
А Вис объята смутой и тоской.

То слезы льет, как облако весны,
И этим плачем все огорчены,

То вся дрожит, как ветка на ветру,
Зовет Шахру, тоскует по Виру.

То замолчит в страдании великом,
То закричит безумным, скорбным криком.

Она сидит, недвижная, немая,
Ничьим речам, вопросам не внимая.

Ты скажешь: путь свершают неустанный
К ее душе — печали караваны.

Как иглы хвои, тонким стало тело,
И, как шафран, царица пожелтела.

Супруги знатных, женщины из свиты,
Увидев, что в слезах ее ланиты,

Пытались ей заботливо помочь,
Но скорбь ее не уходила прочь.

Лишь на Мубада взглянет, — не одежды,
А тело рвет свое, лишась надежды,

Не слушает, когда он к ней взывает,
Лица перед царем не открывает

И, орошая щеки кровью красной,
О стену бьется головой злосчастной.

Ни дня с ней не был счастлив царь в дороге,
Не стал с ней ближе и в своем чертоге.

Прекрасна Вис, как сад, цветник услад,
Но крепко заперты ворота в сад!

КОРМИЛИЦА УЗНАЁТ О СОСТОЯНИИ ВИС И НАПРАВЛЯЕТСЯ В МЕРВ

Кормилица узнала, что в неволе
Тоскует Вис, исполненная боли, —

И мир земной стал для нее пустым,
Душа, ты скажешь, превратилась в дым.

Ты скажешь: кроме жалоб, кроме слез,
Мир ничего несчастной не принес!

Гора от этих жалоб разрушалась,
От слез пустыня в реку превращалась:

«О ты, луна, чей возраст — две недели!
Как на кумир, мы на тебя смотрели!

Зачем ты стала для судьбы — добычей,
Зачем ты стала во языцех — притчей?

Хоть в материнском молоке твой рот, —
Из уст в уста хвала тебе идет.

Не стали зрелыми гранаты-груди,
Но знают о любви твоей все люди.

Еще дитя, чем вправе ты гордиться?
Еще ты лань, а страсть твоя — волчица.

Чуть расцвела, ты обольщаешь всех,
Невинная, ты размножаешь грех.

Похитили тебя в глухую ночь, —
Украли у меня покой и дочь.

Ты без родных осталась ночью темной, —
Без дочери я сделалась бездомной.

Ты родину покинула, скорбя,
А я схожу с ума из-за тебя.

Ты в плен взята царем, тобой плененным,
А я тебя зову безумным стоном.

Ты мне душой была в моей тиши, —
Как дальше проживу я без души?

Ты удалишься от меня? Тогда
Уйду и не оставлю и следа.

Слезами превращу пустыню в реки,
В пустыню горы превращу навеки!»

Затем верблюдиц тридцать быстроходных
Навьючила одеждой благородных,

Всем, что потребно знатным дочерям,
И всем, что полагается царям.

Достигла Мерва за семь дней, спеша, —
С бессильным телом встретилась душа:

Хотя страдала Вис, — была отрада
В том, чтоб увидеть пленницу Мубада!

Красавица сидела на земле, —
Тюльпан поникший, гиацинт в золе.

В разлуке с радостью, в чужом краю,
Оплакивала молодость свою.

Склонилась, будто с горем повстречалась,
К себе самой почувствовала жалость.

То осыпала кудри горстью пепла,
То плакала, от слез кровавых слепла.

Ее лицо — как ржавчина кинжала,
Она себя ногтями истерзала,

И тело тоньше сделалось листа,
А сердце — меньше, чем ее уста!

Кормилица, почтенная жена,
При виде Вис была потрясена.

Сказала ей: «Желанное дитя!
Зачем себя ты мучаешь, грустя?

Зачем ты источаешь кровь из тела?
Ужели жить без крови захотела?

Ты — светоч мой и жизни торжество,
Наперсница блаженства моего!

Не ведай ничего, помимо блага,
Не совершай неправильного шага.

Со счастьем начинать борьбу не надо.
Ты хочешь победить судьбу? Не надо!

Ты не сумеешь горе побороть, —
А лик поблекнет и увянет плоть.

Мать предала тебя Мубаду в руки,
И, значит, с братом будешь ты в разлуке.

Отныне шаху стала ты женой,

Ты для него — душа и мир земной.

Смирись, не причиняй ему обид:
Тот, кто умен, царя не оскорбит!

Хотя Виру царевич — не сравним
Его с царем, владыкою земным!

Что потеряла ты? Медяк! И разом
Господь вознаградил тебя алмазом!

От брата получила б ты немного,
Зато опору ты нашла у бога.

Он связь твою с Виру порвал, связав
Тебя с царем — властителем держав,

Серебряного яблочка лишил,
Но апельсин из золота вручил.

Закрыл он дверь, но распахнул другую,
Задул свечу, — зажег звезду большую.

Была судьба к тебе добра, как мать,
И ты не вправе на нее роптать.

Неблагодарная! Пока не поздно,
Покайся и не жалуйся ты слезно!

Смотри: не день печали и ненастья, —
Тебе сияет день весны и счастья!

Вот мой совет: встань с пепла в этот день
И новый царственный наряд надень.

Монистом звезд укрась луну лица,
Чело — бесценным золотом венца.

Ступай, чтобы дворец, как сад, расцвел
И превратился в кипарис престол.

От щек твоих пусть расцветут тюльпаны,
От уст твоих пусть будут люди пьяны.

Улыбкой обольщая и волнуя,
Губи сердца отравой поцелуя.

Открой лицо, чтоб стала ночь светлей,
А день наполни сумраком кудрей.

Лицом ты солнце посрами скорее,
В цепях кудрей да чахнут чародеи!

Открой уста, чтоб дать нам сахар в дар,
В твоей косе — весь мускусный базар!

Заставь мужей не знать иных желаний, —
Всех очаруй, львов преврати ты в ланей!

Такой, и даже лучше во сто крат,
Ты станешь, в царский облачась наряд.

Ты жить, как жемчуг, в каждом сердце будешь,
Ты прелесть мира прелестью разбудишь.

Свою красу укрась красой жемчужин,
Для блеска тела блеск нарядов нужен!

У той, что ярче жемчуга обличьем,
Жемчужинами прелесть увеличим!

Ты царственна, красива, молода, —
В чем у тебя сверх этого нужда?

Так покорись велению судьбы
И любящих тебя услышь мольбы.

Не станет бог твоим слезам внимать,
Небесный свод не повернет он вспять.

А если так, нужны ль твои угрозы,
Стенания, и жалобы, и слезы?»

Кормилица замолкла, но для Вис
Ее слова, как ветер, пронеслись.

Ты скажешь: аист чуть задел твердыню
Иль кто-либо спустил корабль в пустыню!

Красавица ответила тогда:
«Мне речь твоя — как семя без плода.

Шелкам, цветам теперь я знаю цену,
Венца и украшений не надену.

Что мне престол? — Песок! Парча — дерюга!
Мне спутник — тяжкий стон, тоска — подруга!

Не стану я утехой для Мубада,
Величья от Мубада мне не надо!

Как роза, расцвела я для Виру, —
Судьбу ль шипа теперь я изберу?

Нам счастье от замужества сулят, —
Теперь любовных не хочу услад.

Раз мой Виру не насладился мною,
Пускай не буду никому женою!»

КОРМИЛИЦА ПРИНАРЯЖАЕТ ВИС

После долгих увещеваний Вис дает согласие на то, чтобы кормилица ее принарядила и украсила.

КОРМИЛИЦА С ПОМОЩЬЮ КОЛДОВСТВА СКОВЫВАЕТ МУЖСКУЮ СИЛУ МУБАДА

Так луноликая была одета,
Что солнце у нее просило света,

Но слезы на глазах не высыхали, —
Ты скажешь: нет конца ее печали.

Кормилице сказала втайне Вис:
«Мне от судьбы злосчастной не спастись.

Мне кажется, на сердце — смерти метка,
И радости в нем отломилась ветка.

Убью себя, прибегну я к мечу, —
От этой раны сердце излечу.

И если средства не найдешь иного,
То знай, что я свое исполню слово,

Себя тотчас же смерти я предам,
Чтоб наступил конец моим скорбям.

Пойми: когда на шаха я смотрю,
Мне кажется, что на огне горю.

В его шагах мне смерти слышен шаг, —
Пускай, как я, не знает счастья шах!

Он сердце оросил водой терпенья,
Еще не ищет он со мной сближенья,

Но жду со страхом рокового дня,
Когда на ложе позовет меня.

Избавь меня от царских домоганий:
Пусть эта страсть окажется в капкане!

Я не отдамся шаху целый год, —
Хотя бы смерти видела приход!

Я круглый год носить не перестану
Здесь, в Мерве, траур по отцу, Карану.

Но разве низкий шах, в избытке власти,
На целый год воздержится от страсти?

Ты сделай так, чтоб он пылал впустую,
Со мною силу потерял мужскую.

Минует год, — вернешь ее опять,
И будет он тебя благословлять.

А если не лишишь Мубада силы,
То доведешь меня ты до могилы.

Живи и радуйся земным отрадам,
Пусть будет счастлив шах с тобою рядом,

Будь весела, а я — другой породы,
Я не желаю счастья без свободы.

Пусть я умру, — мне будет смерть ко благу,
А все-таки с Мубадом я не лягу.

Не говори: «Отдайся против воли», —
Мне близость с ним страшнее смертной боли!»

Вонзилось в грудь кормилицы, как жало,
То слово, что ей Вис тайком сказала.

Застыли вдруг зрачки в ее глазах,
Почудилось, что мир исчез впотьмах.

Воскликнула: «Очей моих зеница!
Так с правого пути ты можешь сбиться.

Твоя душа теперь черна от горя,
А черноту не смоешь, с правдой споря.

В тебя вселились мерзостные дивы,
Тебя влекут на путь несправедливый.

Но если уж настолько ты упряма,
Что нет в тебе ни разума, ни срама,

То, чтоб тебе помочь, нужны заклятья:
Шах изнеможет, взяв тебя в объятья!

В тебе недаром злобный див убил
Любовное желанье, страстный пыл!»

И медь и бронзу взяв, она сначала
Красавицу и шаха изваяла,

Спаяв, поторопилась их заклясть:
Она сковала у обоих страсть.

Железные оковы наложила,
Чтоб скована была мужская сила.

Кто разобьет их, — тот своей рукой
Свободу силе возвратит мужской.

Затем, лишив мужскую силу воли,
То изваянье понесла на поле,

Зарыла от реки невдалеке

В сырой земле, в безлюдном тайнике.

Вернувшись к Вис, поведав без обмана
О местонахожденье талисмана,

Сказала ей: «Исполнен твой приказ,
Хотя меня расстроил он, потряс.

Какого я царя заколдовала
Лишь для того, чтоб ты не тосковала!

Но уговор: промчится тридцать дней, —
Должна ты стать уступчивей, добрей.

Должна смотреть на мир земной светло,
Из сердца да исчезнут месть и зло.

Но целый год поститься — слишком трудно,
Противно естеству и безрассудно.

Когда душой ты обратишься к мужу,
Свой талисман я извлеку наружу,

Оковку я над пламенем расплавлю,
Обоих вас на путь любви направлю.

Пока оковка — средь воды и праха,
Закована мужская сила шаха.

Вода — студена: стар супруг иль молод, —
Мужскую силу сковывает холод.

Едва лишь пламя талисман расплавит, —
Вновь мужества свечу гореть заставит.»

С восторгом Вис узнала, что Мубад
Бессилен будет тридцать дней подряд.

...Смотри — и прокляни судьбу по праву:
Она смешала сахар и отраву.

Прошла над Мервом туча дождевая,
Водой луга и степи заливая.

На запад устремясь и на восток,
Джейхун-рекой стал дождевой поток.

Он затопил широкую долину,
Разрушил город Мерв наполовину.

Вода текла, ревела сквозь туман
И унесла оковку-талисман.

Навеки землю залила вода,
Сковала силу шаха навсегда!

Как нищий на чужую золотую
Монету, — шах глядит на Вис впустую.

Сидит, как лев голодный, на цепи,
А дичь гуляет перед ним в степи.

Еще он с виду жив, стремится к цели, —
Увы, погасло пламя жизни в теле.

Блуждал он счастью своему вослед,
Но руку протянул — а счастья нет.

Ликует враг, узрев царя мученье:
Он в коже собственной — как в заточенье.

Хотя с любимой спит, в руке рука, —
Та от него безмерно далека.

Она с двумя мужьями сочеталась,
Но девственной с обоими осталась.

Смотри: судьбой осмеяна, усладу
Не принесла ни брату, ни Мубаду!

Она росла, не ведая печали,
Ее почет и слава ожидали,

Росла, как тополь, высока, стройна,
Была ее прислужницей луна.

Лицо, как два тюльпана, заалело,
Как два плода граната, грудь созрела,

Но от любви отторгнута судьбой,
Она пошла дорогою другой.

Рассказ о ней, о шахе, о Рамине
И о кормилице услышьте ныне.

Когда прочтет влюбленный мой рассказ,
Заплачет он — и хлынет кровь из глаз.

Любовное сказание прочтите, —
Чудесных много будет в нем событий.

КОРМИЛИЦА ОБЕЩАЕТ РАМИНУ СВОЮ ПОМОЩЬ

Рамин тоскует по Вис. Он долго уговаривает кормилицу, чтобы та склонила к нему сердце Вис, но кормилица не соглашается. Ценою близости с кормилицей Рамин наконец добивается от нее обещания помочь ему.

КОРМИЛИЦА ОБМАНОМ ПРИВОРАЖИВАЕТ ВИС К РАМИНУ

Подобная волшебнице опасной,
Кормилица явилась к Вис прекрасной

С коварным, ловким, лживым разговором,
Что хитрым разрисован был узором.

Увидела, что Вис грустна с утра,
Подушка от горячих слез мокра,

Рассыпалось по сердцу ожерелье, —
Где мать? Где брат? Где прежнее веселье?

Сказала ей: «Ты жизни мне дороже!
Ты не больна, — зачем же ты на ложе?

Я вижу, что в тебя вселился див,
Врата веселья пред тобой закрыв.

Согнулся, словно лук, твой стан прямой.
Ужели Мерв стал для тебя тюрьмой?

Зачем о прошлом плачешь ты все время?
Скинь тягостное, давящее бремя!

Довольно, хватит боли и печали!
Забыть о том, что помнишь, не пора ли?

Нет худшей муки, чем тоска, безделье,
Нет лучшего лекарства, чем веселье.

Услышь меня, стань радостной опять, —
На мир с весельем будешь ты взирать!»

От этой речи, сказанной не строго,
Царица успокоилась немного,

Лицо в цепях кудрей вздымая с ложа,
На розу и на солнышко похожа,

Благоуханьем воздух наполняя,
Мир превращая в росписи Китая.

От щек ее, румяных, как восток,
Роскошный зарумянился чертог.

Вис, как весна, взглянула влажным взглядом,
И стал ее чертог весенним садом.

Но были жарким ливнем слез облиты
Два вешних цветника — ее ланиты,

И стали бледно-синими тогда,
Как лилии над зеркалом пруда.

Хоть залита слезами, а свежей
Нарциссов чистота ее очей.

Кормилице ответила с тоской:
«Что счастье, если гибнет мой покой?

Что для меня круженье небосвода?
Мне от него — лишь горе и невзгода.

Но на кого обрушить мне упреки?
На город Мерв, на небосвод жестокий?

Смотри: я обесславлена теперь,
Горой Альбурз раздавлена теперь!

Жаровня этот Мерв, а не столица,
Не город, а глубокая темница.

Расписанный дворец, чертог бесценный
Мне огненною кажутся геенной.

Смотри же: здесь измучили меня
И стало сердце капищем огня.

Хоть сердце бьется — а должно гореть —
Так бьется рыба, что попала в сеть.

И я горю, горю, познав утрату,
Любовью к матери и страстью к брату.

Ночь для меня волос моих темней,
А день распахнут, как врата скорбей.

Мне утром нет покоя, ночью — сна,
На муки я весь день обречена,

Днем — страхом, ночью — ужасом объята,
И нет к успокоенью мне возврата.

Клянусь тебе: лишь на одно мгновенье
Я ощутила жизни дуновенье,

Один лишь раз была отрада мне, —
Когда Виру увидела во сне.

Он прискакал — с мечом и в гордом шлеме,
Горою возвышаясь надо всеми.

С охоты возвращался он дубравой,
Богатый и добычею и славой.

Он радостно ко мне погнал коня

И, утешая, приласкал меня.

Сказал, наполнив сахаром уста:
«Как ты живешь, душа моя, мечта?

У недруга в руках, в чужой стране
Ты помнишь ли, грустишь ли обо мне?»

Я видела, что он со мной лежал,
В своей руке он грудь мою держал.

Мой соловьиный рот, глаза газели
Он целовал, как никогда доселе!

Слова, что мне шептал мой муж, мой брат,
В моей душе, в моих ушах звенят!

Мне кажется, что я вдыхаю снова
Тот запах тела сильного, мужского.

Но ты пойми: от горя я умру, —
Лишь в сновиденье вижу я Виру!

Скажи, зачем душа во мне живет,
Когда душе враждебен небосвод?

Живу я вместе с горестью большой,
Жива лишь телом, но мертва душой.

Здесь, в грязном Мерве, в войске, на пиру,
Найдешь ли ты такого, как Виру?»

Сказала — и слезами залилась,
Посыпались жемчужины из глаз.

Кормилица, красавицу лаская,
Сказала: «Успокойся, дорогая!

Я от тебя все беды отведу,
Я на себя приму твою беду!

Твои слова, о пери, их печаль
На сердце мне легли как медь и сталь.

Хотя, я знаю, боль твоя сильна, —
Я более из-за тебя больна.

Так не горюй же, с жизнью сладкой споря,
Не унижайся до тоски и горя!

Дитя, живи, вкушая наслажденье:
Мы в мир пришли, чтоб жить одно мгновенье.

Сей мир для нас — стоянка на пути:
Едва придя, тотчас должны уйти.

В нем с радостью перемешалось горе,
Но и оно, как тень, исчезнет вскоре.

Огромен мир, но «мир» звучит, как «миг».
Смотри: изменчив он и многолик.

Скорбишь, превратности судьбы познав,
Но мир всегда таков, каков твой нрав.

Сегодня, скажем, проиграв, я плачу,
А завтра мне судьба пошлет удачу.

Ты — молода, прекрасна, ты — царица,
Перед тобою мир готов склониться,

Так не томись, покинуть мир спеша,
В оковах не нуждается душа!

Есть много в мире молодых и статных,
Таких, чья жизнь — в занятиях приятных.

С упорством предаются наслажденьям,
И радостно сияет каждый день им.

Те — на охоту скачут со двора,
А тем — на лютне нравится игра,

У этих — рать, у тех — гарем, богатый
Рабынями, чьи груди как гранаты,

Тем — любы целомудренные жены,
У каждого — удел определенный.

А ты лишь по Виру грустишь, скучаешь
И больше никого не замечаешь.

Ты говоришь, что в войске, на пиру,
В проклятом Мерве равных нет Виру,

Но в Мерве много ты найдешь других
Богатырей, красавцев молодых.

Их лица — как весенний сад, а стан
Напоминает у ручья платан.

Их породили красота и сила,
А мужество их славу подтвердило.

Их мудрецы единодушно славят
И выше, чем Виру, бесспорно, ставят.

Один из этих юношей таков,
Что нет ему подобных смельчаков.

Он — солнце среди звезд на небосклоне,

Он — мускус среди прочих благовоний.

Царей потомок и Адама семя,
Он брат Мубада, он украсил время.

Зовут его Рамин, он — бес в седле
И светозарный ангел на земле!

Виру он равен прелестью лица,
А добронравием привлек сердца.

От храбрецов он слышит восхваленья,
И все пред ним трепещут в день сраженья.

В Иране мы подобных не найдем:
Тончайший волос он пробьет копьем.

Таких не сыщем лучников в Туране,
И птица падает пред ним заране.

Он всех страшней во дни кровопролитья,
Он всех сильней во время винопитья.

Он барса разъяренного храбрее,
Он дождевого облака щедрее.

Хоть он владеет сердцем смельчака,
В том сердце, так же как в твоем, — тоска.

Как ты, как ты, он изнемог от страсти:
То яблочко распалось на две части.

Как ты, он одинок, тайком страдая,
То — камышинки ветка золотая.

В тебя он с первого влюбился взгляда,
С тех пор ему другой любви не надо!

С тех пор и слез потоки полились
Из глаз его, прекрасных, как нарцисс.

С тех пор лицо, что, как луна, блестело, —
Поблекло, как солома пожелтело.

Влюбленный, он в любви познал несчастье,
В себе таит он ужас этой страсти.

Едва шагнув, попал в силки любви,
Он отдал сердце за глаза твои.

В тебе и в нем есть пламень беспокойный,
И ты и он сочувствия достойны.

Я вижу: любишь ты, — но где любимый?
Здесь двое, что одним огнем палимы!»

Услышав эти жаркие слова,
Смутилась Вис прекрасная сперва,

Внимая с плачем скорбному рассказу,
Ответила кормилице не сразу.

Безмолвная, задумалась тогда,
Поникла головою со стыда,

И наконец ответила, вздыхая:
«Украшена стыдом душа людская.

Придворному Хосров сказал отменно:
«Бесстыжему и море по колено!»

Была бы ты стыдлива и мудра,
Так не плела бы всякий вздор с утра,

Мне и Виру в тяжелую годину
Не изменила бы, служа Рамину!

Его тоской нельзя меня растрогать, —
Скорее станет волосатым ноготь!

Годами старше ты, а я моложе,
Ты мне как мать, а я как дочь. И что же?

Мне стать бесстыжей? Но судьба казнит
Ту женщину, что потеряла стыд!

Ужель внимать должна я лжи презренной?
Как я возмущена твоей изменой!

Пусть горе и тоска мне давят душу,
Пусть я слаба, — но чести не нарушу,

Хоть потеряю счастье и удачу,
Хоть навсегда надежду я утрачу!

А если твой Рамин красив и строен
И в Мерве самый он искусный воин,

То пусть он служит брату-господину,
А ты не будь служанкою Рамину!

Не нужен мне Рамин, хотя пригож,
Не муж он мне, хоть на Виру похож.

Деньгами — он, ты — предложеньем грязным, —
Не обольстите вы меня соблазном.

Впредь не внимай любовной болтовне,
А выслушав, не приноси ко мне.

Тебе б его с негодованьем встретить,

Суровой отповедью бы ответить!

Сказал мобед Хушангу: «Знай, что прав я,
Для женщин похоть — выше добронравья,

Идут, несовершенны от рожденья,
Путем позора ради наслажденья.

Теряют разум и стремятся пасть,
Как только вдруг на них нахлынет страсть.»

Подумай, посмотри, как похоть губит
Ту женщину, что наслажденья любит.

Ей посулят, — она принять готова
Посул, и лесть, и вкрадчивое слово.

Мужчина что захочет, то возьмет, —
Он расставляет тысячи тенет:

Ведь женщина для вожделенья плоти —
Легчайшая добыча на охоте!

Орудия мужчин разнообразны:
Увещеванья, клятвы и соблазны.

То победят мольбой, то песней грустной,
То силою, то ласкою искусной.

Но стоит женщине в силок попасть,
Как сразу в похоть превратится страсть.

Тогда, ее погибели виновник,
Заносчивым становится любовник.

Любовь, ты скажешь, сожжена дотла,
Где было пламя, там теперь зола.

Она для соблазнителя — блудница,
И он ее с презреньем сторонится.

А женщина, несчастна и упряма,
Сама запутается в путах срама.

Он свысока униженную ранит,
Лук издевательства над ней натянет.

И он, всего добившись, к ней жесток,
И ей уже привычным стал порок.

Ей от любви осталось только горе,
И гнев любовника, и жизнь в позоре.

Надежды и желанье сладких нег
Растают, как на жарком солнце снег.

Влюбленная, она в цепях желаний
Подобна раненной смертельно лани.

То мужа и родных она боится,
То ей страшна всевышнего десница.

Здесь — горе и позор, а в преисподней —
Огонь вдали от милости господней!

Идя туда, где шахов не найдем,
Где спросят о хорошем и дурном,

Ужели я низринусь в эту грязь,
Чтоб жить, стыдясь людей, творца боясь?

Ужели поступлю, как хочет бес,
Чтоб кара на меня сошла с небес?

Узнав, что я такая, все, бесспорно,
Моей любви тотчас рассеют зерна.

Одни, любовью воспылав земною,
Все отдадут, чтоб насладиться мною,

Другие грешницу осыплют бранью,
Меня подвергнут злому осмеянью.

Но где же, если по рукам пойду,
В конце концов я окажусь? В аду!

Ужели изберу такой удел,
Чтоб вечный ужас мною овладел?

Нет, лучше в разуме найду приют,
Пусть правда и добро меня ведут.

Надеюсь я на божью благодать:
Лишь на творца нам надо уповать!»

Кормилица, поняв, что безуспешна
Ее затея, ибо Вис — безгрешна,

Сказала ей, пойдя другим путем:
«Не там, где ищем, счастье обретем.

Нас движет всех вращение судьбы,
Именование людей — «рабы»!

Ты думаешь, что смелые слова
Отнимут мощь и мужество у льва?

Иль ты таким владеешь ремеслом,
Что куропатку сделаешь орлом?

Мир не зависит от твоих стараний,

Все наверху предписано заране.

Наш путь предуготован, предуказан,
С своей судьбой навеки смертный связан.

Ты от Виру отторгнута судьбой,
Судьбой Шахру разлучена с тобой,

Судьба тебя унизит и возвысит, —
Твой путь и ныне от судьбы зависит.»

«Пусть так. Судьба, — сказала Вис в ответ,
Несет нам зло и благо, тьму и свет.

Но, сделав зло, мы только зло добудем,
Зло возвращается к зловредным людям.

Шахру сочтем первопричиной зла:
Невесту шаха сыну отдала!

Мы неповинны, а на ней вина,
Мне и Виру зло принесла она.

Я обесславлена, он обесславлен,
И я раздавлена, и он раздавлен.

Хороший получила я урок
И прокляла порочных и порок.

Зачем самой себе мне быть врагом
И на судьбу свою пенять потом?

Ужель тогда судьба пошлет мне счастье,
Когда приму в дурных делах участье?»

Кормилица ответила: «Не сын,
Не родич мне прославленный Рамин,

Чтоб я трудилась для него, как мать,
Его любви стараясь помогать.

Но если он найдет опору в боге,
То что плохого будет в той подмоге?

Слыхала ль ты, что говорил мудрец?
«Во всяком деле всемогущ творец.»

Бог создал мир, и нас, и нашу веру,
Делам, вещам — всему нашел он меру.

Ты посмотри, глаза раскрой пошире, —
Есть много удивительного в мире.

Бог превращает злых и лживых — в честных,
Богатых — в нищих, в странников безвестных,

В развалины — чертоги и твердыни,
И в цветники — бесплодные пустыни.

Становятся сановники рабами,
Становятся невольники царями.

Ты горечи отведала в любви?
Так суждено, ты с горечью живи.

А станешь ты любимицей судьбы, —
Исполнит небо все твои мольбы.

Здесь бесполезны знанье, ум, здоровье,
Предосторожность или хладнокровье,

Ни мудрость не важна, ни безразличье,
Ни золото, ни имя, ни величье,

Ни хитрость, ни искусство, ни господство,
Ни благочестие, ни благородство,

Ни круг друзей, ни смысла ясный свет,
Ни родина, ни родичей совет.

Приходит страсть, и нет страшнее боли, —
Но покориться надо поневоле.

«Она права», — ты скажешь про меня.
Ужели дым взовьется без огня?

Когда сильней полюбишь, чем теперь,
Мои слова похвалишь ты, поверь.

Тогда поймешь, увидишь ясно вдруг,
Кто я тебе — иль враг, иль добрый друг.

Увидишь: все, что станется с тобой,
Заране предначертано судьбой.»

КОРМИЛИЦА ПРОДОЛЖАЕТ УГОВАРИВАТЬ СВОЮ ПИТОМИЦУ

После долгих уговоров кормилице наконец удается склонить сердце Вис к Рамину.

ВИС ВИДИТ РАМИНА И ВЛЮБЛЯЕТСЯ В НЕГО

Однажды во дворце у властелина
Шел пир — на счастье юного Рамина.

Сверкали звезды, месяц и заря —
Красавицы и воины царя,

Все — знатные, и все — друг друга краше,
Тюльпанами в руках пылали чаши.

Как щедрой влагой облако полно,
Так щедрым счастьем разлилось вино.

Князья, военачальники, вельможи
На яркие созвездия похожи,

Как солнце среди них — Рамин высокий,
Глаза — нарциссы, как шиповник — щеки.

Уста — как виноградная услада,
А кудри — словно гроздья винограда.

Он вырос, как цветник растет весной,
Он — кипарис вблизи воды речной.

Он узок в поясе, и узок рот,
И сердце сузилось из-за невзгод!

Он пировал и чанг держал в руке,
Но был он — как утопленник в реке.

От страсти и вина он пьян вдвойне,
Его тоска — в разлуке и в вине.

Как золото, от пьянства лик расплавлен,
Нет, горечью любви Рамин отравлен!

Лицо любимой для него — вино,
Ее дыханьем сердце сожжено!

Явилась Вис в цветник, сама в цвету,
Цветению даруя красоту.

Кормилица, не пожалев труда,
Обманом привела ее сюда.

Сквозь щелку посмотрев с навеса вниз,
Она сказала луноликой Вис:

«Душа моей души! Скажи, царица,
Кто может красотою с ним сравниться?

Лишь твой любимый на него похож,
Как этот витязь, лишь Виру хорош!

Сама весна в его чертах жива,
Лицо — изображенье божества!

Тебе такой возлюбленный под стать,
Такой тобою вправе обладать.»

Как только Вис взглянула на Рамина,
Слились душа и тело воедино.

Внимательнее посмотрела вновь, —
К Виру забыла верность и любовь!

Подумала: «Что, если, мной ценим,
Он сделался б возлюбленным моим?

Покинули меня супруг и мать.
Ужели я в огне должна сгорать?

К чему мне одиночество в неволе?
К чему терпеть? Я из железа, что ли?

Найдется ли утешнее услада?
Отказываться от него не надо!»

Так думала она, душой болея,
О времени прошедшем сожалея.

Сгорая от любви необычайной,
С кормилицей не поделилась тайной.

Сказала: «Подтвердился твой рассказ, —
Он в жизни даже лучше во сто раз.

Рамин умен, красив и благонравен,
Виру судьбой блистательною равен,

Но то, что ищет, — не найдет, не встретит:
Я та луна, что для него не светит!

Его недугом не хочу болеть,
От страсти не хочу терзаться впредь.

Не надо мне страданий и стыда.
Зачем ему заботы и беда?

Красавицу найдет по божьей воле, —
Забудет обо мне, о прежней боли!»

С навеса цветника спустилась Вис.
Над миром — ей казалось — мрак навис.

Казалось: близко злого дива запах,

Ее душа — в его когтистых лапах,

Он отнял силу тела, краску щек,
Из сердца он терпение извлек.

Сильна, но и робка была любовь, —
Из сердца начала сочиться кровь.

То страсть горит в глазах огнем безумья,
То в голову приходят ей раздумья,

То говорит: «Зачем дрожать заране?
От вражеских избавлюсь посяганий!

Зачем отказываться от любви
И сдерживать желания свои?

О нет, бежать от страсти нет причин,
Когда влюбленный честен, как Рамин!»

То стыд со страстью расправлялся разом,
И ей давал советы ясный разум.

Ей было страшно сделаться бесчестной
И трепетать пред карою небесной.

Боялась в преисподнюю попасть, —
Сильнее были стыд и страх, чем страсть.

И каялась она, что полюбила,
И господа о помощи молила.

Твердило сердце, тверже становясь,
Что станет преступленьем эта связь.

Ее пугало вожделенья ложе,
Ей честь была любимого дороже.

Так воцарились в сердце справедливость,
И божий страх, и разум, и стыдливость.

Не ведала кормилица, что честь
Она любви решила предпочесть.

Кормилица отправилась к Рамину:
«Ветвь радости украсила равнину,

И стала Вис уступчивей немного,
Ослабло горе, улеглась тревога.

Твоею станет Вис, я верю в это, —
На древе счастья жди плода и цвета.»

Рамин обрадовался, как мертвец,
Что оживал — и ожил наконец.

Поцеловал он перед мамкой землю.
«О мудрая, — сказал, — тебе я внемлю!

От смерти ты меня спасла, я чту
Венца превыше эту доброту.

Достойна чистота твоя наград,
Пускай господь воздаст тебе стократ.

Я должное воздам твоим трудам,
Когда всю душу я тебе отдам.

Тебе я сын теперь, а не чужой,
Так будь мне матерью и госпожой!

Я все твои исполню повеленья,
Жизнь за тебя отдам без сожаленья.

Отныне ты распоряжайся мной,
Моим деяньем, честью и казной.»

Любезных слов он много произнес,
Ей три мешка динаров преподнес

И золотой ларец, что шахам нужен, —
Шесть нитей было в том ларце жемчужин,

Хранил немало мускуса ларец
И золотых, с алмазами, колец.

Кормилица даров не приняла.
«О ты, — сказала, — чья судьба светла!

Рамин, люблю тебя не ради злата,
Ведь я сама достаточно богата.

Для глаз моих ты — радостней зари,
Не деньги, — нежный взгляд мне подари!»

Лишь перстенек дешевый, без рубина,
Она взяла на память у Рамина.

ВИС И РАМИН ВСТРЕЧАЮТСЯ В САДУ

Старый шах Мубад отправляется в Кухистан. Рамин, прикинувшись больным, остается в Мерве. Кормилица пользуется случаем и приводит Рамина к Вис в уединенный сад. Вис в отчаянии, она считает себя опозоренной. Рамин клянется ей в верности. Они проводят время в любовных наслаждениях.

ВИС И РАМИН ОТПРАВЛЯЮТСЯ К МУБАДУ В КУХИСТАН

Когда к Мубаду вести прилетели
О том, что встал уже Рамин с постели,

К нему гонца отправил шах: «В печали
Мы без тебя томились и скучали.

С тоскою начинали мы игру,
Грустили на охоте, на пиру...

Давай начнем охотиться вдвоем,
В забавах с сердца ржавчину сотрем!

На землю Мах уже пришла весна,
Ее поля сияют, как луна.

Гора Арванд, без шапки соболиной,
Вся в изумруде, встала над долиной.

Окраскою похожи на тюльпаны,
Среди тюльпанов прячутся джейраны.

Так разлилась вода весною ранней,
Что леопард ловить не может ланей.

Прочтя письмо, ко мне ты поспеши,
Весне возрадуешься от души!

Возьми с собою Вис в ее края:
По ней скучает мать сильней, чем я.»

Велел Рамин, чтоб начала греметь
Походных труб торжественная медь.

Он весело простился со столицей,
Пустился в путь, любуясь чаровницей.

Как только он вступил на землю Мах,
К нему навстречу с войском вышел шах.

А Вис приехала к Шахру, объята
Смущеньем и стыдом при виде брата.

Их встреча радостной была, но вскоре
Ее веселье превратилось в горе,

Затем, что не было Рамина рядом,
Что не ласкал ее любимый взглядом.

В пути иль возле шаха-властелина
Лишь изредка смотрела на Рамина,

Но что ей тайных взглядов красноречье, —
Она с возлюбленным искала встречи!

Она такой любовью загорелась,
Что без Рамина жить ей не хотелось.

Сильней, чем в брата в первый раз, она
Была теперь в Рамина влюблена.

МУБАД УЗНАЕТ О ТОМ, ЧТО ВИС ИЗМЕНЯЕТ ЕМУ С РАМИНОМ

Так месяц пировал Рамин с царем, —
Играли и охотились вдвоем.

Однажды, для охоты и забавы,
В Мугань решил поехать царь державы.

Спал шаханшах, и Вис была с Мубадом,
Томился шах по ней, лежащей рядом,

Ни разу с нею сблизиться не мог,
Затем, что на дверях висел замок.

Кормилица прокралась к ним тайком,
Шепнула: «Вис, ты спишь со стариком,

А твой Рамин, для битвы, для охот,
В страну армян готовится в поход.

Уже полки, его покорны воле,
Походные шатры выносят в поле.

Уже небесный потрясают кров
Литавров гром и меди трубный рев.

И если хочешь увидать скорее
Лицо, что шелка нежного нежнее, —

Давай из спальни выберись потише,
Ты на желанного посмотришь с крыши,

Пройдет он мимо, как твоя судьба,
С ним стрелы, сокола и ястреба.

Он унесет с собою на охоту
Твою любовь и боль, мою заботу.»

Но шах не спал. Забыв про сон целебный,
Внимал он этой речи непотребной.

Разгневанный, вскочил и сел на ложе,
На разъяренного слона похожий,

И на кормилицу обрушил брань:
«Ты подлая, ты низкая, ты дрянь,

Гнушается тобою, сводней, всякий,
Ты хуже, гаже, мерзостней собаки!

Схватите эту суку-потаскуху,
Зловонную, блудливую старуху!

Я накажу преступницу по праву,
Я учиню кормилице расправу,

Пусть небо на Хузан посмотрит с гневом
И только град пошлет его посевам!

Хузан — страна греха, распутства, блуда,
Все, что злокозненно, идет оттуда!

Хузан из бедных делает развратных,
Хузан в зловредных превращает знатных,

Лишь подлость и разврат живут в Хузане,
Хузанцы рождены для злодеяний.

Кому нужна кормилица от них?
Все молоко пусть выльется у них!

Шахру взяла кормилицу — и сразу
В свое жилище принесла заразу.

Кормилица — хузанка? Право слово,
Взяла бы лучше в сторожа слепого!

Коль ворона в поводыри возьмем,
На кладбище придем прямым путем!»

Затем сказал: «О ты, что так красива,
О ты, чье имя — Вис — есть имя дива!

Нет у тебя ни чести, ни стыда,
А разума не видно и следа.

Ты в срамоте предстала нашим взорам,
Меня и нас покрыла ты позором.

Ты грязной отплатила мне изменой,
В глазах людей ты сделалась презренной.

Тебя друзья, родные не простят,
И мать, и даже твой любимый брат!

Заставила ты близких осрамиться,
Свой дом ты запятнала, как блудница.

Сошлась ты с дивом, злобным и проклятым,
Коль мамку избрала своим вожатым.

Ведь начинает танцевать с пеленок
Под музыку учителя ребенок!»

Затем к Виру отправил он посла,
Поведал про нечистые дела.

Так повелел он: «Образумь сестру,

Ты утюгом пройдись по ней, Виру,

А заодно ты накажи как надо
Кормилицу, исполненную смрада.

Не то, боюсь, я в гневе изувечу,
Сверх всякой меры подлых искалечу.

Вис ослеплю, распутство вырвав с корнем,
А мамку мы на виселице вздернем.

Рамина прогоню я на чужбину,
Забуду, что я братом был Рамину,

От этих трех свою страну очищу,
Не подпущу их к своему жилищу!»

Но Вис — гляди! — сверкая лунным блеском,
Ответила владыке словом резким:

Хоть устрашилась бесконечным страхом, —
В ней срама не осталось перед шахом.

На пышном ложе выпрямилась вдруг,
Являя шаху свет хрустальных рук,

И молвила: «Зачем, о шах могучий,
Меня пугаешь карой неминучей?

Во всем ты прав. Я счастлива, поняв,
Что ты со мною прям, а не лукав.

А ныне — хочешь — ослепи меня,
Иль звери пусть сожрут в степи меня,

Иль пусть в тюрьме твою познаю кару,
Иль пусть пойду, босая, по базару, —

Люблю Рамина, плача и греша:
Я и моя душа — его душа!

Для глаз моих — он светоч негасимый,
Мой друг, мой царь, мой разум, мой любимый!

Душа с любовью к милому слилась,
Вовек нерасторжима эта связь.

Не кончится моя любовь к Рамину,
Пока сама сей мир я не покину.

Дороже мне, чем Мерв и Махабад,
Его высокий стан и нежный взгляд.

Мне солнце и луна — его ланиты,
В его глазах мои надежды слиты.

Он мне милее, чем Виру, мой брат,
Он матери дороже мне стократ!

Призналась я во всем, тебе открылась,
Теперь яви мне кару или милость.

Ударь меня, повесь или убей —
Не отступлюсь я от любви моей!

Ты и Виру — мои владельцы оба,
Я знаю, смертоносна ваша злоба,

Сожжет меня Виру иль цепью свяжет, —
Все будет правильно, что он прикажет.

А ты меня на всей земле прославишь,
Когда меня кинжалом обезглавишь:

Мол, душу отдала за друга смело...
Да я бы сотни душ не пожалела!

Но до тех пор, пока, вселяя страх,
Свою добычу лев когтит в лесах,

Кто в логово ворвется, в эту пасть,
Чтоб у него детенышей украсть?

Кто посягнет на жизнь мою, пока
Живет Рамин, чья участь высока?

Есть океан безмерный у меня, —
К чему ж страшиться грозного огня?

Ты с милым разлучить меня бы смог,
Когда бы ты людей творил, как бог.

Ты предо мной бессилен. Знай заране:
Я не боюсь ни смерти, ни страданий!»

Разгневан был и потрясен Виру,
Когда свою он выслушал сестру.

Он потащил ее скорее в дом,
Сказал: «Наш род покрыла ты стыдом!

Смотри, с царем царей ты дерзко споришь,
Себя позоришь и меня позоришь,

При мне и при царе, не зная срама,
В любви к Рамину признаешься прямо!

Но чем тебе понравился, однако,
Рамин — пустой повеса и гуляка?

Чем он гордится? Сладкозвучной лютней

Да песенкой, которой нет распутней!

Игрой он тешит пьяниц всей столицы
Да сказывает сказки, небылицы.

Он вечно пьян, криклив, его занятье —
Закладывать виноторговцам платье.

Его друзья — ростовщики-евреи:
Они для забулдыги всех милее!

Мне странно, что влюбилась ты в такого,
Что ты страдаешь ради пустослова.

Теперь ты вспомни стыд, побойся бога,
Не то судьба тебя накажет строго.

Есть у тебя — ты вспомни — брат и мать.
Ты хочешь их позором запятнать?

Ты горе принесла родным и близким,
Не оскорбляй их поведеньем низким.

Не поддавайся дивов наважденью,
Из-за Рамина не стремись к паденью.

Рамин — твой сахар, сладкий мед манящий,
Но все же вечный рай гораздо слаще.

Я все сказал. Тебя предостерег.
Подумай. Над тобой — супруг и бог.»

Так говорил Виру своей сестре,
Что плакала на утренней заре.

«О брат, — сказала Вис, — ты прав, ты прав,
Одно лишь древо истины избрав,

Но я повержена в такое пламя,
Что не помочь мне добрыми словами.

Смертелен так любви моей недуг,
Что не спасет меня ни брат, ни друг.

Что было — было. Вот судьбы приказ.
Что пользы мне от слов твоих сейчас?

Пусть буду заперта я на замок,
Но вор уже похитил все, что мог!

Рамин меня сковал своею страстью,
Мне из оков не вырваться, к несчастью!

И если ты мне скажешь: «Выбирай,
Что дать тебе, — Рамина или рай», —

Рамина изберу, клянусь я ныне,
Рай для меня — в возлюбленном Рамине!»

Решил Виру, что надо перестать
Пред нею бисер без толку метать.

Сестру покинул, чувствуя тревогу,
Дела обоих поручая богу.

Лишь солнце покатилось в нужный срок,
Как будто мяч рукой толкнул игрок,

Шах самых знатных кликнул поутру,
Чтоб на ристалище начать игру.

На левой стороне был царь царей,
Он двадцать возглавлял богатырей,

И у Виру на правой стороне
Отважных — двадцать, каждый — на коне.

На стороне царя — Рафед, Рамин,
На стороне Виру — Аргуш, Шарвин.

Средь игроков немало ты найдешь
Сановников, воителей, вельмож.

Взметнулся мяч, — игра кипела бурно,
Его подбрасывали до Сатурна!

В тот день за превосходную игру
Хвалили все Рамина и Виру.

Они средь игроков искусных, славных
В игре с мячом себе не знали равных.

С дворцовой крыши, засверкав зарей,
Вис любовалась ловкою игрой, —

Рамина, брата видела успех:
Они понравились ей больше всех.

И на душе ей стало тяжело,
Лик побледнел, нахмурилось чело.

Как в лихорадке задрожала Вис, —
Так на ветру трепещет кипарис.

Как бисер, на глазах блеснули слезы,
Ланит прелестных увлажнились розы.

Сказала ей кормилица умильно:
«Ужели ты пред сатаной бессильна?

Зачем с душой своей ведешь борьбу?

Зачем ты жалуешься на судьбу?

Иль ты не дочь Шахру, дитя Карана?
Твой муж — Мубад, Виру — твоя охрана!

Иль ты — не наша Вис, мечта великих?
Иль ты не солнце средь месяцеликих?

Иль ты не стала госпожой Ирана?
Хозяйкой, славой и душой Турана?

Вступаешь, как владелица, в Иран,
Твоим подножьем стелется Туран!

Тебя ревнует солнце, а луна
К тебе, красивой, зависти полна.

Твоей самодержавной красотой
Пленен Рамин, красавец молодой.

Пройдет любая боль твоя, кручина,
Как только ты посмотришь на Рамина!

Ему земля желает покориться,
А ты — луна, ты для небес царица.

Зачем же плачешь, бога упрекая,
Что дал тебе, живой, — блаженство рая?

Не смей роптать на бога. Учит опыт,
Что до беды доводит этот ропот.

Чего ж еще желаешь ты от бога?
И так ты получила слишком много:

Богатство, прелесть, молодость и власть,
И юноши пленительного страсть!

Чего ж еще ты хочешь, с сердцем споря?
Желать сверх меры — значит жаждать горя!

Опомнись. Жребий свой благослови
И наслаждайся радостью любви.

Бесчувствием не огорчай Мубада,
Равно и брата обижать не надо.

Обиды — капли влаги — хлынут скопом,
И дождь обид окажется потопом!»

Сказала Вис, душиста, как весна,
Светла, как солнце, как платан, стройна:

«К чему твоя пустая болтовня?
Кто ж добывает воду из огня?

Давно известно знатокам войны:
Легко на бой смотреть со стороны!

Давно известно слово золотое:
«Нам горе не дано понять чужое.»

Я — пешая, ты — скачешь на коне.
Так можешь ли понять, как трудно мне?

Смертельно я больна, а ты здорова, —
Здоровый может ли понять больного?

Мой муж — владыка всех земных держав,
Но у него дурной и злобный нрав.

Такие свойства нам противны в муже,
Но горе, если он и стар к тому же!

А если будет мать со мной грозна,
Тот гнев — чужая для меня казна.

А если брат — как месяц в вышине,
То от него какая польза мне?

А если мой Рамин красив и строен,
То он любви, обманщик, недостоин:

Сама ты знаешь, он сладкоязык,
Но верным быть любимой не привык.

Послушаешь его, — уста, как мед,
Распробуешь его, — он горький плод!

Сто обо мне грустят, сто влюблено,
А друга одного мне не дано!

Есть у меня любовник, брат, супруг,
Но я в огне — и никого вокруг!

Мужья у прочих женщин не такие,
И у других — любовники другие.

Что мне такой любовник иль супруг?
От них в душе лишь горе и недуг.

К чему мне таз от вражеских щедрот?
В него мою же кровь мой враг сольет.

Не будь судьба так жестока со мной,
Виру была б я верною женой.

Не зналась бы с Рамином и Мубадом,
С друзьями, что стоят с врагами рядом!

Один со мной — как язва в сердце хрупком,

Другой со мной — как молот с тонким кубком.

У одного язык и сердце — розны,
А у другого то и это — грозны.»

МУБАД ВОЗВРАЩАЕТСЯ ИЗ КУХИСТАНА В ХОРАСАН

Прекрасен Хорасан — цветущий край.
В нем, счастьем наслаждаясь, пребывай!

Кто знает пехлеви, тот переводит
«Хор» и «асан» словами: «Солнце всходит».

Ведь «Хорасан» есть «Солнечный восход»:
В Иран и Парс оттуда свет идет.

Названье значит: «Солнцевосхожденье»,
В том крае — солнца нашего рожденье.

Его названью, славе сопричастны,
В нем реки, нивы и сады прекрасны!

А город Мерв особенно хорош:
Он, как весна душистая, пригож.

Здесь воздух свеж, природа так нарядна,
Здесь человеку дышится отрадно.

Река чудесна, как источник рая.
О, здесь обитель райская вторая!

Как только шах державный утром рано
Вернулся в город Мерв из Кухистана,

На крышу он взошел с прекрасной Вис,
С ней восседал, как Сулейман с Балкис.

Он озирал цветущие поля, —
Казалось: точно Вис, цвела земля!

Он ласково сказал жене: «Взгляни ты
На мир, что рдеет, как твои ланиты.

Взгляни на Мерв, на родники его,
На дом, на нивы, цветники его!

Подобно злату в золотой оправе,
Как сад среди садов расцвел он в славе.

Найдется ль на земле чудесней сад?
Скажи, что лучше: Мерв иль Махабад?

Что до меня, — так Мерв пышней, красивей,
Здесь даже звезды светятся счастливей.

Моя земля пленительна, как рай,
Во славу божью создан этот край.

Мах перед Мервом никнет на ветру,
Как никнет предо мною твой Виру,

Подобными богат я городами,
Такими, как Виру, богат рабами!»

Но Вис от страсти так изнемогла,
Что стала и бесстрашна и нагла:

«Сочту ли Мерв хорошим иль плохим,
О шах, вовек да будет он твоим.

А я к нему неволей привязалась,
Я, как онагр, в капкане оказалась.

Не будь Рамина у тебя в стране,
Ты б не услышал больше обо мне.

Что Мерв, что Мах — все для меня едино,
Хочу лишь видеть изредка Рамина!

В моем саду без друга — как в пустыне,
Как сад, цветет пустыня при Рамине!

Тепло мне только от его тепла,
Лишь потому еще не умерла!

Я лишь его, жестокого, люблю,
Из-за него я и тебя терплю!

Я, как садовник, развожу, сквозь слезы,
Шипы желанной розы — ради розы.»

Глаза у шаха кровью налились,
Когда ответ услышал дерзкой Вис.

От гнева запылал властитель стран,
А щеки были желты, как шафран.

От ярости душа его горела
И, словно ива, трепетало тело.

Разгневался Мубад, воспламенев,
Но разум шаха был сильней, чем гнев.

Гнев, как пожар, уже грозил бедой,
Но разум залил тот пожар водой.

Поскольку был всевышний с нею вместе,
Красавица спаслась от царской мести.

Стрела и меч разят, как бог прикажет,
Тот, кто храним творцом, в крови не ляжет,

Не будет он разбит в бою со злом,

Слоном растоптан и разодран львом.

Когда судьба беде связала руки,
Красавица спаслась от смертной муки.

Она сокрылась, точно клад, в тайник,
И лишь один Рамин туда проник!

Хоть гневался Мубад, бранился шумно,
Он даже в гневе действовал разумно.

Никак ее не наказал владыка,
Раскрыл уста для брани и для крика:

«Отродье суки, мерзкая блудница,
Ты — вавилонских дивов ученица!

Пусть надорвет Шахру свою утробу
И пусть Виру судьбы узнает злобу!

Такую мать весь мир возненавидит, —
Из чрева у нее лишь ведьма выйдет!

От змей змеиное родится племя,
Гнилая ветвь дает гнилое семя!

Шахру ублюдков тридцать родила, —
От мужа и двоих не прижила!

Таких, как Ираншах, Руин, Абназ,
Как Изадьяр и Вис — отрада глаз,

От низкого отца она взрастила
И молоком развратниц их вскормила!

Пусть ты — Джемшида семя и потомство,
Но рождена и ты для вероломства.

Теперь на три дороги посмотри ты.
Перед тобою все они открыты:

Одна — в Гурган, другая — в Демавенд,
А третья — в Хамадан и в Нахавенд.

Какой захочешь, убирайся прочь,
Да будет горе над тобой, как ночь,

И ветер впереди, и сзади — пропасть,
А в сердце — нищенки позор и робость.

Да не найдешь пристанища нигде —
На суше, на мосту и на воде!»

ВИС ПОКИДАЕТ МЕРВ И ОТПРАВЛЯЕТСЯ В КУХИСТАН

Пришла в восторг душа периподобной,
Обрадовалась этой речи злобной.

Вис расцвела, как дерево граната.
Пошла сказала мамке: «К дому брата,

Ступай к Виру и вестью всех обрадуй,
Пускай Шахру тебе воздаст наградой.

Скажи: «Любя, чаруя, обольщая,
К тебе вернулась дочь твоя родная.

Взошла заря, желанна и светла,
С той стороны, откуда не ждала,

Возникло там твоих надежд начало,
Где ничего судьба не обещала.

Теперь ты не грусти: пришли нежданно
Два солнца для тебя из Хорасана!»

Ты будешь матерью награждена:
Из лап дракона вырвалась луна,

Весна ликует, сбросив гнет мороза,
И от шипов освободилась роза.

С себя стряхнуло счастье долгий сон,
И новый жемчуг из воды рожден.

Господь меня с Мубадом разлучил,
А это значит — с адом разлучил!»

Затем сказала: «Вечно, шах, живи
Вдали от злобы и вблизи любви.

Молюсь, чтоб ты повсюду радость встретил,
Чтоб для людей ты был, как солнце, светел.

На любящей жене, о шах, женись,
Ей сто служанок дай таких, как Вис.

В замену мне красавицу возьми,
Чья красота владела бы людьми, —

Зарю над миром, светоч молодой,
Сияющий прелестной чистотой,

Луну, чьей прелести гремит хвала,
Что сердцу каждому, как жизнь, мила!

Будь без меня велик и щедр повсюду,
А без тебя и я счастливей буду.

Но и тебе пускай заблещет счастье, —
Да одолеем оба наши страсти.

Так, без тревог, свой путь земной пройдем,
И пусть один забудет о другом.»

Затем своих рабынь освободила,
Сокровища Мубаду возвратила,

Сказала: «Новой подари жене,
С ней в спальне будь счастливей, чем при мне,

Пусть без меня пройдет твоя тоска,
Пусть без тебя мне будет жизнь сладка.»

И повернулась, помянув творца.
Казалось: стены дрогнули дворца.

Со всех сторон вздымались плач и стон,
Потоки слез текли со всех сторон.

Сгорали души слуг, рабов, придворных
От жгучих слез и жалоб непритворных.

С прекрасной Вис они прощались в горе,
В слезах кровавых и с тоской во взоре.

У всех глаза полны живою мукой,
У всех сердца опалены разлукой.

Разлука разлилась потоком слез, —
Поток, ты скажешь, все сердца унес.

Страдали все вокруг, но ни один
Так не рыдал, как страждущий Рамин.

Он тосковал тоскою бесконечной,
Вновь поразил его недуг сердечный.

Хоть ничего слезами не достиг,
Не прекращал он плача ни на миг.

То плакал о себе, то о подруге.
Сказал он сердцу: «Ты скорбишь в недуге, —

Чего ты хочешь от моей души?
О, лучше боль ее ты утиши!

Но ты пылаешь от любовных ран,
Согнуло вдвое ты мой крепкий стан.

Такой тоски не знало ты доселе:

Жить без любимой — значит жить без цели.

День без нее был днем твоей невзгоды,
А как теперь твои продлятся годы?

То будут годы горести глубокой,
То будут годы жизни одинокой.

Ты выпьешь чашу горькую кручины,
Испробуешь разлуки яд змеиный.

Теперь, когда разлуки день встает,
Нет розы, и шипов пришел черед, —

Томись, о сердце: ты взрастило зло,
Оно теперь плоды мне принесло.

Глаза, заплачьте кровью в этот час:
Любимая отторгнута от вас!

Вам только плакать ныне остается:
На рынке лишь разлука продается!

Нагрянула беда, любовь губя.
Всю кровь исторгни, сердце, из себя!

Не ты ли к ней, красавице, спешило?
Не ты ли страсть к любимой мне внушило?

Как ныне мне из сердца вырвать страсть?
Как ныне мне разлуку не проклясть?

Так плачьте же, глаза мои, в несчастье
И кровью черноту свою покрасьте!

Не нужно вам теперь на мир смотреть,
Такой, как Вис, вы не найдете впредь.

Да и глаза к чему мне в мире этом?
Кто, кроме Вис, для них сияет светом?

К чему мне видеть солнце и луну,
Когда на Вис я больше не взгляну?

Да, из глазниц глаза я вырву с плачем,
Мне хочется в разлуке стать незрячим!

К чему мне видеть мир необозримый,
Когда не вижу я своей любимой?

Судьба моя! Зачем, рассвирепев,
Меня, онагра, ты когтишь, как лев?

Владел я садом в мире и отраде,
Жила подруга в этом вертограде.

Но ты подругу захватила силой,
И сад исчез, и я теперь без милой.

Возьми скорее душу у Рамина, —
Моей души к чему мне половина?

О небосвод, скорее б ты погас!
Жестокий, ты возненавидел нас.

Ты все мои желанья предвосхитил,
Сперва исполнил их, потом похитил.

Ты счастлив, что твоим я сломлен злом.
Ужели гнет избрал ты ремеслом?»

Отчаянье Рамином овладело,
Не знал покоя дух и ложа — тело.

Искал он в одиночестве пути,
Он долго думал, как себя спасти.

Надумал он уловку похитрей,
Посланье написал царю царей:

«Шесть месяцев минуло, как я болен,
К постели я недугом приневолен.

Теперь узнал я исцеленья счастье,
Здоровье восстановлено отчасти.

Шесть месяцев мой конь, мои доспехи,
Бездействуя, не ведали утехи.

Скучал мой конь — мой Рахш, мои борзые
И леопарды ловчие, ручные.

Не шел за ланью леопард украдкой,
Мой сокол не взлетал за куропаткой.

Увы, устало сердце от безделья:
В недвижности нет счастья и веселья!

Пусть царь позволит мне прогнать заботу,
Пусть разрешит поехать на охоту.

В Гурган, в Сари помчусь горой, долиной
И вновь займусь охотой соколиной.

Вновь обучу я соколов лихих,
На кабанов я натравлю борзых,

Для вепрей станут западней леса,
Силками для пернатых — небеса.

Оттуда в Кухистан помчусь, наверно,

А там добыча — то онагр, то серна,

А то себя иначе позабавлю,
И леопарда я на лань направлю.

Я прозябал в бездействии полгода, —
Теперь полгода мне нужна свобода!

Хочу охотой насладиться впрок,
Вернусь обратно к шаху в точный срок!»

Шах распознал обманщика личину
И тут же грубо дал ответ Рамину.

К его словам утратил он доверье
И разгадал Рамина лицемерье:

Томился тот не скукой, а желаньем,
К любовнице стремился, а не к ланям!

Обрушил шах на брата злую брань:
«Заройся в прах и больше не восстань!

Отправься в путь и не вернись обратно, —
Мне смерть твоя любезнее стократно!

Куда ты хочешь, уходи, распутник,
Беды и горя постоянный спутник.

Ступай в песках среди фаланг и змей,
А травы кровью обагри своей!

Ты любишь Вис. Она моя жена.
Пусть на твоих глазах умрет она!

Исчезнут лишь тогда твои пороки,
Когда сойдешь ты, мертвый, в ад глубокий.

Подумай о моих словах: вино
Полезно, хоть и горечи полно.

К моим словам приникни жадным ухом,
И скоро ты от них воспрянешь духом.

Стань в Кухистане мужем добронравной
Супруги, величавой, умной, славной,

Да станет под счастливою звездой
Она твоей желанною четой.

Но Вис не трогать больше ты обязан,
Не то умрешь, с ее подолом связан.

Из-за жены, сверкнув огнем булата,
Сожгу я наконец родного брата.

Его дела меня стыдом покрыли,
Так пусть же этот брат гниет в могиле!

С улыбкой не встречай мои слова:
Дразнить опасно яростного льва.

Беги, коль туча над тобой нависла:
Бороться с бурей грозною нет смысла.»

Рамин спокойно эту ругань встретил
И грубостью на грубость не ответил.

Поклялся вечным солнцем и луной,
Своею жизнью, шахом и страной,

Что никогда не вступит в Махабад,
Что он владыке подчиниться рад,

Что больше никогда на Вис не взглянет,
С ее родными восседать не станет.

Затем сказал: «Властитель государства,
Ты мне поверь, что нет во мне коварства.

Для нас ты царь царей, что правит строго,
И в то же время чтим тебя, как бога.

А если я нарушу твой приказ,
Да буду обезглавлен я тотчас.

Как бога, я страшусь тебя сегодня,
Мне твой приказ — как заповедь господня.»

Излив слова на сахарном настое,
Он затаил в душе совсем другое,

Пустился в путь в предутреннюю рань,
Охотиться — но на какую лань?

РАМИН ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ХАМАДАН И ПРИЕЗЖАЕТ К ВИС

Едва раздолье увидал степное,
Как боль разлуки стала меньше вдвое.

Из Кухистана ветерок принес
Ему благоуханье райских роз.

Скакал благословенною тропой:
Любовь находит всюду путь прямой,

И для нее все трудности дороги
Как для других — сады или чертоги.

Чем путь длинней, опасней, тяжелее,
Тем для влюбленных лучше и милее.

Влюбленный, чтоб с дороги не свернуть,
Преобразит в нетрудный — трудный путь.

Рамин, сперва страдая, понемногу
На сладостную выбрался дорогу.

А сердце Вис терзалось от мучений
И увядало, как листок осенний.

Как в подземелье, тосковала дома,
Ланиты стали желты, как солома.

Ей пышные наряды надоели,
Избавилась от перстней, ожерелий.

Не знала сна, ни пищи, ни надежды,
В ней страсть жила, сорвав свои одежды.

Душа для всех желаний заперта, —
Как для улыбки заперты уста.

Змеей казалась ей родная мать,
Стремилась от себя Виру прогнать.

На солнце светлое посмотрит днем, —
Черты Рамина различает в нем,

И, кудри милого напоминая,
Казалась ей печальней тьма ночная.

Сидела на айване постоянно
И в сторону смотрела Хорасана

И думала: «О, если б ветерок
Оттуда прилетел на мой порог!

Он прилетел бы утром с тех равнин,
А вечером приехал бы Рамин.

На Рахше восседал бы, на коне,
Спиною к Мерву и лицом ко мне.

Конь разукрашен, пестрый, как павлин,
Как лист «Аржанга» — на коне Рамин!»

Вис погружалась часто в эти думы,
Томилась плоть, на сердце — гнет угрюмый.

Однажды находилась Вис на крыше,
А солнце поднималось выше, выше.

Два солнца с хорасанской стороны
Пришли, двоякой силою полны:

Земле явило свет одно светило,
Другое — сердцу счастье возвестило!

Он, как больной к целительному зелью,
Явился к Вис, влекомый дивной целью.

Самшит и мирт соединились вновь.
Заплакать их заставила любовь.

Сперва ланит коснулись их уста,
Потом слились, сомкнулись их уста!

Вот за руки влюбленные взялись,
Рамин вступил в опочивальню Вис.

Она сказала: «Ты всего достиг,
Ты отыскал с алмазами рудник,

А ныне в этом царственном чертоге
Ты восседай, не ведая тревоги,

То мною наслаждайся и вином,
То ловлей на раздолии степном.

Ты на охоту прибыл к нам сюда,
Но дичь тебе досталась без труда.

Я для тебя — газель и серна в чаще,
Ты для меня — самшит, всегда манящий.

То восседай спокойно под платаном,
То сделай сердце для меня капканом.

С тобою все печали позабудем,
О дне грядущем думать мы не будем.

К чему заботы — кроме пированья?

Что нам осталось — кроме ликованья?

Днем — пиршество, нет лучшего занятья,
А ночью — сладострастные объятья.

Мы предадимся вечному веселью,
И наслажденье будет нашей целью.

Пойдем счастливой юности путем,
Свою любовь к победе приведем.»

Любовники, в тиши, в объятьях страстных,
Семь наслаждались месяцев прекрасных.

Ударили морозы, выпал снег,
А им тепло на ложе сладких нег.

Познали исполнение желаний,
Блаженствуя зимою в Кухистане.

Как никогда, любовь была сильна,
Все радости земли вкусив сполна.

ВИС ВОЗВРАЩАЕТСЯ В МЕРВ

Слух о любовниках доходит до Мубада. Он идет к своей престарелой матери и бранит ее: «Что за брата ты мне родила, я убью Рамина!» Мать внушает Мубаду, что Вис находится у Виру. Мубад пишет Виру угрожающее письмо. Виру убеждает Мубада в своей невиновности. Мубад увозит жену обратно в Мерв.

МУБАД УКОРЯЕТ ВИС

Обрадовался царь в своей столице
Прелестной, луноликой чаровнице.

Как солнцу, ей молился царь царей,
Он мускусом дышал ее кудрей.

Однажды, восседая с недоступной,
Он укорял ее в любви преступной:

«Так долго в Махабаде прожила ты
Затем, что рядом был Рамин проклятый,

Но, если б не стремилась ты к Рамину,
Там дня не провела б и половину!»

Ответила подобная луне:
«Так плохо ты не думай обо мне.

То говоришь, что я была с Виру,
Что он смотрел блудливо на сестру,

То на меня напраслину возводишь, —
Из-за Рамина ты меня изводишь!

Не так, как думают, ужасен ад,
Не так уродлив бес, как говорят,

Хоть в воровстве всегда виновны воры,
Но и на них бывают наговоры.

Смотри: Виру еще так молод, право,
Его влечет охотничья забава,

Вельможа-собутыльник на пиру
Да дичь в степи — вот радость для Виру!

Но так же время и Рамин проводит, —
Один другому хорошо подходит.

Все дни, все ночи лютней и вином
Они, как братья, тешились вдвоем.

Знай: молодого молодое манит,
Прекрасна молодость, пока не вянет,

Знай: молодость, ее расцвет весенний,
Господь из лучших сотворил творений.

Когда Рамин вступил на землю Мах,
Он стал с Виру охотиться в степях:

В саду и на ристалище — вдвоем,
Полгода, как товарищи, — вдвоем!

Виру он мог бы братом называть,
Шахру была к ним ласкова, как мать.

Подвластны мы любви, но не у всех
Под маскою любви таится грех.

Не каждый, кто любовью одержим,
Владеет сердцем грязным и дурным.

Не каждый подозрителен и злобен,
Не каждый, шаханшах, тебе подобен!»

«Коль ты не врешь, — ей шаханшах сказал,
То заслужил Рамин больших похвал.

Но можешь клятву дать без промедленья,

Что с ним не знала ты совокупленья?

Дашь клятву, — будут все убеждены,
Что лучше Вис на свете нет жены.»

Красавица, чья грудь белей жасмина,
Ответила на слово господина:

«Того, что не было, я не страшусь,
Я невиновностью своей горжусь.

Кто не грешил, тот от грехов не чахнет,
Кто чесноку не съел, тот им не пахнет,

И никакие клятвы не страшны
Тому, на ком нет никакой вины.

Считают все с душою непорочной:
Дать клятву — что испить воды проточной!»

«Так поклянись! — воскликнул царь царей. —
Свою невинность докажи скорей.

Освободись, во имя правоты,
От сплетен, наговоров, клеветы.

Сейчас я пламя разведу большое,
Сожгу я много амбры и алоэ.

Дашь клятву и взойдешь ты на костер, —
Тогда жрецов услышишь приговор.

Когда сквозь пламя ты пройдешь неспешно,
Когда докажешь всем, что ты безгрешна,

Тебя вовеки больше не унижу,
Не оскорблю попреком, не обижу,

Меж нас не будет места укоризне,
Ты станешь для меня милее жизни.

Свою невинность докажи царю, —
Тебе я всю державу подарю:

Она твоя, красавица, твоя, —
Пусть добродетель славится твоя!»

Царю сказала Вис: «Пусть так и будет,
Пусть божий суд обоих нас рассудит.

Себе же ты наносишь вред, когда
Во мне источник видишь ты вреда.

Свой грех сокрыть нам легче ото всех,
Чем приписать другому этот грех.»

Немедленно Мубад созвал жрецов,
Военачальников и мудрецов.

МУБАД НАПРАВЛЯЕТСЯ К ХРАМУ ОГНЯ, А ВИС И РАМИН УБЕГАЮТ В РЕЙ

Обогатил властитель древний храм.
Дивился мир бесчисленным дарам:

То были мельницы, сады, амбары,
Поместья, драгоценности, динары,

Коровы, овцы, кони, кобылицы, —
Им не было ни счета, ни границы!

Из храма вынес пламя царь вселенной,
На площади развел огонь священный.

Его он камфарою разжигал,
Горели амбра, мускус и сандал.

Когда костер разросся, как гора,
Достигли неба языки костра, —

Возник над миром небосвод второй,
Сверкавший золотых огней игрой.

Иль то красавица в веселье пьяном
Металась и сияла горожанам?

Как в пору встреч, пылал огонь сторукий, —
То был огонь, что гаснет в дни разлуки.

Всю землю озарял он без запрета,
И устрашенный мрак бежал от света.

Никто не ведал, ни мужи, ни жены,
Зачем горит костер, царем зажженный.

Когда костер взметнулся, как живой,
Когда луны коснулся головой,

Вис и Рамин, в тревожащем затишье,
Увидели его с дворцовой крыши.

Смотрел с недоуменьем царский двор —
Сановники, вельможи — на костер.

Никто не знал из тех, кто носит меч,
Кого властитель мира хочет сжечь.

Сказала Вис Рамину: «Нежный друг,
Ты видишь, что задумал мой супруг?

Такой большой костер для нас развел он
И сжечь нас хочет, ненависти полон!

Давай отсюда убежим скорей, —
Пусть сам сгорит от злобы царь царей!

Он уговаривал меня вчера
Ему поклясться пред лицом костра,

Но я себя от смерти охраню,
Сама ему устрою западню!

Я злобному ревнивцу поклялась,
Что я любимому не отдалась,

Еще я сотни слов наговорила,
То изворачивалась, то хитрила.

Теперь он хочет с помощью огня
Пред всей столицей испытать меня.

Он приказал мне: «Сквозь огонь пройди,
Всех в чистоте своей ты убеди.

Пускай узнает мир, что ты невинна,
Что Вис оклеветали и Рамина».

Так убежим, пока нас не позвали:
Дождется клятвы шаханшах едва ли!»

Кормилице сказала: «Что ты можешь?
Как от огня спастись ты нам поможешь?

Не праздной болтовни пришла пора, —
Пришла пора для бегства от костра.

Все каверзы и плутни в ход пусти,
Чтоб нам помочь и от огня спасти.»

Кормилица, что хитростью владела,
Сказала: «Это не простое дело!

Ей-богу, я ума не приложу,
Как этот узел трудный развяжу.

Но будем все ж надеяться на бога,
И нас к удаче приведет дорога.

Что ж вы у всех стоите на виду?
Последуйте за мной, куда пойду!»

Обоих в спальню повела тайком, —
Кто с ней сравнится в плутовстве таком!

Взяв золото и жемчуг из ларцов,
Спустились к бане трое беглецов.

Никто не знал о потаенной тропке,

Что прямо в сад вела из банной топки.

Они втроем проникли в сад из бани,
Ушли, оставив шаха для страданий.

Тут на стену вскочил Рамин-смельчак,
Он распустил и сбросил вниз кушак,

Обеих поднял с этой стороны
И опустил с той стороны стены,

Затем и сам расстался с царским садом
И, спрыгнув, оказался с ними рядом.

Как див, что прячется дневной порой,
Как женщина, он скрылся под чадрой.

Ушли и Вис, и мамка, и любовник.
Рамину был знаком один садовник.

Пришли к тому садовнику втроем,
Прибежище нашли в саду чужом.

Затем садовника к себе домой
Рамин послал за преданным слугой.

Сказал слуге: «Ты снаряди коней,
Что всех быстрей, проворней и сильней,

Оружье для охоты принеси
И на дорогу пищу припаси».

Слуга приказ исполнил слово в слово.
Все было к вечеру уже готово.

Они в пустыню понеслись, как ветер,
Никто не видел их, никто не встретил.

Пустыня, где гнездились все напасти,
Где было смрадно, как в драконьей пасти, —

Запахла, Вис увидев и Рамина,
Как с травами душистыми корзина!

Протяжный рев зверей, солончаки,
Овраги, вихри, знойные пески

Казались двум влюбленным дивным садом,
Когда встречался взгляд с веселым взглядом.

Не замечали: есть ли мрак ночной?
Шумит ли ветер и палит ли зной?

В Китае мы на камне прочитаем:
«Влюбленным даже ад сверкает раем».

Когда подругу обнимает друг,
Весь мир преображается вокруг,

Болота и пески цветут, как розы,
Дыханьем вешним кажутся морозы.

Влюбленный — словно пьяный, а для пьяниц
Весь мир как бы веселый пляшет танец...

В пустыне скрылись от царя царей
И через десять дней вступили в Рей.

Был у Рамина в Рее друг надежный,
Такой, чьи чувства были непреложны,

Придет ли радость, грянет ли беда, —
Бехруз Рамину верен был всегда.

Он счастьем обладал — желанным даром:
Шеру, Счастливым, прозван был недаром!

Жилье его казалось райской кущей,
И радостью и дружбою цветущей.

...Легла на землю ночи пелена,
Сокрылись звезды, спряталась луна,

Мир погрузился в мрак, забыв о звездах,
Слились в колодце мира мрак и воздух.

Рамин, любовью сладостной ведом,
К Счастливому, к Шеру, примчался в дом.

Бехруз, открыв гостеприимно двери,
На друга посмотрел, глазам не веря.

Сказал: «Не ждал я, что в ночную пору,
Как день, придет Рамин, предстанет взору».

Сказал Рамин: «О братец! Под чадрой,
Под покрывалом нашу тайну скрой!»

Ответил тот: «Живи в моем дому, —
Об этом не скажу я никому.

Ты господином будешь, я — слугой,
Нет, раб не служит службою такой!

Тебе я буду и рабом и другом,
О нет, слугой твоим я стану слугам!

А если ты прикажешь в эту ночь
Мне и рабам уйти из дома прочь,

То ты себе оставь и дом и службы,

А мне оставь блаженство чистой дружбы!»

Сто дней Рамин и Вис, в саду Шеру,
Играли, пели, пили на пиру.

Дверь на засове, а сердца раскрыты,
Как жаркое вино, горят ланиты.

Днем — празднество, игра, увеселенье,
А ночью — поцелуев упоенье.

В руках — то кубок с хмелем, то упругий
И стройный стан возлюбленной подруги.

Вис для Рамина — радости светильник,
Услада и прелестный собутыльник.

Сверкает, как Венера, чаровница,
При звуках чанга спать она ложится.

Еще играет в ней вчерашний хмель,
А ей уж кубок подают в постель.

Пред ней Рамин, пленительный и юный,
И лютни он перебирает струны.

Поет ей о любви, поет, влюбленный,
Напев, дыханьем страсти опаленный:

«Мы влюблены, мы счастливы вдвоем,
Подруга, друг для друга мы живем!

Мы — верности опора в трудный час,
Мы — стрелы смерти для жестоких глаз.

Чем больше ликованье в нашем взоре,
Тем больше у врагов тоска и горе.

Пусть ласки станут нашим достояньем,
Мы от утех любовных не устанем!

Мы в ласках — две негаснущих свечи,
Два лепестка, раскрывшихся в ночи!

Нам счастье жизни подарила страсть,
Любовь не может побежденной пасть!

Вис и Рамин в союз вступили сладкий,
Как белый сокол с горной куропаткой.

Вис, что вина пьяней и краше, — слава!
И Вис, и красоте, и чаше — слава!

Вис — любящей, любимой страстно, — слава!
Вис, что Мубаду не подвластна, — слава!

Мы славим Вис уста — алей рубина,
Что радость принесли устам Рамина.

Мы славим Вис, подругу с нежным сердцем,
Ей стал Рамин в любви единоверцем!

Ликуй, Рамин, — удачная охота:
Не дичь, а Вис поймал в свои тенета!

Ликуй, Рамин, ты счастлив наконец:
Твои желанья обрели венец!

Ликуй, Рамин, в приюте наслаждений:
В раю ты слился с розою весенней!

Ликуй, Рамин, ты солнцу стал четой —
Владей землею, солнцем залитой!

Хвала Шахру, — той матери дивись,
Что родила на свет Виру и Вис!

Хвала стране, где светится луна,
Державе, где подруга рождена!

Карану незабвенному хвала:
Не от него ли Вис произошла?

Хвала улыбке Вис: в покорных слуг
Улыбка превратила всех вокруг!

О Вис, бесценный кубок подними ты:
Вино алеет, как твои ланиты!

Возьму я кубок из руки твоей —
И сделаюсь хмельней, но не слабей!

А что меня пьянит, — не все ль равно:
Твое лицо, иль кубок, иль вино?

Из рук твоих взяв чашу на пиру,
Я чашу наслаждения беру.

Все радости мои ты умножаешь,
Все горести мои уничтожаешь.

В ларце моей души, как жемчуг, блещешь,
В созвездье рук моих звездой трепещешь.

Пусть жемчуг в том ларце блестит всегда,
В созвездье том — всегда горит звезда!

Пусть, словно сад, лицо твое цветет, —
Сад, где мои ладони — садовод!

Потомки будут восхищаться нами

И нашими гордиться именами.

Такому счастью будет мудрость рада,
Такую страсть увековечить надо!

О сердце, обливавшееся кровью,
Ты наконец исцелено любовью!

Чье сердце сердца любящих светлей
И чье лицо — лица любви милей?

Но, чтоб взглянуть на то лицо, смети
Всех недругов со своего пути.

Шипами роза страсти снабжена,
Хотя любовь сладка, она страшна.

От жизни откажись во имя страсти,
Тогда лишь ты в любви узнаешь счастье.

Все прочие желанья подави,
Пожертвуй миром, чтоб достичь любви!

А ныне пей, доверься божьей воле,
О дне грядущем ты не думай боле.

Не беспокойся ни о чем, живи
Лишь для любви, лишь для одной любви!»

Рамин вино все время распивал,
Все дни такие песни распевал.

Здесь, рядом, — Вис, отрада и услада,
А где-то там — тоска и злость Мубада.

Здесь — наслажденье, пенье и цветенье,
А у царя — унынье и смятенье.

Терзали шаханшаха злые думы,
И клятвы он потребовал, угрюмый,

Но полог злой судьбы над ним навис,
Как только испытать задумал Вис.

Ее искали ночью, утром, днем,
И шах стонал, охваченный огнем.

ВИС И РАМИН ВОЗВРАЩАЮТСЯ В МЕРВ

Поручив царство своему брату Зарду, Мубад отправляется на поиски Вис. Он скитается в пустынях, лесах и горах, оплакивая свою судьбу, раскаиваясь в том, что обрек Вис на тяжкое испытание огнем и поэтому она от него убежала. Он клянется, что, если Вис возвратится к нему, он ее простит, будет рабом ее желаний. Боясь умереть на чужбине, Мубад возвращается в свою столицу.

Между тем Рамин тайно посылает матери письмо. Он жалуется на притеснения со стороны Мубада, сообщает, что ему и Вис живется прекрасно, а когда Мубад умрет, он, Рамин, станет законным шахом, или же, не дождавшись смерти Мубада, сам свергнет его с престола.

Мубад приходит к матери, и та говорит шаху, что она сумеет вернуть Вис и Рамина в Мерв, если Мубад их простит и будет творить Вис и Рамину только добро. Мубад дает клятву, мать пишет об этом Рамину и вызывает его и Вис в Мерв. Они возвращаются, к большой радости Мубада, который все забыл и простил.

МУБАД, ВИС И РАМИН ВОССЕДАЮТ НА ПИРУ, И РАМИН ПОЕТ ПЕСНЮ О САМОМ СЕБЕ

Когда Мубад, Рамин и Вис, все трое,
Соединились, позабыв былое,

Простили прежнее, собравшись вместе,
Очистили свои сердца от мести,

Воссел однажды шаханшах седой,
А Вис блистала властной красотой.

Он чашу взял, и перед властелином,
Как щеки Вис, вино зажглось рубином.

Рамина шах позвал: исчезла злоба,
И радость шаху доставляли оба.

Супруги прелесть — упоенье взгляда,
А чанг Рамина — для ушей отрада.

Когда Рамин рукою струн касался,
То и гранит расплавленным казался.

Он песню о себе самом повел, —
У нежной Вис, как роза, лик расцвел.

«О сердце, — пел он, — боль твоя тяжка мне.
Ты, сердце, не из меди, не из камня!

Не огорчайся, позабудь печаль.
Ужель тебе меня совсем не жаль?

Ты насладись вином и пеньем сладким,

Да станет в чаше боль моя осадком!

С тобою жить осталось нам немного,
Так пусть мучений кончится дорога!

Поверь: судьба за прежние мученья
Еще попросит у тебя прощенья!

Ты будешь биться радостно, победно,
А то, что было, то пройдет бесследно.

Пусть много зла для нас таится в небе,
Но не всегда печальным будет жребий!»

У шаха в голове уже давно
Перемешалось с разумом вино.

Любовной песни, более прекрасной,
Потребовал от брата шах всевластный.

Рамин запел другую песню, — пусть
Она развеет в старом сердце грусть!

«Увидел я цветущий сад весенний,
Он создан для любви, для наслаждений.

Там — движущийся кипарис прелестный,
Там у луны чудесной — дар словесный.

Там роза райская, дыша весной,
Нежданно расцвела передо мной.

Она утешит сердце в дни ненастья,
Она умножит счастье в пору счастья.

Хотел ее любовником я стать,
А должен был садовником я стать!

Теперь, когда на розы ни взгляну,
Я вижу их расцветшую весну,

Чтоб не пробрался к розам дерзкий вор,
Ворота сада запер на запор.

Завистник, ревностью себя не мучай:
Дождешься ты от бога доли лучшей.

Тебе на небе нравится луна?
Она от бога небесам дана!»

От этой песни, что свободно пелась,
Душа у шаха страстью загорелась.

В нем ожила тоска по Вис, и вдруг
Он кубок попросил из нежных рук.

Он захмелел тотчас же от питья —
И ржавчина исчезла бытия.

Сказала Вис: «О царь, над миром властвуй,
На благо всех друзей живи и здравствуй!

Пройди свой путь в содружестве с победой,
Во всех деяньях славу ты изведай.

Как хорошо, что можем пить вино,
Что славить государя нам дано!

Кормилицу давай-ка позовем, —
Посмотрит, как мы счастливы втроем!

А если соизволит царь страны,
Расскажем ей, как мы теперь дружны.

Пускай часок побудет с нами ныне, —
Нет у владыки преданней рабыни».

Позвали мамку, оказав ей честь,
С красавицей велели рядом сесть.

Шах приказал: «Вина мне, брат, налей,
Вино из рук друзей — всего милей!»

Рамин обрадовался тем словам,
Налил вина царю и выпил сам.

Вино, исполненное самовластья,
Его зажгло пыланьем сладострастья.

Он с кубком к Вис приблизился, горя,
Сказал ей потихоньку от царя:

«Пей, наслаждайся на пиру хмельном,
Посев любви мы оросим вином!»

То слово слух ласкало розоцветной, —
Ответила улыбкой чуть заметной

И молвила: «Пускай в твоем угодье
Посев любви познает плодородье!

В сердцах у нас на длительные годы
Пускай любви произрастают всходы.

Будь верен мне, одну меня любя, —
Ведь я люблю лишь одного тебя!

Ты наслаждайся мной, а я — тобою,
Ты будь моей, а я — твоей судьбою.

Друг в друге обретем рудник щедрот,

А шах пускай от зависти умрет!»

Царь слышал все, о чем они шептались:
Со стариком, как видно, не считались...

Но гнев сокрыл он, из себя не вышел, —
Казалось, будто ничего не слышал.

Кормилице сказал: «Наполни чаши».
Рамину: «Сердце ты обрадуй наше,

Твой голос будем слушать до зари,
Побольше пой, поменьше говори!»

Кормилица им разлила вино.
Рамин, чье сердце было влюблено,

Запел, а в песне были грусть и сладость...
Вот так ты пей и пой, лишь в этом радость!

«Приди, — я пожелтел, я стал шафраном,
Смой желтизну мою вином багряным.

Пусть щеки расцветут, как лепестки,
Не станет в сердце ржавчины тоски.

Пусть мой цветущий лик врагов обманет,
Пусть не поймут, что сердце втайне вянет.

Нет, не доставлю радости врагу,
Я буду боль терпеть, пока смогу!

Зачем погряз я в пьянстве и в распутстве?
Затем, что есть забвенье в безрассудстве!

Вино прекрасно, если есть возможность
В нем потопить печаль и безнадежность.

Хочу я, чтобы в пьянстве и в разгуле
Моя тоска и горе потонули.

А ты поймешь, из-за кого я пью.
Красавица, ты боль поймешь мою.

Льва сокрушить моя сумела б сила,
Когда б меня любовь не сокрушила!

Господь, к твоей взываю благостыне:
Лишь ты подашь совет, что делать ныне,

Чтоб ночь моя сменилась ярким днем,
Чтоб я тоску не заливал вином!»

Услышав грустный звон и эти стоны,
Расплавился б и камень, потрясенный.

Рамин смотрел на среброгрудый идол
И страсть свою невольно песней выдал.

Ужели тот, кто сердце в пламя бросит,
От пламени успокоенья просит?

Где вступят хмель и страсть в союз ночной,
Там вспыхнет юности огонь двойной.

Хотя Рамин снаружи был спокоен,
Он обезумел, жалости достоин,

В руках держал он лютню и пылал,
И был высок его любви накал.

Но странно ль, что душа рвалась на части,
Что не сумел он спрятать пламя страсти?

Нежданно не затопит ли запруду,
Когда вода нахлынет отовсюду?

Как полая вода, любовь нахлынет, —
Запруду назиданий опрокинет!

В опочивальню шах, счастливый, пьяный,
Пошел с женой неверной, но желанной.

Ушел и брат его, и для Рамина
Булыжником была в ту ночь перина!

В ту ночь и шах не склонен был ко сну,
Он, опьяненный, укорял жену:

«К чему все эти прелести твои,
Когда в тебе и капли нет любви?

С весной твою сравню я красоту,
Похожа ты на дерево в цвету,

Чьи листья и плоды глаза чаруют,
Но тех, кто ест их, — горечью даруют.

Лицом ты стала сахару подобной,
А нравом — дикой тыкве несъедобной.

Я многих знал прелестниц без стыда.
Таких, как ты — не видел никогда.

Любовниц страстных видел я немало,
По-разному ласкали их, бывало,

Но я такой не видел срамоты, —
Таких, как твой любовник и как ты.

Нередко так сидите вы при мне,

Как будто вы сошлись наедине,

От страсти обезумели горячей!
В безумье страсть становится незрячей,

И то, что видно всем, лишь вам не видно,
При всех ведете вы себя бесстыдно.

Любовникам покажется порой
И глиняный комок — Альбурз-горой.

Вам кажется, что ваша страсть безмерна,
На деле — только стыд, и срам, и скверна.

Не будь со мной, мой идол, так сурова,
Не то твоим врагом я стану снова.

Пусть даже станет падишах ослом, —
Ты на него не вздумай сесть верхом.

Я падишаха с пламенем сравню,
В свирепости подобен он огню.

Будь львом бесстрашным, сильным будь слоном,
Но берегись вступать в борьбу с огнем.

Не доверяйся ты морской лазури:
Спокойно море накануне бури,

Вода тиха, но помни наперед,
Что гибелью грозит водоворот.

Не издевайся, не терзай мне душу,
Не то свой гнев я на тебя обрушу.

Кто стену шаткую возьмет в опору?
Под ней погибнешь ты в лихую пору!

С тобою рядом испытал я муку,
Измучился, познав с тобой разлуку,

В твоих тенетах буду я доколе,
Доколе буду я страдать от боли?

Мне хоть немного ласки подари,
Не то — запомни! — мстительны цари.

Мои оковы хоть на миг разбей,
Яви мне страсть с покорностью своей.

В твоих лобзаньях душу обрету,
Вознагражу тебя за доброту.

Получишь Кухистан и Хорасан,
Тобой, как солнцем, буду осиян!

Весь мир я вижу лишь в твоих очах,
Ты — суть венца, который носит шах.

Владей моей страной по воле неба,
А мне оставь халат и корку хлеба!»

Красавица пылала и смущалась,
И вспыхнула в упрямом сердце жалость.

Ее растрогал старец сумасшедший,
Она сказала сладостные речи:

«О самодержец, правящий страной,
Ни дня разлуки ты не знай со мной.

Соитие с тобой мне так приятно,
А всякая другая связь — отвратна.

Я жизнь к ногам повергну господина:
Мне прах у ног твоих милей Рамина!

Мне опостылел этот ловкий плут,
Чья радость — в пьянстве, чье занятье — блуд!

В тебе я вижу солнца свет победный,
Так для чего луны мне отблеск бледный?

Ты — океан в сиянии зари,
Как ручейки — все прочие цари.

И если я тебе еще по нраву,
То будь моим, а я — твоя по праву!

Смотри же, не считай меня дурной,
Неверной и развратною женой.

Моя душа — в твоей любви всецело,
А если нет души, то гибнет тело.

Очей Рамина кажется милей
Мне волосок на голове твоей!

Что было — было, не вернется снова,
Тебя любить отныне я готова!»

Красавица Мубада потрясла,
Когда такую речь произнесла.

В его душе от этих уверений
Расцвел душистый сад, цветник весенний.

Он был надеждой свежей опьянен,
Он погрузился в дивный, сладкий сон...

Он спит, а Вис не спит, в глазах — досада.

Ну, как равнять Рамина и Мубада!

Один хорош одним, другой — другим, —
Рамин ни с кем на свете не сравним!

Вдруг слышит шум: то громче он, то тише...
Рамин, как видно, двигался по крыше!

Страсть подняла влюбленного с постели,
Сон и терпенье разом улетели.

Как мысль безумца, ночь была темна,
И лился дождь, и спряталась луна,

Да, скрылась, как лицо прекрасной Вис, —
Шатер из черных туч над ней навис.

Увидел небосвод: луна — в плену, —
И, как Рамин, оплакал он луну.

Луна за тучей — все бледней, печальней:
Так Вис грустит в своей опочивальне.

Рамин сидит на крыше, на краю,
А в сердце страсть подобна острию.

Влюбленному и ночь сияет светом,
А снег на крыше — белым, вешним цветом.

На крыше для него — дворец прекрасный,
Прах для него цветист, как шелк атласный.

Не видит он любимой, но душа
Живет, ее дыханием дыша.

Что радостней такой высокой страсти,
Когда ему и ей грозят напасти,

Когда им страшно: день придет однажды, —
О тайной их любви узнает каждый.

Беда любимой — для него беда,
День для него — день Страшного суда!

Рамин сидел на крыше. Было поздно,
А ночь текла — дождлива и беззвездна.

Но что ему и дождь, и снег, и холод,
Когда в душе огонь, который молод!

Будь в каждой капле — ста потоков сила,
Она б ни искорки не погасила!

С дождем, шумевшим в мире, как стремнина,
Смешались слезы горькие Рамина.

Попало сердце бедное в тиски.
Он говорил, исполненный тоски:

«Любимая, взгляни же со стыдом:
Ты — дома, я — под снегом и дождем.

Ты возлежишь, другого обнимая,
На мягких, белых шкурках горностая,

А я в снегу, я мерзну без подруги,
Как в глине, я увяз в своем недуге.

Ты спишь, не зная — болен ли, здоров ли
Любимый твой, рыдающий на кровле.

О снег, на сердце огненное падай!
Тоска любви, безумного обрадуй!

Вздохну — и снегу боль я причиню,
Весь мир предам я своему огню!

Подуй, холодный ветер, в эти дни,
Своим дыханьем мир оледени!

Заставь ее на миг проснуться краткий,
А косы — разметаться в беспорядке!

Ей принеси мою мольбу и стон,
Ей расскажи, что горем я сражен,

Что, одинокий, мерзну я в снегу,
Что радость доставляю лишь врагу.

Но и врага мой жребий растревожит, —
Любимой жалость я внушу, быть может?

Ужели не заплачет вместе с тучей,
Когда погаснет свет звезды падучей?»

Звучали стоны то сильней, то тише,
До слуха Вис дошли шаги на крыше,

Любовь проснулась в сердце опаленном,
Кормилицу послала за влюбленным.

Душа ее страдала и томилась,
Пока наперсница не воротилась.

Кормилица спустилась быстро вниз
С посланьем от Рамина милой Вис:

«Я надоел тебе, моя любовь,
Иль пить мою ты продолжаешь кровь?

Какому же обязан я злосчастью,

Что ты пресытилась моею страстью?

Все той же верен я любви, надежде,
Но ты-то стала не такой, как прежде.

Ты беззаботно кутаешься в мех,
А я в смятенье падаю на снег.

Мне — боль и горе, а тебе — шелка,
Тебе — веселый праздник, мне — тоска.

Ужели бог такой желал судьбы:
Тебе — пиры, мне — слезы и мольбы?

Ужели ты сотворена для нег,
А я в унынье проживу свой век?

Будь счастлива всегда, из года в год:
Ты нежная, ты не снесешь невзгод!

Но почему же я страдать обязан?
Ужели с горем навсегда я связан?

Будь радостна — ты радости достойна,
Ты мной, твоим рабом, владей спокойно.

Но ты поймешь ли, что я тяжко болен,
Что я в цепях твоих кудрей безволен,

Что ночь темна, а светоч мой погас,
Ушел покой из сердца, сон — из глаз.

Я, как безумец, бегаю по крыше,
Вокруг — лишь мрак, над городом нависший.

Стремлюсь к тебе, но ты всегда вдали.
Мою надежду не испепели!

Ночную тьму развей сияньем дня,
В свои объятья заключи меня.

О, лишь объятий жаркое тепло
Меня б теперь от холода спасло!

Свой дивный лик открой мне поскорей,
Дай мускус мне вдохнуть твоих кудрей.

Я пожелтел, как золото, гляди, —
Прижми меня к серебряной груди!

Иду к тебе, блуждая, в сердце робость,
Разлука наша для меня — как пропасть!

О, не гордись моими ты скорбями,
Не радуйся, что твой любимый — в яме.

Не отнимай надежду на свиданье,
Иначе прокляну я мирозданье.

Не гневайся, убийства не готовь,
Не отнимай надежду на любовь.

Пока я жив, я не уйду к другой,
Твоим рабам пребуду я слугой».

Душа у Вис вскипела, как вино,
Когда оно с огнем сопряжено.

Сказала мамке: «Пораскинь умом,
Как от Мубада мне уйти тайком.

Он спит, но, если он проснется, — горе:
Несдобровать мне, я умру в позоре,

А он, старик, проснется в самом деле,
Когда поймет, что нет меня в постели.

Одно поможет: с ним ты лечь должна,
Как с милым мужем — добрая жена.

Ты спрячь лицо, ложись к нему спиною,
Он пьян, тебя он спутает со мною.

Ты пышным телом, как и я, мягка,
Обнимет он — обманется рука.

В беспамятстве, хмельной, на сонном ложе,
Ужели кожу отличит от кожи?»

Сказала и светильник погасила,
Кормилицу супругу подложила,

Сама пошла к Рамину, весела,
В лобзаньях исцеленье принесла.

Сняла с себя покров из горностая
И разостлала, юностью блистая,

Рубаху мокрую сняла со смехом
С Рамина — и укрылись лисьим мехом,

Друг с другом, радуя сердца, слились,
Как с дивной розой зимнею нарцисс.

Иль то слились Юпитер и Луна?
Иль то огнем охвачена сосна?

От их любви раскрылись вдруг тюльпаны,
Повеял амброй мир благоуханный,

И толпы звезд сквозь тучи пробивались —

Утехами влюбленных любовались.

Жемчужный дождь природе стал не нужен, —
Ее смутила прелесть двух жемчужин.

О, что самозабвенней соучастья
Души и плоти, ласк и сладострастья!

То на руке Рамина спит подружка,
То для него ее рука — подушка.

Вино смешалось, скажешь, с молоком,
Атлас, воскликнешь, к бархату влеком!

Они сплелись, перевились, как змеи.
О, что сплетенья этого милее!

Уста в уста, лежат, забыв тоску,
Меж ними места нет и волоску!

Всю ночь они делились тайной сладкой,
И ласка следовала за разгадкой.

Как много в поцелуях было меда,
Как восхищалась ими вся природа!

...Проснулся шах, что был сражен вином,
Но с луноликой не был он вдвоем.

Он руку протянул, — обрел старик
Не тополь свежий, а сухой тростник!

Сравнить ли со стрелою лук кривой,
Красавицу — со старою вдовой?

Где шип, где шелк, — рука понять сумела,
Где старое, где молодое тело!

Свиреп, как тигр, вскочил властитель с ложа.
Душа вскипела, с грозной тучей схожа.

Спросил, старуху за руку схватив:
«Откуда взялся ты, отвратный див?

На ведьме я женат, — хотел бы знать я?
Кем брошен сатана в мои объятья?»

Он домочадцев долго звал, крича:
«Мне надобны светильник иль свеча!»

Он долго спрашивал старуху: «Кто ты?
Что ты за вещь, ответствуй, чьей работы?»

Но мамка не ответила владыке,
И слуг не разбудили эти крики.

Любимая спала, не спал Рамин,
И вопли шаха слышал он один.

То губы целовал ее, то слезы
На две ланиты он ронял, на розы.

Боялся он, что утро вспыхнет вскоре:
Настанет день, — к нему вернется горе.

Тогда запел он песню о разлуке,
Излил печали жалобные звуки:

«О ночь! Ты ночь для всех, а для меня
Была светлей безоблачного дня!

Когда же день придет, для всех сияя,
Наступит для меня пора ночная.

О сердце, знай: заря взойдет, светла, —
Тебя разлуки поразит стрела!

Зачем же вслед за радостью свиданья
Разлука к нам спешит без опозданья!

О мир, ты зло творишь, ожесточась:
Даешь блаженство, чтоб отнять тотчас!

Чуть-чуть нальешь вина, сладка отрада, —
Подносишь тут же кубок, полный яда!

О первый день любви моей злосчастной,
Когда испил я муки сладострастной!

С тех пор несусь я в море, как ладья,
И жаждет гибели душа моя.

Плыву в объятьях волн, а мощь объятий
Сильней, чем страсть к деньгам, любовь к дитяти!

Как боль тяжка! Она стократ больней,
Когда молчать я вынужден о ней.

Во время встречи я боюсь разлуки,
Но как разлуки тягостны мне муки!

Не знаю, кто страдал, как я, в плену,
Не знаю, как покой себе верну.

Услышь, господь, печаль моей любви,
Спаси страдальца, милость мне яви!»

Так плакал, так стонал Рамин влюбленный,
И горе умножали эти стоны.

Его подруге хорошо спалось,

И разметался шелк ее волос.

Но вдруг Рамин услышал крики шаха,
И сердце сжалось у него от страха.

Опасность стала для него ясна.
Красавицу он разбудил от сна:

«Любимая, проснись! Беда случилась!
Все то, чего боялись мы, свершилось!

Ты погрузилась в беззаботный сон,
А я не спал, печалью напоен.

Я плакал, что разлука так близка,
Что следует за радостью тоска.

Пока от горя сердце трепетало,
Другая, худшая беда настала.

Я услыхал Мубада вопли, крики —
И вспыхнул, гнев объял меня великий.

Твердит мне сердце: «В глине ты увяз,
Вставай же, ноги вытащи сейчас.

Ступай и шаханшаха обезглавь,
Державу от злонравного избавь!»

Клянусь, пора мне за оружье браться:
Кровь комара ценнее крови братца!»

Сказала Вис: «Остынь ты поскорей,
Водой рассудка свой огонь залей.

Судьба вознаградит тебя сторицей,
Ты счастье обретешь, не став убийцей».

Спустилась вниз, сказав свои слова, —
Так лань спешит, удрав из пасти льва.

Смотри, как удалась ей та уловка,
Как женщины обманывают ловко!

Она присела в спальне с мамкой рядом,
Склонясь над обезумевшим Мубадом.

Сказала: «Так мою сдавил ты руку,
Что я испытываю боль и муку.

Возьми меня, на время, за другую,
Твою исполню волю я любую».

Услышал шах прелестный голосок, —
Сам не заметил, как попал в силок!

Он руку мамки выпустил из рук, —
Освободилась каверзница вдруг!

Сказал он Вис: «Моя душа и тело,
Зачем ты мне ответить не хотела?

Я звал тебя, но ты не отзывалась,
Из-за тебя душа моя терзалась».

Но мамка тут покинула дворец,
И Вис приободрилась наконец.

Воскликнула притворщица в ответ:
«Увы, живу в тюрьме я столько лет!

Иду я прямо, правды не тая,
Но лгут, что извиваюсь, как змея!

О, что для нас ревнивца-мужа хуже?
Источник наших бед — в ревнивце-муже!

Всю ночь я с ним в постели провела, —
И что ж? Меня поносит он со зла!»

Ответил шах Мубад своей жене:
«Не надо плохо думать обо мне.

Душа моя, ты мне души милее,
С тобою день мне кажется светлее.

То, что я сделал, — спьяну сделал, право.
Мне жаль, что в кубке не была отрава!

Но в той беде есть и твоя вина:
Ты слишком много мне дала вина.

Тебя не буду ревновать, — иначе
Да никогда не видеть мне удачи!

Прости меня, коль пред тобою грешен,
Прости, не то я буду безутешен.

Поверь, свершил я спьяну прегрешенье,
А тем, кто пьян, даруется прощенье.

Кто спит, во сне становится безглазым,
А тот, кто пьян, утрачивает разум.

Знай: как водой — одежда, что грязна,
Раскаяньем смывается вина!»

Мубад просил прощенья многословно, —
Простила Вис, хотя была виновна!..

С тем, кто влюблен, всегда бывает так:

Обманут, попадает он впросак,

Раздавленный своей виною мнимой,
Прощенья, жалкий, просит у любимой.

Я видел, как, предавшийся пыланью,
Трепещет ловчий лев пред робкой ланью.

Я видел, как ярмо любви гнетет
Могучих, независимых господ.

Я видел: лисью обретал природу
Влюбленный лев, возлюбленной в угоду.

От страсти острие любви тупеет.
Кто с милой остро говорить посмеет?

Лишь тот, кто страсти не знавал тенет,
Влюбленного безумцем назовет.

В своей душе не сей любви семян:
Плоды любви — отрава и обман!

МУБАД ЗАКЛЮЧАЕТ ВИС И КОРМИЛИЦУ В КРЕПОСТЬ ИШКАФТИ ДИВАН

В это время кайсар — властитель Рума — идет войной на Мубада. Старый шах вынужден отправиться в поход. По совету своего брата Зарда, он заключает Вис и кормилицу в крепость Ишкафти Диван, находящуюся высоко в горах. Мубад запирает красавицу за пятью воротами, на воротах — печати, а ключ и печатку уносит с собой. В крепость доставляются обильные припасы.

Рамин в отчаянии. Он заболевает, — по-видимому, притворно. С разрешения шаха, его уносят на носилках из Мерва в Гурган. Как только шах уходит с войском, Рамин быстро выздоравливает и отправляется в Мерв на поиски Вис.

Между тем Вис, полагая, что Рамин уехал на поле брани, горько оплакивает разлуку с возлюбленным, не слушая утешений кормилицы.

РАМИН ПРОНИКАЕТ В КРЕПОСТЬ ИШКАФТИ ДИВАН

Вернувшись из Гургана в Мерв назад,
Узрел Рамин опустошенный сад.

Исчезла Вис — и сразу понял всадник,
Что разорен желанный виноградник.

Не украшал чертоги дивный лик,
Ее дыханьем не дышал цветник,

Дворец, блиставший роскошью, весельем,
Казался без любимой подземельем.

Цветы как бы вздыхали о потере
И, как Рамин, оплакивали пери.

Рамин — в крови, как лопнувший гранат,
Который косточками слез богат.

Нет, как вино из горлышка кувшина,
Струились слезы из очей Рамина!

Он плакал на айване, в цветнике,
Внимала вся земля его тоске:

«Увы, дворец, все так же ты роскошен,
Но только горлинкой певучей брошен.

Для нас блистал красавиц звездный круг,
А Вис — как солнце среди звезд-подруг.

Река журчала, восхищая сад,
И девушки ей подпевали в лад.

Львы — юноши — сидели на айване,
Красавицы резвились, точно лани.

Теперь ни звезд не вижу, ни луны,
Теперь не светит солнце с вышины.

Где львы твои, где радостные лани,
Где кони, сотворенные для брани?

Где трепет листьев, лепет родников?
Ты не таков, как прежде, не таков!

Дворец, и ты, как я, познал несчастье,
И ты увидел мира самовластье!

Лукав, тебя расцвета он лишил,
Меня — любви и света он лишил!

Что радость прежняя твоя? Тщета!
Да и моя отрада отнята.

Вернутся ль дни, когда сюда приду,
Чтоб наслаждаться у тебя в саду?»

Так плакал он, утратив солнце мира,
Так причитал, не находя кумира.

Изнемогая от сердечных ран,
Пошел он в крепость Ишкафти Диван.

Он шел путем нагорным и пустынным,
Но для него тот путь дышал жасмином.

К той крепости, что увенчала гору,
Он прибыл в темную, ночную пору.

Он был хитер — и понял: чаровница,
Бесспорно, в этой крепости томится.

Решил: пора желанная пришла,
О нем подругу известит стрела.

Он бесподобным был стрелком из лука:
Далась ему военная наука!

Метнул четырехперую стрелу:
Как молния, она пронзила мглу!

«Лети! — стреле сказал он быстрокрылой. —
Лети, ты — мой посол к подруге милой.

Всегда летишь, как гибели гонец, —
Посланцем жизни стань же наконец!»

Стрела взвилась, прорезав мрак ночной,
До крыши долетела крепостной,

Свалилась неожиданно в ночи
К возлюбленной, у ложа из парчи.

Кормилица узнала ту стрелу,
Что в спальне оказалась на полу.

Вскочила, подняла стрелу мгновенно, —
Казалось, вспыхнул день во мраке плена!

Красавице стрелу преподнесла:
«Смотри, какая славная стрела!

Рамин прекрасный, чей удел — разлука,
Ее метнул из бронзового лука.

Ее сиянье озарило мрак:

То подал нам Рамин свой жаркий знак.

Он в крепость прискакал как вестник блага,
К подруге привела его отвага».

Для Вис настало счастье на земле:
Прочла Рамина имя на стреле!

Она стрелу сто раз облобызала,
Прижав ее к своей груди, сказала:

«Стрела Рамина, радостный привет,
Ты мне милей, чем тот и этот свет!

Ты прилетела с лаской и весельем,
Моим отныне станешь ожерельем.

Я сделаю тебе, стрела Рамина,
Чудесный наконечник из рубина!

Разлука сердце ранила насквозь,
Сто стрел таких, как ты, в него впилось,

Но лишь тебя метнул охотник смелый, —
Из сердца выбил остальные стрелы!

Я стрел таких, как ты, не знала ране,
Таких, как ты, не видела посланий!..»

В душе Рамина бушевали мысли, —
Казалось, дивов полчища нависли:

«Куда моя стрела взвилась отселе?
Достигла или не достигла цели?

О, если б знала Вис, что в эту ночь
Я здесь, — она б сумела мне помочь!

О сердце, бейся у меня в груди,
Не бойся никого — и победи!

Я уповаю, — мне поможет бог,
Что создал мироздания чертог.

Пусть даже мне судьбы грозит свирепость, —
Чтоб радость обрести, вступлю я в крепость!

Пусть даже будут из железа стены, —
Их уничтожит сердца жар нетленный!

Пусть даже змеи злобною оравой
Нагрянут со смертельною отравой, —

Я проложу сквозь них стезю свою,
С отвагой в сердце стены я пробью.

О сердце, если мы не оробеем,
То змеям страх внушим и чародеям,

Тогда своей рукой, своим мечом
Из крепости подругу извлечем!

Пускай мне руки поцелует смелость:
Разбить свою судьбу мне захотелось!

Стремленье к Вис в душе моей живет,
Иных вовек не буду знать забот.

Пусть мне враги жестокие грозят,
Пусть их возглавят Зард или Мубад, —

Я, как Сатурн, с упрямыми поспорю.
Они огонь? Я уподоблюсь морю!

У нас троих — единый род и семя,
Кто лучше, кто сильней, — покажет время».

Гляди: Рамин терзается, томится,
А Вис в сетях любви дрожит, как птица.

В его словах — любовное пыланье,
В ее душе — смятенье и желанье.

Кормилица ей подала совет:
«В счастливый час ты родилась на свет!

Упрятались, от холода дрожа,
В покои внутренние сторожа,

Ни одного на крыше часового,
Для ваших встреч пора настала снова.

В такой мороз на крыше нет охраны,
Придет к тебе любовник долгожданный.

Твой милый здесь, недалеко, однако
Не виден он из-за густого мрака.

Он знает, где нас держат взаперти,
Он в крепости сумеет нас найти.

Он здесь бывал с царем в былые годы,
Он изучил все выходы и входы.

А как в покой высокий наш попасть, —
Ему подскажет истинная страсть.

Открой окно, зажги огонь свечи,
Тогда Рамин отыщет нас в ночи.

Ему, который сам горит в огне,

Поможет огонек в твоем окне.

Он подойдет, а я умом раскину,
Сюда взобраться помогу Рамину».

Так поступила мамка, что хитрее
Была, чем дивы или чародеи.

Огонь сверкнул Рамину из окна, —
Он понял, где находится луна,

Где пленница скорбит, в каком покое,
Где пламя страсти светится живое.

Огня увидев купу золотую,
Он к крепости приблизился вплотную.

Не одолеть и серне той дороги, —
Крылатыми, ты скажешь, стали ноги!

Всесильно сердце, если влюблено,
Ни в чем преград не ведает оно.

Все беды мира на себя берет
Тот, кто к любимой движется вперед.

Пред ним и лев поникнет, как лисица,
А долгий путь в короткий превратится.

Дворцом пустыня сделается вдруг,
Дворец предстанет перед ним, как луг,

Львы в камышах предстанут, как павлины,
Гуляющие в цветниках долины,

Река предстанет малым ручейком,
Гора предстанет тонким волоском.

Тот, кто влюблен, такой отваги полон,
Как будто смерть в сраженье поборол он.

Венец творенья видит он в любимой:
Любовь — его судья непогрешимый!

Любовь так укрепляет дух и тело,
Как будто счастья ты достиг предела.

Что для любви уродство, красота?
Безумную постигла слепота...

Взглянула Вис — и видит с вышины:
Стоит любимый около стены!

Китайских сорок отобрав шелков,
Скрутила вдвое сорок тех кусков,

Скрутила крепко, сбросила их вниз.
Рамин взлетел по ним, как сокол, к Вис!

Пошел, облитый светом из окна, —
Соединились солнце и луна.

Как молоко с вином, они слились,
Они срослись, как роза и нарцисс,

Смешались, точно амбра и алоэ,
Как с жемчугом — блистанье золотое.

Любовь слилась, ты скажешь, с красотой,
Сок винограда — с розовой водой.

Как утро, стала ночь для них ясна,
Для них зимою расцвела весна.

Уста соединив для поцелуя,
Забыли, как измучились, тоскуя.

Скажи: с Фархаром встретился Навшад,
Самшит и тополь сблизиться спешат.

В покой трапезный двинулись вдвоем,
Чтоб оросить посев любви вином.

Взяв злато чаш в серебряные руки,
Освободились от ярма разлуки.

То жарко обнимались, целовались,
А то воспоминаньям предавались.

То страстный друг рассказывал подруге
О прежних муках, о своем недуге,

А то в рассказе Вис была досада
На грубый нрав ревнивого Мубада.

Вокруг была студеная зима,
Весь мир бесовская сокрыла тьма,

Но три огня в их комнате горели,
Цвели, казалось, розы средь метели!

Один огонь в их очаге пылал,
Как тополь рос, краснел он, как коралл.

Другой огонь был пурпурным огнем,
Он в кубках жил, наполненных вином.

Вис и Рамин, сердца свои пьяня,
Истоком были третьего огня!

Влюбленные за каменной оградой

Сидели с наслажденьем и отрадой,

Не думая о том, что их покой
Разрушится враждебною рукой,

Не думая, что ночь тоску таит,
Что скоро им разлука предстоит:

Одна такая ночь была ценней,
Чем сотни тысяч долгих, скучных дней!

Рамин смотрел на Вис, и в этот миг
Почувствовал, что счастья он достиг.

Запел он песнь, играя на тамбуре, —
Он мог сердца растрогать гордых гурий:

«Влюбленный, много ль ты познал невзгод?
Ты долго ль ждал, пока любовь придет?

Но славы не достигнешь без труда,
Без горя нет блаженства никогда.

В разлуке с милой — ты на дно пойдешь,
В свиданье с милой — жемчуга найдешь.

Ты, сердце, в одиночестве томилось,
Теперь с возлюбленной соединилось.

Терпи, сказал я. Кончится страданье,
Настанет долгожданное свиданье!

Пройдет зима, взойдет весенний цвет,
Минует ночь, и утра вспыхнет свет.

Чем дольше будешь у разлуки в пасти,
Тем больше вырастет свиданья счастье.

Чем больше будет у тебя забот,
Тем ярче наслажденье расцветет.

Я был в аду, я проклял жизнь мою,
Теперь сижу я с гурией в раю.

Из-за нее и крепость — как цветник,
И день весны среди зимы возник!

Я преданность посеял в дни беды
И пожинаю радости плоды.

Я верности посеял семена,
И вышло так, что мне судьба верна!»

Привстала Вис, как вешний день мила,
В честь друга полный кубок налила.

Скажи: то с кубком движется самшит,
В руках нарцисса золото блестит!

Сказала: «Пью за смелого Рамина.
Он — преданности, верности вершина!

Моя надежда яркая сбылась,
Она светлей моих горящих глаз.

В любовь Рамина верю, твердо зная,
Что так же верит в солнце жизнь земная!

Моя душа — в возлюбленном Рамине,
Готова я пойти к нему в рабыни!

О, если в честь него я выпью яду,
Я обрету бессмертия усладу!»

Свой кубок осушила в добрый час,
Его расцеловала сорок раз.

Они — вдвоем, они друг друга любят,
За поцелуем и вино пригубят.

Приятно пить вино и целовать
Своей любимой мускусную прядь!

Ее в уста целуя, пьешь вино,
В вине — ее уста познать дано!

Он был в ее объятьях до рассвета
Средь амбры и гранатового цвета.

Так девять месяцев прошло, даруя
Рубин вина с агатом поцелуя.

В рубине был источник опьяненья,
Но прекращал агат его томленья.

Рубин искрился в чаше золотой,
Агат сверкал в улыбке молодой.

Из роз душистых ложе состояло,
Прекрасная луна на нем сияла.

Едва они проснутся утром рано, —
Уже хмельная чаша им желанна.

Поднимет чашу в честь любви она,
А он затянет песню в честь вина:

«Вино смывает ржавчину с души,
И от вина ланиты хороши.

Любовь — болезнь, зато вино целебно,

Несчастье — пыль, вино, как дождь, потребно!

Вино — огонь: все муки в нем сгорят,
А радость увеличится стократ.

Я счастлив: я подругой исцелен,
Я, как в подругу, в жизнь мою влюблен!

То возлежу я среди роз и лилий,
То мнится: с амброй мускус томный слили.

Для уст моих ее уста как дичь,
Чей сладкий вкус пытаюсь я постичь.

Мой конь гнедой от счастья стал крылат,
Он пронесется по стезе услад.

Я — сокол: в поднебесье я парю,
Затем, что я охочусь на зарю!

Отверг я куропатки душу птичью, —
Луна моей отныне стала дичью!

Мое блаженство — лев золотогривый:
В его когтях дрожит онагр красивый!

Венец рассудка с головы я скину:
Базар веселья надобен Рамину!

К чему мне кубок без хмельного зелья?
К чему мне жизнь без ласки и веселья?

Любимой кудри, и уста, и лик
Дадут мне амбру, сахар и цветник.

При ней, блестящей, не нужна луна,
При ней, душистой, амбра не нужна!

Здесь для меня — весна, блаженство рая:
Я веселюсь, на гурию взирая.

Луна — мой кравчий, гурия — любовь,
Могу ли не хмелеть я вновь и вновь?»

Затем сказал он Вис жасминотелой,
И речь сладка была, как сахар белый:

«Подай вина, оно меня пьянит, —
В нем заключен огонь твоих ланит.

Ты мне приятней этого вина,
Твой лик отрадней, чем сама весна.

К чему страдать, — ужель судьба злосчастна?
Зачем не радоваться ежечасно?

Давай же время проводить в веселье,
Не думая о завтрашнем похмелье.

Сегодняшнего счастья не вернем, —
Так будем наслаждаться этим днем!

Со мною не захочешь ты расстаться,
Я без любви не захочу остаться, —

Ты видишь нашей страсти неизбежность?
Так изберем веселье, верность, нежность!

Ты видишь, — бог избрал для нас дорогу,
Так поневоле покоримся богу.

Ты в крепости была в силках страданий,
Меня, больного, бросили в Гургане,

Но бог услышал наши голоса,
Меня привел к тебе — на небеса.

О, кто бы, кроме бога, нам помог?
Кто милостив и всемогущ, как бог?»

Так девять месяцев сверкало счастье,
Сменялось наслажденьем сладострастье.

То кубков золотых, то песен звон,
То пламя ласки, то блаженный сон.

Всего в достатке было в их жилище,
Хватило б на сто лет питья и пищи.

Их упоенью не было конца,
Избавились от горечи сердца.

Вис наслаждалась близостью с Рамином,
Он с ней пылал пыланием единым.

В объятиях слились в одно два тела,
Лишь есть и спать, — иного нет им дела.

В руке то грудь любимой, то вино,
То сердце хмелем радости полно.

То в поле страсти гонят мяч с весельем,
То поле жизни орошают хмелем.

Закрыты горной крепости врата,
И радостная тайна заперта.

Не знала ни одна душа людская,
Что за вратами тайна есть такая.

Никто не знал, что двое заперлись,

Но в тайну их проникла Зарингис.

Из Мерва родом, рождена хаканом,
Она затмила всех прелестным станом.

Она красой блистала полнолунья
И славилась как первая колдунья.

Сталь превращала в розы иль чинары,
Такие были ей подвластны чары.

Когда Рамин приехал в Мерв, когда
В чертог царя гнала его беда,

Когда он всех расспрашивал о Вис,
А слезы из печальных глаз лились,

Когда он потерял следы любимой,
Когда страдал в тоске невыразимой,

Когда рыдал он, думая о встрече,
Как думает о кладе сумасшедший,

Когда покинул Мерв, пленен любовью,
Как раненый, свой путь отметив кровью,

В пустыню направляя удила,
К той крепости, где Вис в плену жила,

Когда, как тигр свирепый, он скакал
Среди уступов неприступных скал,

То падал в бездну, где Карун исчез,
То поднимался к синеве небес,

Когда в таких песках блуждал, что садом
Казалась бы пустыня с ними рядом,

В таких горах плутал, что и Синай
В сравненье с ними холмиком считай,

Когда он, как Юсуф, томился в яме
Иль, как Иса, парил над облаками, —

Узнала Зарингис, полна коварства,
Что для Рамина только Вис — лекарство,

Что для нее, безумен и упрям,
Блуждал он по равнинам и горам,

Что не вернется он с дороги трудной,
Не обретя целительницы чудной.

ШАХ МУБАД ВОЗВРАЩАЕТСЯ ИЗ РУМА И НАПРАВЛЯЕТСЯ В КРЕПОСТЬ ИШКАФТИ ДИВАН

Добычею и радостью богат,
С победой возвратился шах Мубад.

Он отнял у кайсара много стран,
Он отобрал Армению, Арран.

От власти пьян, скакал он по долинам,
Рабам-владыкам был он властелином.

Земля под ним — престол и стан военный,
А высь над ним — венец и стяг вселенной.

Он длань свою над всей землей простер,
Сокровищ груды были выше гор.

Он видел: счастье — с каждым днем светлей,
Он отнял мяч господства у царей.

Со всех сторон, от всех владык земли
К нему богатства и войска текли.

Он говорил: «Всем шахам стал я шахом,
Весь мир я покорил, наполнил страхом!»

Воссел он в Мерве снова на престол,
Но горе вместо радости обрел:

Чуть Зарингис услышал он слова, —
Надменная поникла голова.

Вскочил он, потрясенный этой вестью,

Душа и сердце закипели местью.

Послал к военачальникам гонцов,
Чтоб двинулись войска со всех концов.

Немедленно забили в барабаны,
Бойцов сзывал на битву голос бранный.

«О шах! — у стен дворца роптал народ. —
Как выдержать еще один поход!»

Запели трубы пеньем непреклонным,
Грозя сокрытым в крепости влюбленным.

Рамин как бы почувствовал, что вскоре
Его блаженство превратится в горе.

Был мщением охвачен царь царей,
Рамина он хотел убить скорей.

Еще с войны, царю служить повинна,
Не возвратилась войска половина,

Не распустила поясов другая,
Повинность годовую отбывая,

Бойцы, не отдохнув на ратном поле,
Вновь двинулись походом поневоле.

Одни твердят: «Мы проливали кровь,
Чего же ради нам сражаться вновь?»

Другие: «Ляжет не одна дружина,
Покуда Вис избавим от Рамина!»

А третьи: «Для Мубада Вис грозней,
Чем сто кайсаров, ханов и князей!»

Но торопил Мубад свои войска, —
Скажи: так ветер гонит облака.

Взметнулась пыль, как будто див проклятый
Уперся в небо головой кудлатой.

Лишь глянул на дорогу часовой, —
Увидел войско с башни крепостной.

Тотчас же Зард услышал от охраны:
«Явился шах, свой стяг вздымая бранный».

Все задрожали в крепости, как ивы,
Когда им ветра слышатся порывы.

Зард не успел, смятением объят,
Спуститься вниз, когда пришел Мубад.

Стрелы Араша мчался он быстрей,
Сверкал огнем возмездья царь царей!

Так посмотрел на Зарда шах владык,
Как будто вихрь нагрянул на цветник.

Сказал, от гнева став желтей шафрана:
«Ты для меня — ужаснейшая рана!

Бог видит: я горю, покой утратив, —
Пусть я избавлюсь от обоих братьев!

Вы мне верны? Но пес вернее вас:
Мой честный хлеб он вспомнит в трудный час!

Вы оба — рода знатного сыны,
Но под какой звездою рождены?

Один из вас, как бес, исполнен зла,
Другой наполнен дуростью осла.

Тебе с быками б на лугу пастись!
Как от Рамина ты не спрятал Вис?

Достоин я тягчайшего позора:
Быка я сделал сторожем от вора!

Сидишь снаружи, у закрытых врат,
А там, внутри, — Рамин, внутри — разврат!

Не думай, что ты верный мне слуга:
Ты для меня опаснее врага!

Смотри, ты оказался дураком,
Рамин смеется над тобой тайком.

Снаружи ты мычишь, как вол, — смотри,
Как потешается Рамин внутри!

Смотри, ты стал посмешищем везде,
И только ты не знаешь о беде!»

Ответил Зард: «О властелин страны!
Победоносно прибыл ты с войны,

Зачем же в сердце растравляешь рану,
Зачем же ныне внемлешь Ахриману?

Ты — государь: поняв иль не поняв, —
Ты рассуждаешь, и всегда ты прав.

Ведь говорят: «Коль шаханшах присудит, —
То сокол самкой иль самцом пребудет».

Все потому, что власть у шаханшаха:

Что пожелает, скажет он без страха.

Хотя б ты был от истины далек,
Кто речь произнесет тебе в упрек?

Зачем же в том, в чем я не виноват,
Меня винишь ты, венценосный брат?

Рамина ты изгнал, — как мог узнать я,
Где он и каковы его занятья?

Он в сокола не мог же превратиться
И в эту крепость пролететь, как птица!

Не стал же он стрелой, что для полета
Пробила эти крепкие ворота?

Твоя печать на тех воротах есть,
Успела за год пыль на ней осесть.

Врата из меди, стены словно горы,
Цела печать, железные затворы.

Куда ни глянешь, — отдыха не зная,
Стоит ночная стража и дневная.

Не то что твой Рамин, а чаровник —
И то бы в эту крепость не проник!

Поверю ли в такие разговоры,
Что он сломал железные затворы?

Пускай затворы он сумел сломать, —
Но как же вновь поставил он печать?

О шах, не верь бессмысленным рассказам,
Несовместим с подобным делом разум.

От этой лжи рассудку не дано
Хоть на одно прибавиться зерно!»

Ответил шах: «О Зард, ты мелешь вздор!
Доколь ссылаться будешь на затвор?

К чему замки, ворота и печать,
Коль сторож не способен охранять?

Надежней бдительные часовые,
Чем все печати и замки большие.

Хоть небеса высоко бог взметнул,
Он к ним приставил звездный караул.

Врата снаружи запер ты, глупец,
А супостат пробрался во дворец.

К чему замки, когда любовь крепка?
Коль нет штанов, не надо кушака!

Твои замки что твой кушак: смотри же,
Как без штанов остался ты, бесстыжий?!

Что пользы в том, что на вратах замок,
Когда ты крепость устеречь не смог.

Из-за тебя расстанусь я со славой,
Что добывал я год в борьбе кровавой.

Мое сияло имя, как чертог, —
Ты осквернил и стены и порог!»

Слегка остыв, от грозного жилища
Ключи он вынул из-за голенища

И бросил Зарду, крикнув: «Отопри,
Хоть мой позор сокрылся там внутри!»

Кормилица, услышав скрип затворов,
Обрывки этих громких разговоров,

Как ветер, к Вис взлетела поскорей,
Сказала ей, что прибыл царь царей:

Явился шах, карающий жестоко, —
Взошла звезда погибели с востока.

Погасли в мире добрые созвездья,
Поток злодейств бежит с горы возмездья.

Сейчас увидишь ты, какие кары
На нас обрушит повелитель старый.

Весь мир сгорит в огне, и солнце дня
Умрет в дыму от этого огня!»

Тогда, иной не находя уловки,
Рамина вниз спустили по веревке.

Рамин помчался по уступам скал.
Он, словно лань, от страха трепетал.

Лишился он подруги дорогой,
Стонал, утратив разум и покой:

«Что хочешь ты, судьба? Скажи, что хочешь?
Чтоб умертвить меня, кинжал ты точишь.

То не даешь свободно мне вздохнуть,
То меч разлуки мне вонзаешь в грудь,

То губишь ты мой дух, то с телом споришь,

То к радости подмешиваешь горечь.

Судьба — безжалостный стрелок из лука!
Моя душа — мишень, стрела — разлука.

Я — караван, чей жребий — жажда, голод,
Моя душа — как разоренный город.

Еще вчера я жил, как властный шах,
Теперь, как лань, скитаюсь я в горах.

Слезой кровавой раздроблю я скалы.
Снег превращу в ковер багряный, алый!

Заплачу я, — с сочувствием горячим
Мне утром горлинка ответит плачем.

Сравнится ль гром с моим протяжным стоном,
Не тучею, а пламенем рожденным?

Мои глаза кто сравнивает с тучей?
Из тучи — дождь, из глаз — потоп могучий!

Была ты, радость, как весна беспечна,
Но на земле весна недолговечна!»

Нагорьям он печаль свою принес,
Глаза — как облака: в них столько слез.

От горечи разлуки и тревоги,
Ты скажешь, у него разбиты ноги.

Присесть его заставила усталость,
И только слезы лить ему осталось.

Но где б ни лил он слезы из очей,
Где б ни сидел, — там возникал ручей.

Своим отчаяньем испепеленный,
Он причитал, как истинный влюбленный:

«Любимая! Не знаешь ты, бедняжка,
Как без тебя мне горестно и тяжко.

Внушил я даже куропатке жалость,
Хотя она сама в силки попалась.

Блуждаю одинокою тропою
И мучаюсь, не зная, что с тобою,

Тебя постигло ль новое несчастье, —
А сердце разрывается на части!

О, пусть всегда моя душа скорбит,
Но лишь бы ты не ведала обид!

Из-за тебя пожертвую собой,
Из-за тебя вступлю с врагами в бой.

Не хватит жизни мне и не способно
Перо живописать тебя подробно!

Тоскую, — но по праву я тоскую:
Я потерял красавицу такую!

Я жить хочу лишь для того, чтоб снова
Тебя увидеть, цвет всего живого,

Но, если жить я должен без тебя, —
Пусть я умру сейчас, умру любя!»

Когда Рамин так плакал исступленно,
Попала Вис, ты скажешь, в пасть дракона.

Царапала свое лицо, кружилась
По спальне, будто разума лишилась.

То красные цветы с ланит срывала,
То кудри лютой казни предавала.

Мир задохнулся в мускусе волос,
От вздохов тяжких все вокруг зажглось.

Казалось, что ее жилье глухое —
Курильница, в которой жгут алоэ.

Слезами орошала замок старый
И наносила в грудь себе удары,

И, так как жарче раскаленной стали
Пылало сердце, — искры возникали.

Из глаз текли жемчужины несчастья.
Все ожерелья сорвала, запястья.

Земля — как небо из-за ожерелий:
Как звезды, жемчуга на ней горели!

Сорвав наряд золототканый с тела,
Одежду черной скорби Вис надела.

Тоска в ее душе, в ее очах:
Не Зард ее страшит, не шаханшах,

В ее душе — иной источник боли:
С возлюбленным рассталась против воли!

Поднявшись к ней, увидел шах Мубад:
Ее лицо — как разоренный сад,

Одежды, украшения кругом

Разбросаны иль связаны узлом:

Их развязать, одной любви служа,
Забыла, не успела госпожа...

Кормилица была во всем повинна,
И спряталась она от властелина.

Вис на земле, безмолвная, сидела.
В крови, в крови серебряное тело,

Изодрана одежда, рдеют раны,
А мускусные косы — как арканы.

Густая пыль — на голове кудрявой,
Нарциссы темных глаз — в росе кровавой.

«Исчадье сатаны! — воскликнул шах. —
Будь проклята навеки в двух мирах!

Ты не боишься ни людей, ни бога,
Ни кандалов, ни мрачного острога,

Не внемлешь наставленью моему
И стражу презираешь и тюрьму.

Не скажешь ли, как мне с тобою быть?
Что делать мне с тобой, как не убить?

Тебе, коварной, лживой, — все едино,
Что крепость, что пустынная равнина,

Пожалуй, неба не страшась святого,
На землю сбросить звезды ты готова!

Тебя не остановят ни затворы,
Ни клятвы, ни мольбы, ни договоры.

Тебя испытывал я каждодневно,
Наказывал, советовал душевно,

Но ты моим советам не внимала,
А кары не боялась ты нимало.

Ужели ты — зловредная волчица?
Ужели сатана в тебе таится?

Как жемчуг, совершенна ты снаружи,
А изнутри ты всех уродов хуже!

Прекрасна ты, как светлый дух, но, словно
Сей мир непостоянный, ты греховна.

Красив твой лик, но эта красота
С бесстыдством поразительным слита!

Я столько раз прощал твои измены,
Вел разговор с тобою откровенный:

«Не оскорбляй меня, остановись,
Не то в конце концов погибнешь, Вис!»

Увы, ты посадила семя зла
И пожинать плоды пора пришла.

Пусть красотой затмила ты звезду, —
В любви к тебе я света не найду.

От нас ты больше не увидишь ласки,
Твое коварство я предам огласке.

Луною ты казалась мне, змея,
Отравою полна душа твоя!

Мои моленья были бесполезны,
Но я не каменный и не железный:

Искать с тобой покой и благодать —
Что красками по ручейку писать!

Тебя учить поступкам благородным —
Что сеять на солончаке бесплодном!

Скорее волка я приставлю к стаду,
Чем буду ждать, что ты мне дашь отраду!

Я пил тебя, но ядом я пресыщен.
Да буду я от мерзости очищен!

Увы, ты мне любви не принесла,
В тебе познал я лишь источник зла.

Но, как и ты, вражду я обнаружу,
Но, как и ты, все клятвы я нарушу.

Так буду мучить я тебя отныне,
Что ты не вспомнишь даже о Рамине!

О низком и твоя душа забудет,
И он с тобою счастья знать не будет.

Ты с ним не сядешь, от любви хмельная,
И лютне, и словам его внимая.

Он петь не будет пред твоим лицом,
И ты близка не будешь с тем певцом.

Я на тебя обрушу гнев, который
Заставит вздрогнуть вековые горы!

Покуда вы находитесь вдвоем, —

Два недруга в жилище есть моем,

Покуда вас, бесстыжих, вижу вместе,
Я ничего не знаю, кроме мести!

Но помни: гнев царя теперь таков,
Что сразу я избавлюсь от врагов.

Не думай, что прощу тебя опять, —
К чему мне в доме двух врагов держать?

Кто ввел врага в свой дом, — как бы лежит
У логова, в котором лев рычит.

Тот, кто врага впустил в свой дом, глупее
Безумца, что змею несет на шее!»

Так, негодуя, шах громкоголосый
Схватил жену за мускусные косы,

С тахты на львиных ножках сбросил вниз,
В пыли и прахе поволок он Вис.

Как вору, за спиной, умножив муки,
Ее хрустальные связал он руки,

Стал плетью бить, безжалостный, как в сече,
Рассек ей грудь, и голову, и плечи.

Расколотым гранатом стало тело,
А кровь, как сок, струилась, пламенела.

Да, кровь сочилась, как вино бурля,
Из тела, как из кубка-хрусталя.

Все тело в пятнах, — мнилось: из глубин
То возникал янтарь, а то — рубин.

Изранено, оно горело, ныло,
И кровь текла из ран струею Нила, —

Из красных, желтых и лиловых ран.
То скажешь: слился с камфарой шафран!

За то, что мамка помогла Рамину,
Он изувечил ей лицо и спину,

Старуху плетью он избил жестоко,
Чтоб наконец сошла с пути порока.

Их, полумертвых, царь покинул в злобе.
В крови, как в розах, утопали обе.

Иль яхонты зажглись на серебре?
Иль мальвы запылали на заре?

К ним снова ль жизнь, к несчастным, возвратится?
Иль завтрашнего дня темна страница?

Велел обеих бросить в подземелье:
Их гибель принесла б царю веселье!

Когда страдалиц он в темнице спрятал,
Дверь накрепко закрыл и запечатал.

От службы Зарда отстранил сурово,
Назначил стражем крепости другого.

Затем вернулся в Мерв в конце недели.
Душа и сердце у царя болели.

Но злоба в нем с раскаяньем смешалась,
Шло время, — и в душе проснулась жалость:

«Моя душа растаяла, как дым,
Как бы простился с миром я земным.

Зачем обрушил месть и гнев палящий
На ту, что жизни мне милей и слаще?

Хотя я царь царей, — мой гнев, мой срам
Доставят наслажденье лишь врагам.

Я слишком строго поступил с женой,
Из-за которой стражду, как больной.

О сердце глупое, ответ мне дай, —
Зачем же сам я сжег свой урожай?

Сегодня завтрашнего дня не видишь,
Когда любимую ты ненавидишь!

Творя сегодня зло, пойми сначала,
Что завтра от его умрешь ты жала.

Ты страсть свою не подавляй, влюбленный,
Не то погибнешь, ею опаленный.

Когда в любви ты хочешь быть счастливым,
Мягкосердечным стань и терпеливым.

Без милой ты не проживешь и дня,
Зачем же злобен с ней, любовь гоня?

Подруги наши и грешны и хрупки, —
Всегда прощай возлюбленной проступки!»

ШАХРУ ОПЛАКИВАЕТ ВИС ПЕРЕД МУБАДОМ

Вернулся шах из крепости в столицу,
Но не привез с собою чаровницу.

В крови, в слезах, с взволнованною речью,
Шахру к владыке бросилась навстречу:

«О дочь моя, душа моя, давно ли
Ты мне была — как снадобье от боли?

Зачем с Мубадом нет тебя теперь?
Что сделал он с тобою, этот зверь?

Из-за него, жестокого, дурного,
Какое горе ты познала снова?»

Затем царю сказала: «Повинись, —
Зачем не прибыл ты с прекрасной Вис?

Зачем у мира отнял ты весну?
Зачем у неба отнял ты луну?

Прекрасно было с ней твое жилье, —
Оно пустыней стало без нее!

В твоем дворце мы света не найдем,
Нет больше гурии в раю твоем!

Верни мне дочь, не то в твоем краю
Из глаз потоки крови я пролью!

Я буду так стенать, что даже скалы
Со мною стон поднимут небывалый.

Я буду так рыдать, что мир заплачет,
Свою вражду к тебе он обозначит.

Сейчас же покажи мне дочь живую,
Не то поймешь, что царствовал впустую,

Что жалок и ничтожен твой удел,
Что цепи на себя ты сам надел».

Когда заплакала Шахру седая,
Заплакал и Мубад, сказал, рыдая:

«Плачь иль не плачь, — ничем нельзя помочь.
Теперь мне все равно, — что день, что ночь.

Я сделал то, чего не делал прежде:
Конец моей любви, твоей надежде!

О, если б ты узрела дивный лик!
Китайский твой кумир в земле поник!

Он вырван с корнем, стройный кипарис, —
Лежит в крови и прахе наша Вис!

Ее оплакивают красота
И молодость земли, что так чиста!

В запекшейся крови ее ланиты,
А цепи-косы ржавчиной покрыты!»

Как тонкий ствол, упавший на ветру,
На землю повалилась вдруг Шахру.

Земля под ней от крови стала краше,
А весь чертог — подобным красной чаше.

Стрела тоски сумела в грудь вонзиться,
Чтоб извивалась, как змея, царица:

«Зачем, судьба, меня ты покарала?
Ты жемчуг мой единственный украла!

Как видно, ты — большой знаток жемчужин,
Когда тебе подобный жемчуг нужен!

Ужель, как я, жемчужине ты рада?
Так в землю зарывать ее не надо!

Иль ты, увидев кипарис подобный,
Его пересадила в сад загробный?

Зачем ты в прах повергла древо рая,
Зачем свалила ствол, плоды срывая?

Вновь может ли созреть опавший лист?
Умерший мускус будет ли душист?

Земля, ты многих, многих поглотила,
Но в первый раз похитила светило!

Людей в свою ты ввергла глубину,
А ныне поглотила ты луну.

Ты серебро чернишь — и ныне тело
Серебряное чернотой одела.

Моя жемчужина зарыта в прах, —
И ясный день померк в моих глазах.

Зачем вы, кипарисы, разрослись, —
Ведь вырван в Мерве лучший кипарис!

Луна, теперь начнешь тусклей светиться:

Мою луну упрятала темница!

Я знаю, почему все звезды в сборе:
Явились, чтоб мое увидеть горе!

О кипарис! О мускус! О кумир!
О солнце, озаряющее мир!

Ты разгоняла мглу красой своею,
А чем я горе по тебе развею?

Где путь найду я к правому суду?
Где светлое возмездие найду?

Убив тебя, весь мир убил злодей, —
И нет меня среди живых людей!

Врачи из Рума, Хинда, из Ирана!
О неужель моя смертельна рана?

О дочь моя, здесь, в этом мире, ты
Достойной не нашла себе четы;

Быть может, мир загробный озаряя,
Найдешь чету другую в кущах рая?

Ты умерла, раздавлена судьбой, —
Мои надежды умерли с тобой.

Кто сможет в жемчугах твоих блистать?
Твоею тенью кто достоин стать?

Кому отдам венцы, браслеты, шали, —
Те, что тебя недавно украшали?

Кто, осмелев, доставит весть Виру,
Что смерть похитила его сестру?

О Вис, куда ушла ты? Отзовись!
Доколе мне взывать: «О Вис! О Вис!»

Ушла, — померкли солнце и луна:
Их жизнь была в тебе заключена.

Луна убита в крепости, — отныне
Пусть месяц в небе светит той твердыне.

Луна убита, спрятана в могиле, —
Мою судьбу там злобно ослепили.

Лишь дивам Ишкафти Диван по нраву:
Их радостную слышу я ораву, —

Ведь знают: будет Вис отомщена,
Начнется смертоносная война.

Но если даже кровь моих врагов
Вдруг хлынет, как Джейхун, из берегов,

Мне не заменит кровь богатырей
И каплю крови дочери моей!

О Мерв, о хорасанская столица,
Не думай, что возмездье не свершится!

Вода текла с горы до сей поры, —
Кровь потечет теперь с твоей горы!

Пусть на тебя и горе и беду
Обрушат реки в нынешнем году!

Пусть, больше чем в лесу дерев зеленых,
Увидишь пеших воинов и конных!

Не будет счастлив грешник, царь державы,
Пока не смоет грех поток кровавый.

Восток и Запад опояшут чресла,
Чтоб имя Вис в огне войны воскресло!

Нагрянут всадники со всех сторон,
И в прах, о Мерв, ты будешь превращен.

Мубадом дочь моя умерщвлена, —
Из-за царя разрушится страна!

Легко вздохнули тополя, платаны:
Поникла Вис, мой тополь тонкостанный!

Ее, чьи косы больше не струятся,
Ни амбра и ни мускус не боятся!

Нельзя ее устами насладиться, —
И сахар начал сладостью гордиться!

Вновь прелесть розы сделалась великой,
С тех пор как нет в живых розоволикой!

Без зависти пусть светит солнце дня:
Не стало солнцеликой у меня.

Пусть, не смущаясь, расцветут цветы:
Не стало в мире свежей красоты.

С кем состязаться будешь ты, весна?
Твоя соперница погребена!

О где ты, Вис, — престол, венец Турана?
О где ты, Вис, — мечта сердец Ирана?

О где ты, Хорасана яркий цвет?

О где ты, Кухистана горный свет?

О где ты, чтоб цари могли плениться?
О где ты, женской прелести царица?

О где ты, сладкогласная луна?
О где ты, среброгрудая волна?

О где ты, бедной матери мечтанье?
О где ты, первой зорьки трепетанье?

О где ты, солнце радости земной?
Зачем не хочешь встретиться со мной?

Где я найду тебя, мою звезду, —
В покоях, на айване иль в саду?

Когда сидела ты в моем чертоге,
То розы возникали на пороге.

Когда ты восседала в цветнике,
Луна, стыдясь, скрывалась в тайнике.

Когда ты появлялась на айване,
Бежал Сатурн, чтоб спрятаться в тумане.

О где ты? Вижу розу поутру
И думаю: от раны я умру.

О где ты? Вижу я цветок на поле
И думаю: увяну я от боли.

О где ты? Лишь на небо я взгляну, —
Хочу я со змеей сравнить луну!

Как жить мне, чаровница, без тебя?
Кровь из очей струится без тебя!

Ты умерла, тяжка моя утрата, —
Мне, старой, поделом, я виновата!

Когда б узнали горы эту быль,
Они б от боли превратились в пыль,

А если бы о ней узнали реки,
Они тотчас бы высохли навеки!

Зачем на старости я родила?
Зачем я дочь убийце отдала?

Зачем дитя я обрекла на муки,
Вручила диву мерзостному в руки?

Отныне плакать буду я навзрыд
У крепости, где дочь в крови лежит.

Хочу отныне выплакать всю душу,
Слезами крепость дивов я разрушу.

Зачем в стенах бесовского жилья
В плену томилась гурия моя?

Пойду и с той вершины брошусь в бездну,
Я стану счастлива, когда исчезну.

Разлуку не смогу я превозмочь,
К чему мне жизнь, когда погибла дочь?

Пойду, взберусь на гору, брошусь вниз,
Пускай мой прах смешают с прахом Вис,

Но пусть огонь поднимется из праха,
Но пусть дотла сожжет он шаханшаха.

Не быть тому, чтоб кости Вис истлели,
А шах с другою нежился в постели!

Не быть тому, чтоб Вис легла в пыли,
А шах вдыхал душистый хмель земли!

Пойду, посею в мире смуты семя,
И поделюсь я тайною со всеми.

Скажу я ветру: «Вспомни, как украдкой
С кудрями Вис играл ты, с каждой прядкой.

Ты запах похищал ее душистый,
Поэтому помочь не откажись ты:

Я отомщу, а ты мне помоги,
Да гибель обретут ее враги!»

Скажу луне, царице всех красавиц:
«Ты втайне к Вис испытывала зависть.

Во имя этой прелести земной,
Что величалась, как и ты, луной,

Луна, ты мне обязана помочь,
Когда злодею буду мстить за дочь».

Скажу я солнцу: «Светишь ты со славой,
Так помоги мне, солнце, в мести правой!

Не ты ли сходно было с ней лицом, —
Иль было ты для Вис моей венцом?

Как дочь моя, светло ты и прекрасно, —
Так пусть не будет речь моя напрасна:

В стране ее друзей гори светлей

И мглой страну ее врагов залей!»

Я облаку скажу: «Как Вис когда-то,
Не ты ли влажным жемчугом богато?

Не ты ли нам, плывя и ввысь и вдаль,
Напоминаешь рук ее хрусталь?

Она была щедра, как облака,
Как молния, блестяща и ярка, —

Пусть гибнут от тебя ее враги:
Потопом хлынь и молнией сожги!»

Главу осыплю прахом наконец,
Отправлюсь к богу и скажу: «Творец!

Ты правый судия, — к чему ж пощада?
Ты почему не покарал Мубада?

Царем вселенной сделал ты злодея,
Он сеет смерть, на троне свирепея.

Ты — на небе, он — правит на земле,
Весь мир в своем он уничтожит зле.

Он рассечет, как меч, твои даренья,
Он истребит, как волк, твои творенья!

За кровь мою взыщи с него, творец!
Пусть без него останется дворец!

Огнем, которым я горю в пыли,
И плоть и дух его испепели!»

МУБАД ПРИКАЗЫВАЕТ ОСВОБОДИТЬ ВИС И КОРМИЛИЦУ

От этих слов Мубад почуял страх,
К тому же и Виру боялся шах.

Сказал он: «Да, я действовал жестоко,
А ты дороже мне зеницы ока!

Ты мне сестра, Виру мне ближе друга,
А Вис — моя хозяйка и супруга.

Она — мой свет, отрада и лекарство,
Милей мне жизни, и казны, и царства!

Она меня не любит, — я терплю,
Еще сильней, неверную, люблю.

Со мной жилось ей сладко, но упрямо
Она меня пятнала грязью срама.

Я правду от тебя скрывал, поверь,
Да и неправду я сказал теперь.

Да мог ли я и в ярости моей
Убить жену, что жизни мне милей?

А если жизнь в плену у ней мрачна,
Так пусть умру я раньше, чем она.

Хоть полон я печали нестерпимой,
Лишь радости желаю ей, любимой!

Не плачь, о ранах дочери скорбя,
Руками по лицу не бей себя.

Я так же, как и ты, скорблю, царица, —
Могу ли с этой скорбью примириться?

За Вис отправлю в крепость я слугу:
Терпеть ее мученья не могу!

Не знаю, что сулит мне наш союз...
Не знаю? Нет, я знаю — и боюсь:

Еще снести мне много бедствий надо,
Еще придется много выпить яда.

Пока со мною будет Вис, — повсюду
Я жертвой козней, лжи, измен пребуду.

Пока в моем дворце она — царица,
Мне предстоит страдать, гореть, томиться.

Она меня еще не раз обманет,
Еще не раз изменою изранит.

Но на себя смотрю я, как чужой.
Уж я не властен над своей душой.

Что мне венец в сиянье торжества?
Я — как онагр, дрожащий в лапах льва!

Я не познаю светлой благодати,
Уже не стану я отцом дитяти.

Тому, что жизнь мне в тягость, не дивись:
Увы, не принесла мне счастья Вис!»

Затем он Зарду строгий дал наказ:
«Как ветер, в крепость полети сейчас.

Возьми с собою меченосцев двести,
Вернись ко мне с моей женою вместе!»

Зард через месяц со своим отрядом,
С прекрасной Вис предстал перед Мубадом:

Как в путах лань, явилась, обнаружа
На теле раны от побоев мужа...

Рамин в тоске, в мучениях, в истоме
Весь месяц прятался у Зарда в доме.

Зард умолял весь месяц властелина,
Чтоб тот простил, помиловал Рамина.

На радостях властитель царства снова
Помиловал Рамина молодого,

Див злобы снова спрятал черный лик
И благосклонности расцвел цветник,

Вновь засияла пред царем страны
Краса его владычицы-луны,

И снова жизнь Мубада стала сладкой, —
Как сокол, любовался куропаткой,

И сокол щедрости взлетел опять,
Чтоб куропатку радости поймать.

Вновь на пиру воители воссели,
Настало время празднеств и веселий.

Вновь на земле — душистая весна,
Настало время кубков и вина.

Повеял ветерок отрадной доли,

Все позабыли о недавней боли...

Весь мир, все муки, радости твои
В конце концов умрут в небытии.

Цени же счастье наших кратких дней,
От счастья жизнь становится длинней.

Поскольку перед всеми нами — бездна,
Скажи, кому печаль твоя полезна?

МУБАД ПРЕПОРУЧАЕТ ВИС КОРМИЛИЦЕ, А РАМИН ПРОНИКАЕТ В САД

Был понедельник. Ночь сверкала звездно.
Шах из Гургана воротился поздно.

Он приказал закрыть проходы, двери,
Железом оковать, боясь потери,

Надеть замки из индустанской стали —
Румийские ключи к ним подобрали, —

Заделать окна, чтоб любой просвет
Железною решеткой был одет.

Так заперт был властителя чертог,
Что не проник туда б и ветерок.

Когда Мубад замкнул врата литые,
Печати наложил он золотые.

Ключи кормилице вручил он ловкой,
Сказал: «Ты хитрой родилась бесовкой!

Страдал я от твоих коварств и лжи, —
Хотя б разок мне честно послужи!

Я уезжаю. Мы врата замкнули.
Пребуду больше месяца в Забуле.

Храни дворец в ночи и поутру.
Замки я запер, — я и отопру!

Возьми ключи и клятву дай сейчас.
Исполни клятву хоть на этот раз!

Сама-то понимаешь ты прекрасно,
Что клятвопреступление — ужасно.

Сегодня испытать тебя хочу,
Но за добро добром я заплачу.

Я знаю: попаду в беду опять,
Стремясь испытанную испытать,

Но потому избрал тебя, такую,
Что мудрость мне пришлось узнать людскую:

«Свои богатства поручи ты вору, —
И в нем найдешь надежную опору».

Так наставлял он мамку без конца,
Затем ключи вручил ей от дворца.

В счастливый, светлый день, по воле бога,
Он выехал из царского чертога.

За городом, на травах у горы,
Он на день приказал разбить шатры.

Он вспомнил Вис, тоску свою и страсть,
И горькой шаху показалась власть.

Рамин при шахе был, но вечерком
Вернулся в город от него тайком.

Стал шах допытываться: где Рамин?
Хотел он с ним распить вина кувшин.

Ответили: «Он в Мерв коня направил», —
И понял шах, что с ним Рамин лукавил:

К любовнице своей, неблагородный,
Помчался он, покинув стан походный!..

И впрямь вступил Рамин в дворцовый сад.
Увидел: на вратах замки висят.

Он посмотрел с тоскою на ограду
И вспомнил Вис — мученье и отраду.

В душе его проснулась боль живая.
Воскликнул он, волнуясь и пылая:

«Нас разлучили. Правя торжество,
Ревнивец-враг добился своего.

Мне с крыши покажись, не то разлуки
Железные меня задушат руки.

Представь себе, мое увидев горе,
Что эта ночь огромна, словно море.

Я в нем тону, исчезли берега,
Из слез моих родятся жемчуга.

Хотя в саду блуждаю среди роз,
Я гибну, я тону в пучине слез.

Я розы оросил водой из глаз,
Нет, кровь моя на лепестках зажглась!

Что пользы мне от слез в ночном тумане,
Когда моих не слышишь ты стенаний!

Из сердца вздох исторгну я, который
Сожжет дворец и все его затворы!

Но как же я дворец огню предам,

Когда моя возлюбленная — там?

Едва огонь ее коснется платья, —
Он сердце мне зажжет, начну пылать я!

Из глаз ее как бы исходят стрелы, —
Я падаю, пронзенный, помертвелый.

Смотрю — натянут лук ее бровей...
Красой своей срази меня скорей!

Хоть я с тобою разлучен судьбою,
Моя мечта останется с тобою, —

Мечта, которая когтит мне грудь,
То не дает вздохнуть, а то — заснуть.

Но без тебя к чему мне сон в постели?
Но без тебя вся жизнь моя — без цели!»

И долго он стонал, вкусив отравы,
Слезами оросив цветы и травы,

И вот среди нарциссов, лилий, роз
Внезапно сладкий сон его унес:

Дождь прекратился, падать уставая, —
В глазах иссякла туча дождевая.

В саду — о нет, в аду! — нашло покой
То сердце, что изранено тоской:

Для сердца был целебен сад зеленый,
Дыханием любимой напоенный.

Так, обезумев, он лежал в саду,
А Вис металась в доме, как в бреду.

В огне ее волшебная краса,
Из глаз-нарциссов падала роса.

«Он близко!» — сердцем поняла влюбленным:
Ее ожгло железом раскаленным!

К кормилице, рыдая, обратилась:
«О помоги мне, мамка, сделай милость!

С меня сними оковы — и с ворот,
На сумрак мой пусть солнце свет прольет!

Как эта ночь, темна моя судьба.
Он здесь, любимый мой, но я слаба:

Ворота на замке, одеты сталью,
Он здесь, но он как бы за дальней далью!

Ах, лучше б разделяли нас просторы,
Чем эти цепи, стены и затворы!

Молю, меня от боли излечи,
Раскрой затворы, — принеси ключи!

Ты посмотри, как жребий мой жесток.
Навесили на сердце мне замок.

Но мне затворов и замков довольно!
Иль я не вправе жить свободно, вольно?

Изранена, — пылаю новой раной
С тех пор, как жить должна я под охраной.

Мой дух связал мой друг сладкоголосый,
Когда мои перебирал он косы.

В мои глаза как бы вонзил он стрелы,
Когда ушел — красивый, сильный, смелый.

Смотри, я в путах мускусных любви,
Смотри, от стрел глаза мои в крови!»

А та — в ответ: «Я не склонюсь к обману,
Хитрить, лукавить я теперь не стану.

Меня увещевал великий шах,
Его слова звенят в моих ушах.

Посмею ли раскрыть его затворы?
Мне страшен гнев его — ужасный, скорый!

Будь у меня и тысячная рать,
С Мубадом не смогла б я совладать!

К тому же клятву я дала владыке,
А клятвопреступленье — грех великий.

Стремись ты во сто крат сильней к Рамину,
Я сети козней все же не раскину.

К тому же шах — здесь рядом до поры:
Вблизи от города разбил шатры.

Мубад испытывает нас, быть может,
А испытав, придет и гнев умножит.

Я думаю, — он долго ждать не станет,
Сегодня же он в полночь к нам нагрянет.

Не будем делать ничего дурного:
Дурным воздаст он за дурное снова.

От мудрецов пословица пришла:

«Одно лишь зло произрастет от зла».

Вис отвернулась, гневаясь: для слуха
Противно то, что молвила старуха!

Сказала мамка: «Свет моей души,
Сегодня перед шахом не греши.

Перетерпи одну хотя бы ночь,
А там рассудим, как тебе помочь.

Сегодня ночью я боюсь Мубада.
Пойми, его остерегаться надо.

Как я велю, сегодня поступи:
Бес искушает? Беса ослепи!»

Кормилица ушла, а Вис осталась,
В слезах, в смятенье по дворцу металась.

Но где просвет иль маленькая щель?
Как ей на крышу вырваться отсель?

В нее любви вселилась лихорадка,
Но озарила вдруг ее догадка.

От крыши до земли, из прочной ткани,
Висел широкий полог на айване.

Веревка крепкая спускалась вниз, —
Нашла лекарство от недуга Вис.

Она разулась и, как сокол ловкий,
Не поднялась — взлетела по веревке.

На крышу взобралась, дрожа от счастья,
А вихрь с нее сорвал венец, запястья.

Жемчужины рассыпались, блистая,
Сама — простоволосая, босая,

Сама — любовь от головы до ног,
Но без колец, браслетов и серег.

По крыше устремилась, точно птица.
Задумалась: а как же в сад спуститься?

Вот привязала к крыше покрывало,
На землю по нему спускаться стала.

Разорвалось — ведь внове то занятье! —
За острый камень зацепившись, платье.

У Вис побились ноги от прыжка,
Хотя земля в саду была мягка.

Разорваны и пояс, и рубаха,
И шаровары у супруги шаха.

Не украшенья, а кровоподтеки
Являл ее прелестный стан высокий.

Она искала милого, блуждая
По саду, — обнаженная, босая.

Из ног, из глаз ручьями кровь текла,
Ее судьбу, скажи, сокрыла мгла!

«Найду ль цветок пленительный в саду?
Как я весну желанную найду?

Какая польза от моих стараний?
Найду ли солнце я в ночном тумане?

О вихрь ночной, внемли моей любви,
Хотя б на миг отраду мне яви.

О, если ты с безумьем страсти дружишь,
То и ко мне ты жалость обнаружишь!

Ведь ноги неустанные твои —
Не как мои, бессильные, в крови!

Тебе ль страшны далекие дороги?
Тебе ль бояться, что устанут ноги?

Найди мне два нарциссовых цветка,
Один из них — живой, в глазах — тоска.

Найди его: он дорог мне и мил,
Как и меня, он многих соблазнил,

Со многих покрывала он совлек,
Для многих сделал сладостным порок.

Он тысячи увел небрежным взором,
Испепелил и бросил их с позором.

Смотри, что сделала со мною страсть.
Я в ужасе готова жизнь проклясть!

Нет мне покоя после ста несчастий,
А сердце разрывается на части.

Спеши к тому, с чьим обликом слита,
Кому четою стала красота.

Ты мускус друга на меня навей,
А друга амброй умасти моей.

Скажи ему: «Расцветший сад весенний,

Достоин ты отрад и наслаждений!»

Скажи: «О солнце, светишь ты светло,
Всех в мире красотой ты превзошло!»

Скажи: «Зачем твой голос всюду слышу
И ночью поднимаюсь я на крышу?

Меня ласкал ты, верность не храня,
Лишь кратким счастьем ты дарил меня.

Одни лишь муки в мире я терплю,
Весь мир заснул, и только я не сплю.

Но если человек я, как другие,
Зачем мне чужды радости людские?

С людьми, в безумье, порвала я связь:
Быть может, я безумной родилась?

«Приди!» — ты умолял меня, скорбя.
Вот я пришла, но где ты? Нет тебя!

Кого же ты, возлюбленный, боишься?
Зачем же от моей тоски таишься?

Ты не придешь? Зачем же я пришла?
Чтоб в этот час впилась в меня стрела?

Луна покажется мне западней,
Взамен тебя представ передо мной!

Что мускус мне взамен твоих кудрей?
Он пыли мне покажется грязней!

Мне вместо сладких губ твоих вино —
Как зелье, что отравою полно.

Не в мускусе — в тебе моя отрада,
Не в сахаре — в тебе моя услада.

Мне стало от кудрей твоих больнее, —
Они меня ужалили, как змеи.

Мне словно опиум — твои уста,
Как солнца лик — твоя мне красота.

Несчастная судьба, с каким наказом
Явилась ты и унесла мой разум?

Внушая жалость другу и врагу,
Тебя умилостивить не могу!

О, где ты, светлоликая луна?
На западе зачем ты не видна?

Из-за горы яви свой блеск зеркальный,
Ты посвети моей душе печальной.

Заржавел, как железо, мир во тьме,
Как грешница, любовь моя — в тюрьме.

Украли сердце у меня, а вор
Исчез: таков разлуки приговор.

Влюбленных вновь соединить должна ты,
Пролей нам свет, веди нас, как вожатый.

И ты — луна, и милый мой — луна,
Без вас обоих жизнь моя темна...

О боже, сжалься над моей кручиной,
Двух лун яви мне облик двуединый.

Одной луны примета — свет и ясность,
Другой луны примета — блеск и властность.

Одна сияет с неба всей земле,
Другая — на ристалище, в седле!»

Но вот луна явилась на закате.
Она грозна, как вождь полночной рати,

Она горит, как влаги беглый свет,
Она — в руках у гурии браслет!

Ночная тьма, растаяв, поредела,
И ожили у Вис душа и тело.

Глядит — Рамин заснул на свежем ложе
Среди цветов, сам на цветок похожий.

Фиалка и нарцисс — под головою,
И сам он схож с фиалкою живою,

И амбра цветника, и ветерок, —
Луна и Вис в один явились срок.

Как слился с амброй ветерок ночной,
В одно слилась красавица с луной.

Рамин проснулся от сиянья Вис,
Открыл глаза — увидел кипарис.

Вскочил, прижал он к сердцу стан любимый,
Стал гладить кудри, пламенем палимый.

Не амбра ли в ее кудрях живет?
А на его губах — душистый мед!

Слились их губы, как волна с волною,

Две юных жизни сделались одною.

Соединились, как душа с душой,
Парча с единоцветною парчой.

Вино слилось, ты скажешь, с молоком,
А гиацинт — с гранатовым цветком.

Была их страстью ночь озарена,
Скажи: воскресла на земле весна!

В честь их любви слагали песни птицы,
Их ликованью не было границы.

Казалось, поднял кубок свой тюльпан:
От счастья двух влюбленных был он пьян.

Цветы впервые страстью загорелись,
Заимствовали у влюбленных прелесть,

Поняв впервые таинства любви,
Друг другу отдали сердца свои.

Но время ласк любовных не выносит,
Посев любви серпом суровым косит.

Взошла заря — и стал приютом слез
Дворцовый сад, где было столько роз!

Взгляни, каков сей злобный мир без маски!
Зачем же от него ты жаждешь ласки?

Не знает он любви, добра, стыда,
И жалость к страждущим ему чужда!

МУБАД УЗНАЕТ О ТОМ, ЧТО РАМИН ВСТРЕТИЛСЯ С ВИС

Мубад замечает отсутствие Рамина, в нем вспыхивает ревность. Он едет в город, во дворец. Кормилица, ничего не знавшая о поступке Вис, приносит шаху ключи и просит его убедиться в том, что печать на дверях цела. Но шах не находит Вис во дворце. Слуги догадываются, что Вис по веревке выбралась через окно в сад. Зажигают светильники, начинают ее разыскивать.

Вис видит издалека свет светильников и советует Рамину немедленно исчезнуть. Рамин перепрыгивает через высокую стену и пускается в бегство.

Вис притворяется спящей. Мубад обнаруживает ее в саду и решает ее убить, но Зард удерживает шаха. Вис уверяет мужа, что она невиновна, что ангел божий перенес ее из опочивальни в сад.

Мубад, снова поверив ей, прощает ее и Рамина, щедро одаряет кормилицу. Во дворце Мубада снова мир и веселье.

МУБАД УСТРАИВАЕТ ПИР В САДУ, И НА ПИРУ ПОЕТ ПЕВЕЦ КУСАН

Пришел Урдубихишт и день Хурдада.
Стал дивен мир, как пригород Багдада.

Поля от счастья — словно сад всемирный,
Цветник из-за красавиц стал кумирней!

С деревьев серебро струится в воду,
Весна душистой сделала природу.

Луга казались праздничным собраньем,
Где соловьи звенели утром ранним.

Как кравчие — нарциссы на пиру,
Как бражники — фиалки поутру.

В плодах деревья, как цари земли,
Сады прекрасны, как лицо Лейли.

От маков горы — как топаз, и всюду
В степи трава подобна изумруду.

Как пери, маки украшают нивы,
Фиалки, словно локоны, красивы.

Земля, как рай, ликует с небом вместе,
Весь мир подобен радостной невесте.

Чудесный день горит над ярким садом,
Царица лун — с главою шахов рядом,

А слева — богатырь Виру, а справа —
Шахру, как солнце мира, величава.

Рамин — напротив, брат владыки стран,
А перед ним сидит певец Кусан.

О сладостной любви поет он строки,
И радуется песням двор высокий.

Вельмож обходит чаша круговая,
Сердца и лица счастьем украшая.

В тех звуках, что Кусан из струн извлек,
На Вис и на Рамина был намек.

Кто вдумается в этих слов теченье,
Откроет их сокрытое значенье.

Притча певца Кусана:

«Я дерево увидел на вершине.
Взглянув на ствол, забыл я о кручине!

Оно касалось неба головой
И тенью осеняло мир земной,

Сияло ярче солнца и звезды,
Даруя миру листья и плоды.

Под ним бежал родник, прозрачный, чистый,
И были травы вкруг него душисты,

И расцветали розы и тюльпаны,
Жасмин и гиацинт благоуханный.

У родника, где так трава сладка,
Увидел я гилянского бычка...

Пусть вечно это дерево цветет!

Да будет сень его — как небосвод!

Пусть вечно льется чистый родничок,
И пусть пасется рядом с ним бычок!»

_____

От притчи гнев проснулся властелина.
Вскочил, за горло он схватил Рамина,

Другой рукою вынул меч из ножен,
Сказал: «Ты грешен, грязен и ничтожен!

Мне солнцем и луною поклянись,
Что больше ты не прикоснешься к Вис,

Иначе мной ты будешь обезглавлен
За то, что я тобою обесславлен!»

Но встал Рамин с обличьем вдохновенным,
Поклялся богом и огнем священным:

«Пока душа во мне живет, — клянусь,
Что от возлюбленной не отвернусь.

Вы солнцу молитесь, его сиянью,
А я молюсь подруги обаянью!

Она душой мне стала для того ли,
Чтоб душу я убил по доброй воле?»

Смотрели злобно друг на друга братья,
И на Рамина шах низверг проклятья.

Снять голову его хотел он с плеч,
Орудие любви ему отсечь!

Но ринулся Рамин, рассвирепев,
На шаха, будто на лисицу — лев,

И повалил его на землю вдруг,
И меч у шаха выхватил из рук.

Любовью, возлиянием обильным
Сраженный, сделался Мубад бессильным,

Не понял даже, что с ним сделал брат,
Лежал, тоскою горькою объят...

Нам виден человек со всех сторон
Тогда, когда он пьян или влюблен.

Будь шаху чужды эти два порока,
Он жил бы, голову держа высоко...

Как только утром засиял рассвет,
Узнали все, как мир земной одет:

Любовь, как меч, красна от свежих ран,
А степи золотятся, как шафран.

БЕХГУЙ ПОУЧАЕТ РАМИНА

Жил звездочет великий в Хорасане,
Исполненный и чистоты и знаний.

Бехгуем прозванный за красноречье,
Являл он светлый ум, добросердечье.

Рамина в час урочный, неурочный
Поил он мудрости водой проточной.

Предсказывал ему: «С судьбою сладишь,
Венец наденешь, на престол воссядешь,

Твоих желаний древо расцветет,
Ты станешь господином всех господ!»

Рамин к нему явился утром рано.
Глаза в слезах, в душе — живая рана.

Спросил Бехгуй: «О чем грустишь и тужишь?
Ты почему с веселостью не дружишь?

В грядущем — царь, ты молод и здоров.
Каких еще желаешь ты даров?

Не омрачай себя печальной страстью,
Не поддавайся горю и злосчастью.

Из-за твоих бессмысленных тревог
С тобой немилостивым станет бог.

И жизнь и время длятся для тебя.
Зачем же плачешь, молодость губя?

Пока на то приказа нет господня,
Не вправе мы печалиться сегодня.

Зачем грустить и плакать из-за бед,
Которых-то на самом деле нет?»

Сказал Рамин: «Ты взором ясновидца
Взгляни, — поймешь: звезда моя затмится!

Твое красноречиво изреченье,
Но страшно мне судьбы круговращенье.

Ведь сердце не из камня, не из стали,
Избавиться не может от печали.

Доколе телу моему терпеть?
Доколе сердцу моему скорбеть?

Уродство мира в том и состоит,
Что мы слабеем от его обид.

Дождь всех замочит рано или поздно,
Но лишь меня поток уносит грозно.

Ни одного не протекает дня,
Чтоб не страдало сердце у меня.

Судьба на миг любовь ко мне проявит,
Но тут же гибели силки расставит,

А если розы мне подарит сад,
То сразу же шипы меня пронзят.

Мне стоит кубок осушить с вином, —
Отраву обнаруживаю в нем!

Подумай, при такой злосчастной доле

Мне веселиться радостно дано ли?

Царем я так унижен был вчера,
Увы, настолько боль моя остра,

Что трудно мне внимать твоим советам,
Умру от горя, — выход только в этом!»

Затем рассказ поведал он подробный
О том, как в гнев пришел властитель злобный,

Как оскорбил Рамина царь царей
Пред ликом Вис, что всех светил светлей:

«Меня в глаза унизил царь державы, —
Зачем их не застлал туман кровавый?

Мне лучше умереть, зачахнуть в горе,
Чем яд позора пить и жить в позоре.

Привыкнуть я готов к любым скорбям,
Любой недуг стерплю я, но не срам».

Когда Рамин поведал звездочету
Свою печаль, тревогу и заботу,

Смотри же, что сказал ему Бехгуй, —
Такой ответ и ты друзьям даруй!

Сказал он: «Откажись от жалоб грустных!
Ты лев, так не страшись шакалов гнусных!

При помощи стенаний ты не думай
Добыть победу над судьбой угрюмой.

Пока у страсти будешь ты во власти,
Останешься магнитом для несчастий.

Всего себя не отдавай любимой,
Ты не тоскуй о ней как одержимый, —

В душе посеял ты любовь, считая,
Что семя превратится в деву рая,

Но ты не знаешь, видно, что всегда
Растет на этой ниве лишь беда.

Когда срываешь розы в час веселый,
Ты помни, каковы шипов уколы.

В своей любви ты, как торговец прыткий,
Подсчитываешь прибыль и убытки,

Но, если так, — ты к проторям готов ли?
Ведь не бывает без потерь торговли!

Кто сеет, пашню потом орошая,
С надеждой ждет большого урожая,

Но, прежде чем дойдет до молотьбы,
Немало бед он примет от судьбы.

Без отдыха трудись, терпи невзгоды, —
Тогда покажутся на поле всходы!

Любовь безумна, словно в бурю море:
Тому, кто бросится в пучину, — горе!

Пока к царице будешь ты влеком,
Пребудет царь царей твоим врагом.

Стань терпелив на долгие года
Для неудач, для боли, для стыда.

Всем сердцем устрашись, узнав любовь,
А тело для беды приуготовь.

Противник ты свирепого слона, —
Кто знает, чем закончится война?

Вступил ты с грозным львом в единоборство,
Кто знает, чье отважнее упорство?

Ты хочешь по морю пройти без судна,
Ты царский жемчуг ищешь безрассудно.

Кто знает, чем закончишь ты, бедняга,
Зло обретешь или достигнешь блага.

Пойми, что страсть — как бы драконья пасть,
Но сам стремишься ты в нее попасть!

Среди потока ты построил дом,
Беспечно ты проводишь ночи в нем,

Но хлынет бурная вода с высот, —
Тебя с твоим жилищем унесет!

Боюсь я: от позора изнеможешь
И руки на себя ты сам наложишь.

Но это — не предел твоих мучений:
Ты запылаешь в огненной геенне!

То, что ты начал, кончится бедой,
То, что ты вяжешь, кончится петлей,

Но, если ныне примешь мой совет,
В терпенье обретешь отрадный свет.

Терпенье выше мужества цени, —

Особенно в безрадостные дни.

Когда терпеньем сердце успокоишь,
То сердце ты от ржавчины омоешь.

Покинь, хоть на год, пери дорогую,
Забудь о Вис, найди себе другую.

В слезах не вспоминай о ней с тоской, —
И постепенно обретешь покой.

Когда любовь безумна, горяча,
Разлука — лучше всякого врача.

Пока подруга рядом, ты влюблен,
Но помни: с глаз долой — из сердца вон!

Вслед за глазами сердце отдалится,
Развеется любовь, как небылица,

Тебя закружит дней круговорот,
И Вис из памяти твоей уйдет.

С людьми бывают всякие напасти,
Одни мечом одолевают страсти,

Другим уловка хитрая нужна,
А третьим — ложь иль щедрая казна.

Лишь ты не знаешь, как достигнуть цели,
Нет у тебя ни снадобий, ни зелий.

Стал притчей во языцех твой разврат,
Тебя возненавидел старший брат.

И стар, и млад, когда вздымают кубки,
Клеймят твои бесчестные поступки.

Тебя считают низким, лицемерным,
Прелюбодеем наглым, беспримерным.

«Нельзя так низко пасть! — все говорят.
Позор для шаханшаха этот брат!»

Была бы даже Вис луной вселенной,
Мечтанием, зарею вожделенной, —

И то Рамин, ценя свой род, семью,
Не должен был являть ей страсть свою.

Да будет смерть желаньям и страстям,
Которые приносят людям срам!

Пусть на Рамине, что могуч и знатен,
Вовеки никаких не будет пятен:

Коль опозорен знатный человек,
Его позор не смоют сотни рек!

Умрем, а дух пребудет навсегда
Как дух, и слава тлению чужда.

Нет у тебя возлюбленной такой,
Чтоб увела тебя с тропы плохой.

Прекрасный друг отрадней всех дворцов,
А ясный дух милее всех венцов.

Вверяя Вис все помыслы свои,
Срываешь ты плоды с ветвей любви.

Сто лет ее люби, — увы, она
Не гурия, не солнце, не луна,

Ищи, — найдешь сто тысяч, не иначе,
Что чистотой и прелестью богаче.

С другою будешь счастлив, коль захочешь,
А с нею только молодость порочишь.

Легко вздохнешь, другую полюбя,
Пятно позора ты сотрешь с себя.

Не ведал ты, какие есть на свете
Красавицы, — и Вис попался в сети.

Тебя пленила бледная звезда:
Ведь ты луны не видел никогда!

Так не служи любви своей слепой,
Ступай иною, светлою тропой.

Ты славен, вместе с братом обладая
Вселенною от Рума до Китая.

Иль нет земель, помимо Хорасана?
Иль в мире только Вис тебе желанна?

На поиски возлюбленной отсель
Отправься к рубежам других земель.

Ищи себе красавицу, покуда
Ты не увидишь ту, что среброгруда.

Свой выбор ты на ней останови, —
Не вспомнишь больше Вис, былой любви!

Пока ты знатен, молод и здоров,
Живи для празднеств, песен и пиров.

Доколе будешь горевать, доколе?

Доколе будешь ты кричать от боли?

Пора стыдиться витязей и знати,
Пора найти опору в старшем брате.

Пора прославить молодость свою,
Быть первым на совете и в бою.

Пора явить нам облик величавый,
Трудясь для справедливости и славы.

Пора искать державу: царь и воин,
Ты царствованья громкого достоин,

Но ищешь лишь кормилицу и Вис.
Где честь твоя, где совесть? Отзовись!

Тебе пора прославиться пришла,
Но ждешь ты, чтоб красавица пришла!

Твои друзья летят, возглавив рати,
А ты стремишься потонуть в разврате.

Забав и озорства прошла пора.
К чему же на ристалище игра?

Увы, подобно диву существо,
Чье на себе познал ты колдовство.

Не господом дана тебе отрада,
Нет, завлекло тебя исчадье ада!

Боюсь я: будет твой удел таков,
Что вызовет он радость у врагов.

Но, твой слуга, тебе я говорю:
Смирись, смирись и покорись царю!

Тогда из горя вырастет надежда,
Тогда разумным станешь ты, невежда!

Ты не согласен? Сраму срок не вышел?
Что ж, я не говорил, а ты не слышал!

Живи как хочешь, если не стыдишься:
В игрушку ты для мира превратишься!

Ты в море тонешь, я — на берегу
И только с жалостью взирать могу».

Когда Рамин услышал сей наказ,
Он, скажешь, как осел в грязи увяз.

То он краснел от срама, как тюльпан,
То он желтел от горя, как шафран.

«Ты прав, — сказал он. — Речь твоя целебна
Для тех, чье сердце разуму враждебно.

Я твой совет услышал, твой совет.
От бед я сердце оторву, от бед!

Нет, я не буду больше страстотерпцем,
Отвергну я любовь прозревшим сердцем.

Я, и мой путь, и день — вдали отсель.
Начну блуждать, как дикая газель.

Теперь сойду с тропы влюбленных праздных,
О страсть, забуду о твоих соблазнах.

Прощайте, стройный стан и томный взор,
К чему любовь, когда она — позор!»

ПРИМИРЕНИЕ ВИС И МУБАДА

Мубад поучает Вис. Он клянется, что будет ее любить и во всем ей подчиняться, если она будет ему верна. Вис обещает Мубаду, что она станет ему отныне преданной, покорной женой и навсегда забудет Рамина.

РАМИН ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ГУРАБ

Еще с утра являет небосвод,
Что будет снежным день, что дождь пойдет,

От облаков мрачнеют небеса,
Тревогу сеют ветра голоса.

Так и судьба: для горя и страданий
Найдется повод у нее заране.

Нам предвещают жар, озноб, ломота:
«Для лихорадки отворяй ворота!»

Когда Рамина, полного печали,
Любовные занятья истерзали,

Измучили упреки и обманы,
Осточертели западни, капканы, —

Он просьбу отослал царю царей:
«Позволь мне в Мах уехать поскорей.

Здесь в горестях мои проходят годы,
Приходит хворь от здешней непогоды.

О шах! Меня — прошу здоровья ради —
Назначь главою войска в Махабаде.

Быть может, я окрепну там, поправлюсь,
От горести и слабости избавлюсь.

Я там найду низины и высоты,
Пригодные для ловли и охоты.

То с барсами ловить я буду ланей,
То с соколами — птиц на зорьке ранней.

Когда же царский будет мне приказ, —
Готовый к службе, я вернусь тотчас».

Возрадовался шах, прочтя посланье,
Исполнил он Рамина пожеланье,

Дал Кухистан ему, Гурган и Рей, —
Да правит он, глава богатырей!

За городом Рамин разбил шатры
И тайно ускакал, прервав пиры.

Вошел он к Вис, чтобы последним взглядом
Ее окинуть, посидеть с ней рядом.

Красавица сияла на престоле,
Но оттолкнула Вис его оттоле:

«Уйди!.. Ты мал, ты власти не обрел,
Не для тебя царя царей престол.

Сидеть на нем такому не пристало:
Ты царство завоюй себе сначала!

Ты больно прыток. Или ты привык
Так поступать, как дивов ученик?»

Вскочил Рамин, от боли побледнел,
Стал проклинать свой горестный удел.

Подумал он: «Душа моя дурная,
Смотри, как ты терзаешься, стеная!

От страсти к Вис измучившись сперва,

Теперь какие слышишь ты слова!

Что женская любовь? Пустой обман:
На камне разве вырастет тюльпан?

С хвостом ослиным их любовь сравни:
Не станет больше, сколько ни тяни!

Ослиный этот хвост я долго мерил,
В любовь бесстыжих женщин долго верил,

Но хватит: вседержителю хвала,
Чья доброта прозреть мне помогла!

Я выяснил, — где хитрость, где искусство,
Где гнусный грех, где истинное чувство.

Зачем я тратил молодость напрасно?
Зачем я жил бессмысленно и праздно?

О горе: я познал судьбы немилость,
О горе сердцу, что к любви стремилось!

Клянусь, я задушить себя готов,
Но только бы таких не слышать слов...

Предательств и коварств покинь дворец,
Чтоб, опустев, он рухнул наконец!

Я от любви и горя изнемог,
Но, к счастью, для разлуки есть предлог.

Сто жемчугов я отдал бы заране,
Но только бы от Вис не слышать брани.

Я вовремя услышал злые речи,
Чтоб возжелать разлуки, а не встречи.

Но раз решился я расстаться с ней,
Мне эта злая брань всего нужней.

Я счастье получу без всякой платы,
Беги же, сердце, дом оставь проклятый.

Беги, беги от горя навсегда,
Беги, беги от вечного стыда!

Беги: мы будем жить отныне розно,
Беги сейчас, а после будет поздно!»

Так говорил Рамин с печальным сердцем,
Как будто рану обжигал он перцем.

А сердце Вис тогда от боли сжалось,
К любимому почувствовало жалость.

Раскаивалась в грубом разговоре:
«Зачем ему я причинила горе?»

Вот слуги — был приказ ее таков —
Сто тридцать ценных вынесли тюков,

Где было много злата и товара
Из Рума, из Китая и Шуштара.

По-своему прекрасны были ткани,
Своеобычна прелесть одеяний.

Как сам Рамин, сверкали те дары, —
Их отослала Вис в его шатры.

Затем велела, чтобы друг желанный
Надел чалму, наряд золототканый,

И, как влюбленных девушек ланиты,
Сияли яхонты и хризолиты.

Друг друга взяли за руки потом,
В тенистый сад отправились тайком

И начали беспечно веселиться
И ласками сладчайшими делиться.

От их ланит цветенье началось,
Душистым воздух стал от их волос.

То их пьянит любви игра и страсть,
То им разлуку хочется проклясть.

Ланиты юной Вис, что ярче солнца,
От слез кровавых — словно два червонца.

То воскресают их уста — рубины,
То умирает мир от их кручины.

О, сколько скорби есть в одном лишь взоре,
Одна душа, но в ней какое горе!

Увы, увяли кудри чаровницы
И у двоих кровоточат ресницы.

Сказала Вис: «Неверный, нежный друг!
Мой день зачем во тьму поверг ты вдруг?

Не так ты говорил со мной сначала,
Не так, а клятвой речь твоя звучала.

А ныне, мой пресыщенный, томимый,
Любимый убегает от любимой.

Но я — все та же, я — все та же Вис,

Все то же солнце, тот же кипарис.

Что от меня ты видел, кроме страсти?
Но от меня бежишь, как от напасти!

Узнав другую, ты влюбился вновь?
Зачем же губишь первую любовь!

Рамин, разлукой режущий меня,
Не превращай в посмешище меня!

Еще раскаешься, вернешься снова,
Но клятвенное ты нарушишь слово.

Свой лик ты отвернул от Вис? Ну что ж,
Начнешь мой лик искать — и не найдешь.

В разлуке пострадаем обоюдно:
Вновь сблизиться со мною будет трудно.

Теперь ты волк, — придешь овцой трусливой,
Теперь спесив, — как раб вернешься льстивый.

Ты закричишь, безумный, одинокий,
И прахом ног моих осыплешь щеки,

Из-за меня заплачешь ты, скорбя,
Как плачу я сейчас из-за тебя.

Но я не снизойду к твоим слезам,
Я за добро и зло тебе воздам!»

Сказал Рамин: «Господь моя защита,
И перед ним душа моя открыта.

С тобой навек я заключил союз,
Клянусь, я только недругов боюсь!

Из-за тебя живу я в вечном страхе,
Я стал противен собственной рубахе.

Я лань приму за тигра по ошибке,
Я крокодила вижу в каждой рыбке.

В своей любви я не пришел ко благу,
Скупятся облака, чтоб дать мне влагу.

Такую слышу брань со всех сторон,
Как будто мир на гибель обречен.

Мне дружба близких кажется враждою,
А прелесть женщин кажется бедою.

Когда меня водой теперь поят,
Мне кажется, что пью смертельный яд.

Одни лишь тигры снятся мне в ночи,
Драконы и кровавые мечи.

Боюсь, что шаханшах, властитель царства,
Меня убьет при помощи коварства.

Едва души загубленной лишусь,
Я и тебя, возлюбленной, лишусь:

Отнимут душу, страсть мою казня, —
Тебя с душой отнимут у меня!

Так лучше душу я свою спасу,
А в ней — тебя, души моей красу.

Я жить хочу, хочу твоей любви,
Но для нее и ты, и ты живи!

Бывает ночь беременна порою, —
Кто знает, что она родит с зарею?

Один лишь год в разлуке проведем, —
Любовь настанет вечная потом!

Судьба коварна, всех в тенета ловит, —
Кто ведает, что нам она готовит?

Быть может, за разлукой темной вслед
Для нас нежданно вспыхнет ясный свет.

Пусть болен я, в печали дни влачу, —
Своей надежде верю, как врачу.

Пусть движется в тоске за годом год,
Я верю: светозарный день взойдет.

Всевышний с добротой и правосудьем
Дарит надежду всем на свете людям —

На то, что минут горе и ненастье,
Что ярко вспыхнут утро, ведро, счастье.

Пока я жив, — вблизи или далече
С надеждой буду с солнцем ждать я встречи.

Ты — солнце: для меня оно зажглось!
Мир без тебя — черней твоих волос!

О, сколько горести в моей судьбе:
Причина этого — любовь к тебе.

Я твердо верю: горести пройдут,
И дни веселья вскорости придут.

Что нам замки, затворы и преграды?

Дождемся мы свободы и отрады!

Придет весна, придет весна для всех,
Лишь на хребтах оставив зимний снег!»

«Все это так, — сказала Вис. — Однако
Моя судьба полна тоски и мрака.

Боюсь: она, чтоб умертвить любовь,
Рамина у меня отнимет вновь.

Боюсь: в Гурабе встретишь ты нежданно
Красавицу, чья прелесть всем желанна:

Стан — кипарис, а грудь белей жасмина,
Лицо — луна, уста — алей рубина.

Тогда ты договор нарушишь наш,
Меня забудешь, сердце ей отдашь.

Сердца в Гурабе, правда такова,
Вращаются, как мельниц жернова.

Красавицы проходят, ослепляя,
Как взглянешь, так пленит тебя любая.

Через Гураб не проезжай, Рамин:
Там соблазняют девушки мужчин,

Крадут сердца у влюбчивых и страстных,
Как ветер — лепестки у роз прекрасных.

Как лев — онагра средь пустынной ночи,
Тебя пленят их колдовские очи.

Имей сто наковален — сто сердец,
Все разобьются из-за них вконец.

Пусть против дивов знаешь ты заклятья, —
А не спасешься, в их попав объятья!»

Сказал Рамин: «Пусть даже смелый месяц
Вокруг меня проходит целый месяц,

Пусть служит солнце той луне венцом,
Венеру пусть она затмит лицом,

Ее слова пусть будут, как соблазны,
А козни, хитрости — разнообразны,

Ее уста пусть будут, как веселье,
А поцелуи — как хмельное зелье,

Пусть будут, как лукавый сон, ланиты,
Глаза — волшебной силой знамениты,

Пусть взоры в юных старцев превращают,
Пусть губы к жизни мертвых возвращают, —

Клянусь, — тебя любить, как прежде, буду,
Я пронесу любовь к тебе повсюду.

Любя тебя, презрев ту красоту,
Твою кормилицу ей предпочту!»

Затем они слились в лобзанье жгучем,
Но каждый был разлукой близкой мучим.

Не слезы, — кровь у них текла из глаз.
Ужели встреча их — в последний раз?

Был пламень их тоски неукротим,
От вздохов до небес вздымался дым.

Струилась из очей вода разлуки, —
Нет, жемчугами полные излуки!

От вздохов адским пламенем дохнуло,
Земля в слезах, как в море, потонула.

Скажи: когда они расстались в горе,
Возникли между ними ад и море!

В седло Рамин уселся поутру,
А Вис терпенья сбросила чадру.

Ее согнула, словно лук, разлука, —
Стрела в Рамина прянула из лука.

Когда же в сердце та стрела вошла, —
Согбен, как лук, он взвился, как стрела.

Рыдала Вис: «Хоть далеко свиданье,
Уже сейчас мне тяжко ожиданье!

Ты вынужден в далекий путь пуститься,
А для меня любовь моя — темница.

Твою любовь, покуда ты в пути,
В темнице постараюсь я найти!

Проклятие моей злосчастной доле:
То я в пыли, то снова на престоле!

Какая в сердце маленьком тоска, —
А ей была бы даже степь узка!

От слез глаза мои — влажнее моря,
А сердце адом сделалось от горя.

Виновна ль я, что я не знаю сна,

Что я разлукою потрясена?

Кто выдержит — плыть в море бесконечном
Иль жить в аду, в огне пылая вечном!

Что может быть ужасней, коль врагу
Свою же долю пожелать могу?»

Рамин и войско двинулись походом,
И трубный рев взлетел к небесным сводам.

Подобно туче, взвился прах летучий,
Рамина слезы — дождь из этой тучи.

Он думал о любимой постоянно,
Он чувствовал, что в сердце ноет рана.

Тоска, тоска была в его глазах,
Его покрыл разлуки вечный прах.

Влюбленному терпенье непонятно,
Он в дни разлук — нетерпелив стократно.

Но кто, любовной мучаясь тоской,
С любовью мог бы сочетать покой?

РАМИН ВЛЮБЛЯЕТСЯ В ГУЛЬ

Хотя Рамин, являя знатность, доблесть,
Огромную теперь возглавил область, —

Что власть ему и ратные труды?
Рамин без Вис — как рыба без воды!

Он странствовал, любим подвластным краем,
Следил, чтоб мудро был он управляем,

Он посещал селенья, города,
Прогнав несправедливость навсегда.

Благоустроил он дела в Гургане
И жителей избавил от страданий,

Так что теперь пасли овечек волки,
С орлами подружились перепелки!

Так весело он пировал в Амуле,
Что там в вине и реки потонули!

В стране Кумиш из-за его щедрот
Был днем и ночью радостен народ.

В Гурабе двигались на водопой
Со львами лани общею тропой.

Скакал он с грозной ратью в Исфагане, —
Подобной не было на поле брани!

Над Реем реяла его отвага,
Багдаду он принес добро и благо.

Мир словно сбросил долгих тягот бремя, —
И стало радостным людское племя.

Прошли обиды, и обширный край,
Казалось, превратился в вечный рай.

Навек исчезла зависть на земле,
Повсюду — счастья завязь на земле!

На всех лугах — бьют радости ключи,
У всех в руках — от всех богатств ключи!

...Случилось так, что витязь именитый —
Рамин — вступил в Гураб с веселой свитой.

Рафед, Шапур, знатнейшие вельможи,
Ему навстречу вышли в день погожий,

И на пиру в честь гостя полилось
Душистое вино из царских лоз.

Помчались на охоту утром рано.
Охотясь, веселились беспрестанно.

То забавляли их стрела и меч,
То лютня, кубок, сладостная речь.

То в чащах настигали львов лесных,
То в чашах пенилось вино для них.

Вот так, как я уже сказал вначале,
Они охотились и пировали.

Но был Рамин всегда тоской объят,
А сердце — как разрезанный гранат.

Когда стрелу хотел он в дичь метнуть,

Стрела любви в его вонзалась грудь,

И, прекратив охотничьи забавы,
Он проливал из глаз поток кровавый...

Однажды, возвращаясь на закате,
Увидел солнце предводитель рати:

Красавица была — как день весенний,
Как снадобье от мук и огорчений.

В державе красоты она — царица,
В ее лобзанье жизни смысл таится.

Ее ланиты — как цветущий сад,
Что тростниковым сахаром богат.

Чудесно волшебство ее кудрей,
А каждый завиток их — чародей.

Ее уста живой воды полезней,
Лекарство в них найдешь от всех болезней,

А губы, словно яхонты, блестят,
А зубы словно яркий свет плеяд!

Посмотришь, как абхазский лучник смелый,
Она из глаз прекрасных мечет стрелы.

Шуштарская парча — ее ланиты,
И сладок рот ее полуоткрытый:

Одна губа — как роза молодая,
Жемчужина с хмельным вином — другая.

Светлей плеяд кушак ее красивый,
Круглей, чем лук, волос ее извивы.

Два пояска: один — для кипариса,
Другой как бы украсил стан нарцисса.

Гранату щеки уподобит мудрый,
Сравнит с цепями для влюбленных — кудри.

Нет, щеки — опьяненья родники,
А кудри — обольщения силки.

Снег, молоко, вино и кровь — ланиты,
Рот — жемчуга и сахар, с медом слитый:

Те — жемчугом кудрей окаймлены,
А в этом — жемчуга заключены.

Рабами служат сердцу сталь, гранит,
А стан стройней, чем тополь и самшит.

Хрустальный стан сердца влечет, блистая,
Как в ясной влаге — рыбка золотая.

Венец — алоэ, мускус благовонный:
Такой у самодержцев нет короны!

Как две колдуньи, полные красы,
До самых ног спадают две косы.

Нет, с неба к нам спустилась ночь сама,
Чтоб одурманить и свести с ума!

Парча бледнее этой красоты,
А серьги — будто на парче цветы.

Прелестный голос, гордый блеск и стать
Способны убивать и услаждать.

То — свежий сад, то — небо в ярких звездах,
Весна, когда пьянит душистый воздух!

Она казалась идолом прелестным,
Но созданным для нас царем небесным.

Да, прелесть, — но украшенная прелесть:
То на парче алмазы загорелись.

Она казалась рудником алмазов,
Сокровищницей из старинных сказов!

Красавицу назвал бы так знаток:
Клад жемчугов и мускуса исток!

Был виден блеск ее из дальней дали:
Блистанием любви глаза блистали.

Лицо — заря, венец — как отблеск лунный,
Плеяды — зубы, шея — месяц юный,

Как юности царица, смотрит властно,
Как жизнь, она желанна и прекрасна,

Пленительна, как свежая весна,
Как лань в степи — надменна и нежна.

А восемьдесят вкруг нее служанок —
Румиек, индианок, китаянок —

Как вкруг самшита полевые травы, —
Нет, звезды славят месяц величавый!

Увидев тополь одухотворенный,
Кумир, живой душою наделенный,

Рамин подумал, что сама заря

Сошла на землю, все животворя.

Ошеломленный, задрожал он вдруг,
Ослаб — и выпала стрела из рук.

Была душа Рамина смятена.
Кумир пред ним? Иль солнце? Иль луна?

«Я гурию увидел в кущах рая,
Иль в храме в честь весны — кумир Китая?

Ко мне навстречу движется самшит
Иль прелесть юности ко мне спешит?

Служанки — войско, а она — царица.
Нет, за луною свита звезд стремится!»

Такие думы в сердце родились.
Приблизился к Рамину кипарис,

И обняла красавица Рамина,
Как будто был он друг ее старинный.

Сказала: «Царь, владеющий страной!
Над Махабадом блещешь ты луной.

День гаснет, — к нам спустись-ка ты с высот
И на часок избавься от забот.

Ты в нашем доме гостем будь любимым,
Тебя с весельем и почетом примем.

Я принесу душистое вино,
Что пламени и мускуса полно;

Я принесу пахучие цветы,
Блистательные, свежие, как ты;

Птиц, куропаток разыщу в лесу,
А с гор я перепелок принесу.

Я пиршество фиалками украшу,
Благоуханьем роз — беседу нашу.

Гостеприимство — наш обычай древний,
А ты мне собственной души душевней!»

Сказал Рамин: «Луна, луна любви!
Свой род, свое мне имя назови.

В Гурабе от кого ты рождена?
Ты девушка иль чья-нибудь жена?

Чем славишься? И в чем отраду видишь?
Ты выйдешь за меня или не выйдешь?

С того, кто жизнь решит с тобой связать,
Какого выкупа попросит мать?

В своих устах ты мед и сахар прячешь, —
Какую цену, сахару назначишь?

Иль должен я платить ценою жизни?
Тогда торгуешь ты по дешевизне!»

Ответствовал Рамину дух небесный, —
Нет, солнце, чей прекрасен дар словесный:

«Свой славный род я не стыжусь назвать,
Мне имя нечего свое скрывать:

Ужели солнце может быть сокрыто,
Когда оно повсюду знаменито?

Знай: мать моя — Гухар, отец — Рафед,
Есть в имени его добро и свет,

А брат мой — этой местности правитель,
Азербайгана витязь и воитель.

Мне имя — Гуль: я розой названа
Затем, что среди роз я рождена.

В Гурабе мой отец украсил знать,
Из Хамадана происходит мать.

Я роза именем, родством я роза,
Всем обликом, всем существом — я роза!

Я властвую: кто попадет в Гураб,
В меня тотчас же влюбится, как раб.

Я беспорочной матерью хранима,
Заботливой кормилицей любима.

Смотри: вся в мать, сияю, как луна,
Как брат мой, с кипарисом я сходна.

Серебряною грудью я блистаю,
А телом я подобна горностаю.

Ты обо мне расспрашивал напрасно:
Мой род и имя знают здесь прекрасно.

И ты известен, как ни назовись:
Ты брат царя, Рамин, влюбленный в Вис.

Из-за нее попал ты в пасть беды,
Ты без нее — как рыба без воды.

Она тебе нужна, как птицам — сад,

Как Тигру многоводному — Багдад.

Из сердца не сотрешь о ней печаль:
От ржавчины отмыть не можешь сталь.

Кормилица ей верно послужила:
К красавице тебя приворожила,

И ты не смеешь полюбить другую,
Развеять эту силу колдовскую.

Живи один: преграды не поборешь!
Она — тебя, а ты ее позоришь,

Из-за нее у шаха гнев и злоба,
И господу вы ненавистны оба».

Тут впал Рамин в глубокое раздумье,
Стал проклинать любовное безумье:

За то, что он любовью одержим,
Смеется и глумится мир над ним!

Он молвил слово нежно и светло,
Что луноликую с пути свело.

Сказал: «О сребротелая луна,
Подобно кипарису ты стройна!

Не упрекай того, кто изнемог,
Его судьей да будет только бог.

Сокрыты от людей дела судьбы,
Мы промысла всевышнего рабы.

Не упрекай меня за прегрешенье:
Быть может, таково судьбы решенье.

Меня в проступках прежних не вини:
Минувшие не возвратятся дни.

Прошу я, помоги моей надежде,
Не вспоминай о том, что было прежде.

Вчера прошло, — сегодня ты живи,
Сегодня я хочу твоей любви.

Она мне так нужна, так драгоценна:
Ты мне поможешь вырваться из плена.

Приди ко мне, как к небесам луна,
Приди, ко мне, как к цветникам весна,

Ты стань моей мечтою наяву,
И буду я твоим, пока живу,

Свою любовь ты подари царю, —
Свою любовь луне я подарю.

Сияй, на счастье мне, сквозь мглу ночную, —
Тебе на счастье царствовать начну я!

Все принесу тебе, чем я владею,
Захочешь жизнь? Ее не пожалею!

В одной тебе души моей лекарство,
У ног твоих мое да будет царство!

Клянусь: когда с тобой вступлю в союз,
То навсегда с тобой соединюсь!

Пока цветут сады в своем уборе,
Пока Джейхун и Тигр стремятся в море,

Пока обитель рыб — вода речная,
Пока есть солнце дня и тьма ночная,

Пока на небе звезд видны кочевья,
Пока есть горы, долы и деревья,

Пока прохладой веет из ущелий,
Пока пасутся в зарослях газели, —

Моей ты будешь, буду я твоим,
Свою любовь друг другу предадим!

Другую не приму в свои объятья,
А ту, что раньше знал, не стану знать я.

Коварной Вис унижен, оскорблен,
Забуду я, что был в нее влюблен».

Сказала Гуль: «К чему тенета эти?
Не попаду я в колдовские сети.

Нет, я не из таких, и я не стану
Внимать и верить сладкому обману.

Мне от тебя не надо ни державы,
Ни власти, ни величия, ни славы,

Ни войск, что подчиняться мне должны,
Ни жемчугов, ни тронов, ни казны.

Одним лишь я охвачена стремленьем:
Всегда покорной быть твоим веленьям,

Идти, как за владыкой, за тобой,
Тебе, царю, послушной быть рабой.

И если будешь верен мне, Рамин,

Возлюбленный супруг и господин, —

Верна тебе, любить я буду верно, —
Так верно, как никто досель, наверно!

Приди ко мне, развею твой дурман,
Не возвращайся больше в Хорасан.

Пойми, что нет к колдунье Вис возврата:
Как можно мужем быть супруге брата?

Забудь о ней, оставь ее в покое,
Не зарься больше на добро чужое.

Дай клятву мне, что страсть твоя прошла,
Что не пошлешь к любовнице посла, —

Тогда сольемся для любви большой, —
Две головы с единою душой».

Рамин, в ее словах увидев свет,
Без слов красноречивый дал ответ.

Он принял договор и, с ней вдвоем,
Отправился к розовотелой в дом.

Когда вступил с любимой в дом Рафеда,
Настали в доме праздник и беседа.

Пред ними, что сияли солнца краше,
Рассыпали с жемчужинами чаши,

Одели стены в бархат и атлас,
Казалось, амбра по земле лилась.

СВАДЬБА РАМИНА И ГУЛЬ

Когда Рамин поклялся Гуль в вечной верности, во дворце Рафеда была устроена пышная свадьба, на которую были приглашены со всех земель вельможи.

ГУЛЬ СЕРДИТСЯ НА РАМИНА

Веселью целый месяц предавались,
Вином, човганом, лютней забавлялись.

Но вот вельможи двинулись назад,
И свадьбы опустел весенний сад.

В Гурабе поселились Гуль с Рамином,
Уединились во дворце старинном,

И роза озарила свой чертог,
Себя украсив с головы до ног.

Сверкали грудь, и жемчуг ожерелий,
И те глаза, что на нее смотрели!

Ее ланиты — словно сон во сне,
Ее сережки — как весна в весне.

Казались томные глаза черней
Прелестных негритяночек — кудрей.

Ее глаза подведены сурьмой,
А кудри спорят с амброю самой!

И косы разукрашены, и брови,
Рубиновые серьги ярче крови.

Сказал бы, на ее взглянув ланиты:
У розы ныне лепестки раскрыты!

Ее ланиты — юности цветник,
Ее уста — живой воды родник,

Лицо сравни с кумирнею Китая,
Ладони хрусталю уподобляя!

Рамин, увидев эту красоту,
Увидев розу юную в цвету,

И облачко кудрей, и, с блеском жгучим,
Сережки-звезды в облачке пахучем,

И две косы, чья смоль благоуханна,
И две ее ланиты — два тюльпана,

Увидев грудь и шею в жемчугах, —
Иль то была роса на лепестках? —

Уста — рубин, в котором дар словесный,
И рот — цветок, чуть видный, но прелестный,

И украшения, — а мы поймем,
Что это звезды появились днем, —

Сказал: «Луна нам светит тускло, слабо, —
Ее затмила ты, луна Гураба!

Ты для моей больной души — бальзам,
Сияешь ты, как Вис, моим глазам,

Прекрасна ты, как Вис: уста — рубины,
А грудь — как яблочка две половины!»

Но с гневом Гуль в ответ произнесла:
«О, ты воистину — источник зла!

Твой разговор никчемный непристоен,
Так не ведут себя ни царь, ни воин.

Что общего меж мной и Вис проклятой,

Для блуда в блуде мерзостном зачатой?

Ее наперсница, колдунья, сводня, —
Кормилица пускай умрет сегодня!

Ты из-за них, у похоти во власти,
Познал позор, бесславье и напасти.

Ты из-за них всегда несчастен сам
И счастья не даешь своим друзьям.

Из-за кормилицы, как сумасшедший,
Не внемлешь ты разумной, доброй речи».

РАМИН ПИШЕТ ПИСЬМО ВИС

Чтобы загладить свою вину перед Гуль, Рамин пишет письмо Вис, в котором он отрекается от прежней любви, бранит Вис и гордится тем, что нашел свое счастье с красавицей Гуль. Гонец вручает это письмо Мубаду, и шах с удовольствием передает Вис послание Рамина. Вис притворяется, что письмо ее обрадовало, но в действительности она в отчаянии. Кормилица не в силах ее утешить. Тогда Вис пишет Рамину письмо, полное упреков, но просит, чтобы Рамин, у которого теперь «золотая» Гуль, не забывал ее, «серебряную» Вис. Кормилица берется доставить это письмо Рамину и вернуть Вис его любовь.

КОРМИЛИЦА ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ГУРАБ К РАМИНУ

Кормилица помчалась как стрела:
Она в Гураб дорогу избрала.

Ей утром встретился беды виновник,
Неверный, переменчивый любовник.

Скакал он за онаграми, как лев,
Он вепрей убивал, рассвирепев,

Настигла антилоп его свирепость,
Вокруг него воители, как крепость.

Так много стрел в добыче той богатой,
Что ты сказал бы: стала дичь пернатой!

В степи — собаки, в небе — сокола,
Смотри: земля в движение пришла!

Бег на земле, а на небе — полет,
Земля в пуху и в перьях небосвод.

Убитым ланям тесно среди гор,
И стелется кровавых туш ковер.

Рамин взглянул на мамку так сердито,
Что скажешь: словно дичь, она убита!

Он не спросил о трудностях дороги,
О милой Вис, томившейся в тревоге,

А крикнул: «Да погибнешь ты бесследно,
Злосчастна ты, злокозненна, зловредна!

Я много раз познал твои обманы,
Из-за тебя безумным стал, как пьяный,

Ты вновь сюда пришла, как сатана,
Чтоб стала вновь моя судьба темна.

Но мне страна, где ты живешь, отвратна,
Коня теперь не поверну обратно.

Пришла ты, чтоб злодействовать опять, —
Тебя отсюда следует прогнать!

Вис от меня скажи: «Чего ты хочешь?
Зачем себя, да и меня порочишь?

Иль мало зла творила до сих пор?
Иль тяжкий недостаточен позор?

Давно пора сойти с пути разврата,
Покаяться и бога помнить свято.

Мы оба выбрали стезю дурную
И молодость растратили впустую.

Мы оба обесславлены с тобой,
Разбиты и раздавлены судьбой.

Иль дальше ты пойдешь путем без чести?
Ступай одна, а не со мною вместе!

Пусть близки были б мы еще сто лет, —
Какой, скажи, оставили бы след?

Я стал другим, я мудрым внял советам,
Я с господом связал себя обетом,

Поклялся вечным солнцем и луной,
Всем лучшим на поверхности земной:

«Когда на то не будет божьей воли,
Искать свиданья с ней не стану боле:

Тогда лишь с ней могу я быть вдвоем,
Когда над Махом сделаюсь царем.

Но кто поймет судьбы круговорот,
Но сколько лет до той поры пройдет?

То не о нас ли сказаны слова:
«Жди, ослик, чтобы выросла трава!»

В реке немало утечет воды,
Покуда ожиданье даст плоды.

Напрасно я надеюсь и тоскую:
К чему надежда на жену чужую?

Да если б солнце ждало столько лет,
То даже у него померк бы свет!

В пустых надеждах молодость промчалась.
Где жизнь моя? Прошла. Какая жалость!

Ужель недавно был я молодым?
Надежды улетучились как дым!

О молодость, ты, как парча, блестела,
Подобно скалам, крепким было тело,

Ты, молодость, была, как сад густой,
Весенний сад, сверкавший красотой.

Но страсть опустошила сад весенний,

И красота увяла от мучений.

Весна в цветник приходит каждый год, —
Ко мне уже ни разу не придет.

Прошли те дни, — прошли тревожно, шумно,
Когда я тратил молодость бездумно.

Как осень не встречается с весной,
Так молодость не встретится со мной.

Кормилица, нам хватит вздор молоть,
Не станет юной старческая плоть!

Скажи ты Вис: «Взгляни с умом вокруг, —
Всего нужнее женщине супруг.

Велик создатель: благость обнаружа,
Тебе хорошего послал он мужа.

Так пусть он будет у тебя один,
Пореже вспоминай других мужчин!

Стань добродетельной, гони пороки,
И заблистает твой удел высокий.

Тебе я буду братом, шах — супругом,
Слугою — мир, а счастье — верным другом.

Прославишься, владычица, тогда,
Твой жребий возвеличится тогда!»

Сказав, он отвернулся, гневнолицый,
И мир для мамки стал темней темницы.

Рамин ее ничем не обнадежил,
Он только боль обиды приумножил.

Вернулась восвояси с неудачей,
С разбитым сердцем и душой незрячей.

И если так тяжка из-за Рамина
Была седой кормилицы кручина,

Представь себе страданья Вис несчастной,
Когда ей стал врагом любовник страстный.

Она любовь посеяла смиренно, —
Взошли неверность, ненависть, измена.

Лицо — во прахе, в сердце — вихрь ненастья,
А слезы — как посланники несчастья.

Письмо подруги было меда слаще,
Его ответ — остер, как меч разящий.

Бесчестья гром из тучи прогремел, —
И хлынул ливень ядовитых стрел.

Оковы зла сковали сердце Вис,
Туман обид над цветником навис,

Самум тоски ей смертью угрожал,
Неверности пронзил ее кинжал.

Тогда в постель свалил ее недуг:
Сей кипарис был с корнем вырван вдруг,

И было этой мученицы ложе
На сад, одетый желтизной, похоже.

Огорчены, вокруг ее постели
Из жен вельмож знатнейшие воссели.

Одни твердят, что дивы здесь виной,
Другие обвиняют глаз дурной.

Искали травы, зелья день и ночь,
А не могли страдалице помочь.

Одни твердят: «Помогут развлеченья».
Другие: «Отдых нужен для леченья».

Врачи и мудрецы из Хорасана
И звездочеты спорят неустанно:

«Причина есть, — луна в созвездье Рака!»
«В созвездье Овна блеск ее, однако!»

Но объяснения дают свои
Гадалки, знахарки, ворожеи:

«Ее околдовали злые духи!»
«Ее колдуньи сглазили, старухи!»

Увы, никто не разгадал вокруг,
Откуда он, каков ее недуг.

Никто не знал, что есть одна причина,
Что Вис грустит затем, что нет Рамина,

Что, с ним не в силах вынести разрыва,
Она, страдая, плачет молчаливо.

Лишь отойдет от ложа шаханшах, —
Унынье слышится в ее речах.

Столь были жалобны слова печали,
Что слушавшие слезы источали:

«Зачем не внемлете моим словам?

Влюбленные, они помогут вам!

Пусть мой пример от горя вас избавит:
Любовь страшна, она сердца кровавит!

Лишь издали вы на меня смотрите,
А если близко сядете, — сгорите!

Недаром пламя в сердце у меня:
Я — трут, а сердца друга — из кремня!

Простительны моя тоска и крики:
Увы, узнала я обман великий.

Я другу раны сердца показала,
Любовь к нему всю душу истерзала,

Но прежний друг моих возжаждал слез,
Сто новых ран он в сердце мне нанес,

Наполнил душу мне тоской и смутой,
Теперь любимый мой — мой недруг лютый!

Не я ль ему дарила без опаски
Все в мире существующие ласки?

Напрасно эти ласки я дарила
И тайну сердца перед ним раскрыла!

Я сеяла любовь, — беда взошла.
За похвалы мне от него хула.

Но если мне любимый как чужой,
Зачем скорблю измученной душой?

Боролась я с судьбой, но только чудом
Вы камень с хрупким свяжете сосудом.

Была я сердцем в той борьбе слаба,
И вот — во мраке сердце и судьба.

Надеюсь, что недуг меня убьет:
На сердце, как скала, тяжелый гнет.

Из всех несчастий выберу, измучась,
Одну лишь смерть: она — несчастных участь.

О, если милый мой теперь с другой, —
Одна лишь смерть мне принесет покой!»

Мушкина позвала к себе царица,
Спеша ему, советчику, открыться.

Сказала: «Кто, поведай, из мужчин
Так низок и коварен, как Рамин?

Ждала ли, что изменит мне злодей?
На ногте волос вырос бы скорей!

Но кто же знал, что есть вода в огне,
Что яд в сладчайшем заключен вине!

Меня ты помнишь честной и стыдливой,
Царицей скромной и благочестивой,

А ныне чем гордиться я могу?
Противна я и другу и врагу!

Нет, не царица больше я в державе,
О благочестье я мечтать не вправе.

Не в силах уважения достичь я,
Искать не вправе царского величья!

Мой дух и тело, мысли и дела
Навеки я Рамину отдала!

Одни лишь знала радости и муки —
Восторг свиданья и тоску разлуки.

Да если б тысячью сердец владела, —
Рамину посвятила б их всецело!

Он часто огорчал меня, глупец,
А ныне уничтожил наконец.

Он часто ветви с дерева срывал,
А ныне ствол срубил он наповал.

Так много причинил он мне обид, —
Теперь мой дух изменником убит.

Ушел он, предо мною согреша, —
И обессилена моя душа.

Меня мечом вражды он обезглавил,
Копьем разлуки сердце окровавил.

О, как мне, обезглавленной, дышать,
Измученной, раздавленной, — молчать?

Наглец, он пишет мне пером досужим,
Что полюбил другую, стал ей мужем.

Лелеяла я розу в цветнике,
Но плачу от колючек вдалеке.

Кормилицу прогнал охотник злой:
Ее, как дичь, Рамин пронзил стрелой,

Как будто не был с ней знаком доныне,

Забыл ее заботы о Рамине.

Теперь, когда грозит мне смерти меч,
На смертный одр меня принудив лечь,

Мушкин, прошу я, напиши с добром
Письмо Рамину мускусным пером.

Горю в огне и в холоде я стыну, —
Так обо мне ты напиши Рамину:

В словесности достиг ты мастерства,
Умеешь складно сочетать слова.

Уговори Рамина возвратиться, —
Тебе рабыней стану я, царица!

Мушкин, ты мудр, а слово мудреца
Увлечь способно юные сердца».

Чтоб мудростью напитанные строки,
Как мускус, восхитили мир широкий,

Мушкин Рамину отослал посланье, —
Несчастной Вис томленье и пыланье.

ПИСЬМА ВИС К РАМИНУ

Одно за другим отправляет Вис Рамину десять писем, сочиненных Мушкином. Вис умоляет возлюбленного о свидании. Эти письма отвозит Рамину гонец Азин. В ожидании ответа Вис тоскует и причитает.

РАМИН РАСКАИВАЕТСЯ В ТОМ, ЧТО ЖЕНИЛСЯ НА ГУЛЬ

Шли дни. С женою сочетался витязь.
Но заскучал, прекрасной Гуль пресытясь.

Увял цветник лобзаний молодых,
И ветер обладания затих.

Сломался крепкий лук недавней страсти,
Копье любви рассыпалось на части.

Поблекла и влюбленность, — так вода
В источнике мутнеет иногда.

Те дни сначала были для Рамина
Как бы струей из чистого кувшина.

Гуль — как вино. Он пил вино в веселье, —
Так много выпил, что пришло похмелье.

Всегда стремится пьяница к вину,
И дни и ночи тянется к вину,

Но вот пиры и кубки надоели, —
И жажда хмеля умирает в теле!

Ему вино претит, а заодно —
Все в мире, что похоже на вино!

Рамин свой кубок осушил. Все чаще
Пред ним рождался облик Вис манящий.

Однажды он помчался в степь со свитой.
Расцвел весною мир, зарей облитый.

Тюльпаны пламенели в забытьи,
Среди ветвей звенели соловьи.

Фиалки были красны, желты, сини, —
Как бы парча пестрела на равнине.

Один из слуг, чьи щеки — ярче роз,
Богатырю фиалки преподнес.

И вспомнил давний день Рамин беспечный,
Когда он Вис в любви поклялся вечной.

Тогда сидела Вис на царском троне,
И нежны были очи и ладони.

Дала фиалки в дар, сказала жарко:
«Ты моего не забывай подарка!»

И предал он проклятью час измены.
Ужель клятвопреступник он презренный?

Все в мире опостылело ему,
Казалось, погрузился мир во тьму.

Не видел он, что этот мир — цветник:
Горело сердце, дым в глаза проник!

Весенний дождь пролился в первый раз:
То кровь Рамина хлынула из глаз.

Недаром дождь в ту пору хлынул рано:
Душа Рамина — как сплошная рана.

Когда ты видишь облако весной,
Пойми, что дождь начнется проливной.

Когда свою измену стал он клясть,
Вновь к милой Вис в душе возникла страсть.

Ты скажешь: солнце страсти, в миг блаженный,
Явилось из-за облака измены,

Но, выйдя из-за облака, оно
Еще сильнее жгло, раскалено.

Затосковав, Рамин отстал от свиты.
Лишились цвета прежнего ланиты.

Сошел с коня среди степной глуши.
Ушел покой из тайников души.

Сказал: «Зачем душа моя больна,
Как пьяница, что гибнет без вина?»

Судьбу, и время, и его законы
Он проклинал, страданьем омраченный.

Друзья, родные вспомнились Рамину,
Он проклял ненавистную чужбину

Из-за того, что нет любимой с ним,
И стал он чужд всем близким и родным.

Он снова был пылающим влюбленным
И вел беседу с сердцем опаленным.

«Какое ты чудное, право, слово!
Я, как Меджнун, лишен родного крова.

Ты отличить, нетрезвому подобно,
От красоты уродство не способно!

Не отличишь, где лето, где зима,

В пустыне видишь сад, сойдя с ума,

И для тебя, невежды, все едино, —
Что шелк блестящий, что сухая глина.

К любви приравниваешь самовластье,
Как высший разум, ценишь сладострастье.

Тебя ведет к измене безрассудство
И к нарушенью верности — распутство.

Для скорби — обиталищем ты стало,
Для войск беды — ристалищем ты стало,

В тебе живут печаль, тоска, забота,
Что пред надеждой заперли ворота.

Ты отреклось в Гурабе от любви.
Ты, мертвое, сказало мне: «Живи!»

О нет, не ты, а я мертвецки пьян:
Без парусов пустился в океан.

«В другую, — мне твердило ты, — влюбись
И сердце оторви от милой Вис.

Не бойся: помогу тебе разлуку
Перенести, — я знаю ту науку.

Любимую покинь, стремясь к добру, —
Я для тебя другую изберу».

Так утешало ты меня, а ныне
Я в пламени горю, тону в пучине.

Ты говорило: «С нею ты порви».
Порвал, а не забыл своей любви!

Твердило: «Вверх взлетишь, уйдя от Вис», —
И вот меня безумье свергло вниз.

Нет, я напрасно внял твоим приказам,
Чтоб угнетал мою любовь твой разум!

Лишь твоего я жаждал одобренья,
Но я и ты, — достойны мы презренья.

Мечтал, — меня избавишь от страданий.
И что же? Оказался я в капкане!

Как птенчик глупый, ты нашло зерно,
Не зная, что в силки ведет оно.

Смотри, мою ты обмануло душу:
Лишь недруг ждал, что клятву я нарушу!

Зачем внимал твоим дурным советам?
Зачем покончил со своим обетом?

Невежда, по заслугам я наказан,
Я по заслугам цепью горя связан,

Познал я по заслугам стыд и срам:
Светильник сердца погасил я сам.

Познал я по заслугам гнев людской:
Я счастья ветвь сломал своей рукой.

Я — словно лань, попавшая в силок,
Я выброшен, как рыба, на песок.

Себе же яму вырыл я, невежда, —
Низвергнута в нее моя надежда.

Прощенье сердцу разве я найду
У той, чье сердце я поверг в беду?

Что мне солгать, измыслить, чтобы вновь
Разжечь ее остывшую любовь?

Будь проклят день, когда я страсть посеял,
Но по ветру я сам ее развеял!

Страсть победила, слабого, меня, —
С тех пор не знаю радостного дня.

То я скитаюсь по чужому краю,
То, обезумев от любви, сгораю.

Нет счастья для меня на этом свете, —
Для мук таких пусть не родятся дети!»

Так причитал Рамин, отстав от свиты,
Так плакал, прахом бедствия покрытый.

Подкравшись сзади, стал Рафед внимать
Словам, что изрекал несчастный зять.

Рамин-безумец тестя не заметил:
Кто полюбил, тот разумом не светел!

Но слышал все его слова Рафед.
Он подошел и произнес привет.

Спросил: «Зачем ты, светоч славных, стонешь,
Как будто ты кого-нибудь хоронишь.

Тебе какого дара не дал бог?
Иль ты от злобы дивов изнемог?

Ты разве не глава богатырей?

Ужель твой брат — не солнце всех царей?

Хотя еще не сел ты на престол,
Ты всех владык величьем превзошел.

Зачем же думаешь о всяком вздоре,
Зачем свой день оплакиваешь в горе?

Ты молод и могуч, как властелин.
Чего еще тебе желать, Рамин?

Ты на судьбу не жалуйся напрасно,
Чтобы она не стала впрямь несчастна.

Кто шелковой подушкой пренебрег,
На прахе пусть лежит среди дорог!»

Рамин промолвил горестное слово:
«Увы, здоровый не поймет больного!

Моим стенаньям внемлешь, как глухой,
Мою болезнь считая чепухой.

Какое счастье жить вблизи родных,
Какое горе быть вдали от них!

Сорви одежду — вздох услышишь ткани,
Отрежь лозу — услышишь боль страданий,

А я, живой, ужели меньше значу?
Из-за разлуки с близкими я плачу!

Тебе в Гурабе каждый — сын и родич,
Ты у себя, не по чужбине бродишь,

Всем по сердцу, ты всей стране знаком,
А я для всех остался чужаком.

Пусть чужеземец — господин, владелец,
А все-таки тоскует, как пришелец.

Не надо мне чужих, богатых стран,
Мне родина — как снадобье от ран.

Здесь много светлых радостей вокруг,
Но мне милей один старинный друг.

Хочу я долг исполнить человечий,
Поэтому хочу я с другом встречи!

Порой тебе завидую до боли:
Ты странствовал, охотился ли в поле,

В счастливый час приехал ты домой, —
Жена, и дети, и родня — с тобой.

Воистину чудесные мгновенья!
В одной цепи вы связаны как звенья.

Все бегают, смеясь, вокруг тебя,
Отца, супруга, родича любя.

А для меня твоя страна — чужбина:
Ни близких, ни возлюбленной, ни сына!

А был и я владельцем тех даров,
Знавал и я подругу, отчий кров,

От близких столько видел я добра...
Какая светлая была пора!

Пора, когда любовь меня связала,
Когда меня подруга так терзала!

То был ее нарциссами обижен,
То был ее тюльпанами унижен,

Но что теперь, когда мой дух скорбит,
Милей мне прежних болей и обид?

Прикусывал я в ярости губу
И все-таки благодарил судьбу!

О, эти примиренья после ссоры,
Вслед за насмешкой — ласковые взоры!

О, поцелуи с клятвами в придачу,
Прелестный гнев, предшествовавший плачу!

О, счастье — каждый день по двести раз
Благодарить творца за каждый час!

О, неожиданные перемены —
То стон унылый, то восторг блаженный!

О, счастье — каяться, что виноват,
И тысячу похвал воздать подряд!

То кудри ей погладить в тишине,
То пояс дать ей завязать на мне...

А если не откинет покрывало, —
В тот день, как пленник, я томлюсь, бывало.

Но этот день, как незакатный свет,
Прощенье возвещал за гневом вслед.

Трепещущий, страшился я не раз
Цветов ее ланит, нарциссов глаз.

Но что нарциссов нежные угрозы?

Но разве могут быть врагами розы?

Нарциссы ранят, полные причуд,
А розы утешенье принесут!

Я шел среди тюльпанов и жасминов,
Я пил вино, все горести отринув.

Помимо страсти, я не знал занятья,
Лишь для любимой раскрывал объятья.

Так было, — и живи любовью этой,
Так было, — и не жалуйся, не сетуй!

Вот мой рассказ о днях испепеленных.
Я самым был счастливым из влюбленных.

Казался лик ее горою роз,
Амбаром амбры веяло от кос.

То я вином, то ловлею волнуем,
То счет теряю жарким поцелуям.

То вдруг решу: я больше не влюблен,
Любовью я унижен, оскорблен,

Но счастлив был, — всю правду я открою,
Хотя и горько сетовал порою.

Но горе в том, что горя нет былого,
Скорблю о том, что не скорблю я снова!»

ГУЛЬ УЗНАЕТ О ТОМ, ЧТО РАМИН ЕЕ РАЗЛЮБИЛ

Рафед, едва вернулся он с охоты,
Не скрыл от дочери своей заботы.

Сказал: «Я в душу заглянул Рамину,
Сорвал я с вероломного личину.

Ты можешь быть ему женой примерной,
Любить его любовью вечной, верной,

Но он змея, чье смертоносно жало,
Он волк: его клыки — острей кинжала.

На горьком древе горькие плоды
От сладкой не изменятся воды!

Сто раз соедини свинец и медь,
А золота не будешь ты иметь.

Сто раз ты лей смолу в огонь, — смола
Не будет все ж, как молоко, бела.

Живи Рамин как честный человек —
Он сохранил бы верность Вис навек.

Но если Вис он предал и Мубада,
То и тебе водиться с ним не надо:

Он, пресыщаясь, алчет перемены,
Как лев жестокосердый и надменный.

Ты по неведенью, других не зная,
С ним сочеталась, дочь моя родная!

Искать его любви и доброты —
Что на сухом песке сажать цветы.

Неверного зачем ты приласкала?
Иль в опиуме сахар ты искала?

Но если так случилось, и всевышний
Так предсказал, — то жалобы излишни!»

...Рамин с охоты прискакал домой,
Пронзен любовью, словно лань — стрелой.

Он, загнанный как дичь, нахмурил брови,
Казалось, что глаза — источник крови.

На пиршестве с поникшей головой
Сидел он — будто бы мертвец живой.

С ним рядом — Гуль, чьей прелести — хвала,
Что ярче всех кумиров расцвела.

Она стройна, как тополь молодой,
Но в нем огонь, что не залить водой.

Светла, как двухнедельная луна,
Которая, как лилия, нежна.

Всех обжигают щеки чаровницы,
Как стрелы, поражают всех ресницы.

Но был Рамину лик ее не нужен,
Как мертвецу не нужен клад жемчужин.

То был не человек живой, а тело:
Жить без любви душа не захотела!

Он полагал, что никому вокруг
Не видно, что гнетет его недуг,

Страдал он, вспоминая о любимой,
И говорил себе, тоской томимый:

«Как хорошо с возлюбленной вдвоем,
О юность, на пиру сидеть твоем!

А этот пир — уныньем напоен,
Он для меня мрачнее похорон.

Наверно, думает моя жена,
Что радости душа моя полна, —

Не знает Гуль, что втайне боль сокрыта,
Что сердце бедное мое разбито.

А Вис, наверно, думает сейчас,
Что все забыл я, с нею разлучась, —

Не знает Вис, что я горю в огне,
Что к ней любовь сильней любви к жене.

Мне кажется, что Вис я слышу речи:
«Неверный скрылся от меня далече,

С другой сейчас он делит нежный жар,
Шумит в его душе любви базар!»

Не знает Вис, что я — пусть люди вздрогнут! —
Как завиток ее кудрей, изогнут.

Судьба, куда ведешь меня, куда?
Скажи, что мне сулишь, моя звезда?

Хочу взглянуть на тополь благовонный,

На месяц, даром речи одаренный.

Нет в мире угнетателей, ей равных,
Нет равных мне среди рабов бесправных!

Я ствол, что молнией стыда расколот,
Я сталь: меня дробит страданья молот.

Я снег: я таю от ужасных зол.
Зачем же груз тащу? Иль я осел?

Пойду и жемчуг в руднике найду:
Развею, может быть, свою беду.

Недуг мой в том, что нет со мной подруги,
Я буду с ней — забуду о недуге.

Что за болезнь, когда ее причина
Одна лишь может исцелить Рамина!

Она — моя болезнь, мое здоровье.
Чтоб жить, нужна мне встреча: вот условье!

Зачем вести со счастьем вечный бой?
Зачем с собой бороться и с судьбой?

Зачем от лекаря мне прятать рану?
Скрывая рану, я слабее стану!

Нет, больше с сердцем ссориться не буду,
Я тайну сердца разглашу повсюду.

В разлуке я тону, как в водоверти:
Спор с сердцем для меня — предвестник смерти.

Пойду и ей скажу то, что скажу:
Разжалоблю, быть может, госпожу.

Но страшно мне идти с такою раной:
А вдруг умру на полпути к желанной?

Но пусть умру, — я должен к ней идти,
Чтоб умереть на радостном пути.

В могиле на краю дороги лягу, —
Пусть знает мир, как я стремился к благу.

Присядет у моей могилы странник,
Мой прах слезами оросит изгнанник,

И, огорчен мученьями моими,
Добром несчастного помянет имя:

«Убит разлукой, здесь лежит скиталец.
Да будет принят господом страдалец!»

Всегда скиталец со скитальцем дружит,
Один другому памятником служит,

Им доля незавидная досталась,
И чувствует один к другому жалость.

Мне смерть тогда лишь принесла бы стыд,
Когда б врагом при бегстве был убит,

Но смерть из-за возлюбленной по праву
Мне принесет величие и славу.

Слонов и львов я побеждал не раз.
Я подвигами воинов потряс.

Я уничтожил недругов немало,
И мощь моя леса дружин ломала.

Судьба склонялась пред моим копьем,
А небосвод был под моим конем.

Что я творил с врагом, влеком войной,
Сейчас разлука делает со мной.

Я в плен захватывал врагов суровых, —
Теперь я сам в плену любви, в оковах.

Смерть не настигла бы меня, когда б
В разлуке я в тенетах не ослаб.

Не ведаю, что ныне предприму.
Как мне уйти отсюда одному?

Уйти без войска, тайно, а иначе
Не будет на пути моем удачи.

Как только с войском двинусь я назад,
Проведает об этом шах Мубад,

Меж мной и Вис поставит вновь преграды, —
Не будет мне на родине отрады.

Но страшно одному в такую пору:
Снег серебром покрыл и дол и гору,

Размыты все пути в степях теперь,
И спрятались и дичь и хищный зверь.

Завьюжена, заснежена столица.
Камфарноцветный дождь шумит, струится.

Как я один отправлюсь в путь далекий
Сквозь вихрь и снег, в такой мороз жестокий?

Но если Вис враждебна, — это хуже

Тяжелого пути и лютой стужи.

Вдруг не увижу Вис и не услышу,
Не выйдет луноликая на крышу,

Ворота предо мною не откроет,
Не исцелит меня, не успокоит!

Останусь я за дверью в день холодный,
Останусь без надежд, с душой бесплодной.

Увы, мой меч, и стрелы, и аркан!
Увы, отвага, имя, знатный сан!

Увы, мой конь и бранные доспехи!
Увы, друзья и ратные успехи!

Сложилась так судьба моя сейчас,
Что помощи я не прошу у вас.

Нет, не страшат меня мечей удары,
Мне не грозят ни шахи, ни кайсары, —

Мне страшен лик, отнявший мой покой,
Грозит мне сердце гневом и тоской.

Как это сердце я смягчу теперь?
Как я раскрою запертую дверь?

Но сердцу своему скажу: «Доколе
Ты будешь ныть и мучиться от боли?

Всех приласкать стремишься, позабавить
И лишь меня, меня в огне расплавить!

То будто я в воде, а то в огне.
Тоскую днем, не спится ночью мне.

Не для меня — сады, опочивальни,
Ристалища не тешат дух печальный.

Я не могу по полю мчаться вскачь,
Я не могу играть с друзьями в мяч,

Я не могу сражаться ради славы,
Я не могу ценить пиры, забавы,

Я не могу собрать вельмож и знать,
Я не могу красавицам внимать.

Не песен, не сказаний древних строки, —
Я слышу день и ночь одни упреки.

В Кирмане, Хузистане, Кухистане,
В Табаристане, Рее, Хорасане, —

Я притчей во языцех стал везде,
Везде толкуют о моей беде.

Рассказы о моей злосчастной доле
Услышишь у реки, в широком поле.

В горах слагают обо мне стихи,
В степях заводят песню пастухи.

Мужчинам на базаре, женам — дома, —
Всем повесть о любви моей знакома.

Меня посеребрила седина,
Разлукою душа омрачена, —

Я разлучен с кумиром черноглазым,
Ушли мое терпенье, сон и разум.

Я пожелтел, как золотой динар,
Я ослабел, как будто стал я стар,

Пяти шагов не пробегу, а лук
Из обессиленных роняю рук.

Я думаю, садясь на скакуна,
Что надломилась у меня спина.

Иль стал мой стан железный — восковым,
А мой кулак гранитный — шерстяным?

Как я, мой конь в конюшне стал старее,
А был онагра быстрого быстрее.

Я с барсами не мчусь по следу дичи,
Я с соколами не ищу добычи,

Я с юными гребцами не борюсь,
Я бражников осилить не берусь.

Ровесники мои живут, не тужат,
То скачут на конях, то с негой дружат,

Милы одним красавицы в саду,
Другие склонны к ратному труду,

Одним нужны забавы и веселье,
Другим — домашний труд и земледелье.

А я? Я к жизни потерял охоту,
Удача никнет, погрузясь в дремоту.

Я — с застоявшейся водой колодец,
Плутающий по лесу полководец!

Нет у меня подушки, одеяла,

Мне грубая циновка ложем стала.

То я блуждаю с дивами в пустыне,
То в камышах лежу со львом в лощине.

Я в бренном мире был разлукой мучим,
И ждет меня бесчестье в мире лучшем.

Меч подняла разлука между мной
И радостью загробной и земной.

Другим — покой и свет, а мне — могила:
Отверг я все, что было сердцу мило.

Пленен любовью, я попал в тюрьму.
Чтоб вырваться, где силы я возьму?

О сердце, погаси свой пламень — или
От страсти я сгорю в твоем горниле!

Подумай о своем поступке глупом:
И ты умрешь, когда я стану трупом!

Ты хочешь стать, о сердце, горсткой пепла?
Ты от любви озлобилось, ослепло,

Полно тоски, невежества и яда, —
Такого сердца никому не надо!»

Так рассуждал Рамин, сей пленник горя,
И сердце он разбил, с ним жарко споря:

Как курица, в чье горло сталь вонзилась,
Оно в предсмертных судорогах билось.

Был для Рамина тяжек скорби груз,
И он покинул пир, как битву — трус.

Сошел Рамин с престола золотого
И сел на верного коня гнедого.

Он выехал из городских ворот, —
Ты скажешь, что пустился конь в полет!

А всадник, от высоких гор и скал,
По направленью к Мерву поскакал.

АЗИН ПРИБЫВАЕТ ПОСЛОМ ОТ ВИС К РАМИНУ

Прекрасен ветер, веющий с востока!
Он запах роз приносит издалека.

Хирхиз, Фансур и Самандар дарят
Зефир, в котором амбры аромат.

Люблю, восток, твое благоуханье,
Но если в нем — красавицы дыханье, —

Оно свежее запаха полей,
Приятней амбры, мускуса милей!

Не так душисты роза и нарцисс,
Как животворное дыханье Вис.

Рамин подумал: «Не зефир колышет
Цветы садов, а мир любимой дышит!

Подобен москательной ветерок,
Покинувший возлюбленной порог:

В нем — благовест любви неколебимой,
В нем — чистое дыхание любимой».

Он долго ехал по степи один,
Как вдруг явился перед ним Азин.

Рамин, посланца издали узнав,
К нему навстречу поскакал стремглав.

Сошел с коня посланец неустанный, —
Был этот конь — как слон Тохаристана!

Азин, достойный блага и похвал,
Перед Рамином прах поцеловал.

Принес он запах амбры и алоэ, —
Нет, госпожи дыханье молодое!

Как будто засияла вся равнина,
Когда предстал Азин глазам Рамина.

Смотрели друг на друга с восхищеньем:
Так радуется тополь дням весенним.

Они коней стреножили в веселье
И посреди степи на травке сели.

Азин расспрашивал Рамина много:
Здоров ли? Тяжела ль была дорога?

Затем вручил он то, что Вис послала:
Ее письмо, платок и покрывало.

Рамин, посланье увидав, сперва
Затрепетал, как лань при виде льва.

Дрожали руки у него и ноги,
В беспамятстве свалился у дороги.

Как в лихорадке он затрясся вдруг,
И выпало письмо из слабых рук.

Когда письмо прочел и взял платок, —
Из глаз Рамина хлынул слез поток.

То повторял слова, что Вис писала,
То прижимал он к сердцу покрывало,

То мускусом дышал он одеянья,
То буквы целовал ее посланья.

В его глазах две тучи родились, —
И яхонты и перлы полились.

Проникла в сердце молния из глаз,
Зажглось и сердце, и душа зажглась.

То яхонты струятся из очей,
То в сердце пламя жжет все горячей.

То плакал, то вздыхал, как сумасшедший,
То умолкал, лишившись дара речи,

То навзничь падал, зарываясь в прах,
То без сознанья корчился в слезах.

Когда ж к нему рассудок возвращался,
Раскрытой раковиной рот казался.

Он говорил: «Судьба моя мрачна!
Она лишь горя сеет семена!

Я с кипарисом разлучен сурово,
А без него на свете нет мне крова.

Я с ярким солнцем разлучен судьбой,
А мой приют — над высью голубой.

Я разлучен с красой неумолимой,
А мне нужны, как жизнь, слова любимой.

Но вместо слов она письмо прислала,
Взамен себя — платок и покрывало.

В ее письме мне счастье улыбнулось,

И жизнь с ее платком ко мне вернулась!»

Затем послал возлюбленной прекрасной
Ответ, что был красив, как шелк атласный.

ПИСЬМО РАМИНА К ВИС

Рамин просит Вис простить его. Он клянется ей в вечной любви. Азин отправляется с этим письмом к Вис. Рамин следует за гонцом. Вис, извещенная о приезде Рамина, ждет возлюбленного.

РАМИН ПРИБЫВАЕТ В МЕРВ

Прекрасен Мерв, земных владык приют!
Прекрасен Мерв, где цветники цветут!

Прекрасен Мерв зимой и в летний зной,
Он осенью прекрасен, как весной!

Кто видел Мерв, кто поселился в нем,
Найдет ли счастье в городе ином?

А если в Мерве милая живет,
То без него полна земля невзгод.

О, как же горевал Рамин влюбленный,
От Мерва и подруги удаленный!

Покинул он друзей, в огне пылая,
А все же не померкла страсть былая.

Стареет все, но манят вновь и вновь
Отечество и первая любовь!

Вернувшись в Мерв, высокой мучим жаждой,
Он видел кипарис в травинке каждой.

Деревья — рай, плоды — прелестней гурий,
Цветы — как солнце яркое в лазури.

Как ветвь нарцисса с вестью о весне, —
Так расцвела душа в родной стране.

Ты скажешь, что раскрылся Мерв чудесный,
Как небожителей приют небесный!

Приблизился Рамин к дворцовой башне.
Заметил всадника дозор всегдашний.

Обрадовал дозорных конь гнедой,
А на коне — воитель молодой.

К кормилице отправились поспешно,
Была их весть отрадна и утешна.

Старуха прибежала к госпоже:
«Больная, лекарь твой пришел уже!

Явился барс, что царствовать достоин,
Из рода царского явился воин.

Примчался ветерок в твою обитель,
Он — молодой весны благовеститель.

Судьба взглянула на тебя без гнева,
И стало плодоносным жизни древо.

Вновь щедрым стал твоей любви цветник,
Вновь щедрым стал свидания рудник.

Рассвет пришел с востока величаво —
И наслаждений расцвела держава.

Твоей надежде сбыться суждено, —
Так пей же встречи сладкое вино!

Нет больше ночи: день бежал из плена!
Нет больше смерти: жизнь вовек нетленна!

Отныне счастье сохнуть перестанет,
А ветвь печали навсегда увянет.

Нет больше праха: всюду — шелк дорог!

Нет больше вихря: веет ветерок!

О встань, луна, взгляни на лик земной,
Блистающий цветущей новизной!

Черней твоих волос ночная мгла,
А ныне ночь, как облик твой, светла,

И ржавчину тоски с себя смывая,
Смеется мир от края и до края.

Его обрадовал приход Рамина:
Ликуя, вся земля зовет Рамина!

Друг прибыл под счастливою звездой:
Вновь станут солнце и луна — четой.

Иди и страсть былую обнови.
Как он красив! Как ждет твоей любви!

Он мучится, — душа твоя грустна,
Меж вами — и ворота и стена.

Открой ворота, к милому спеша:
Открыта для тебя его душа!»

Сказала Вис в ответ: «Спит шаханшах,
Заснули вместе с ним беда и страх,

Но если шах проснется, то беда
Проснется, и пропали мы тогда.

Придумай, как спасти меня от бедствий:
Как никогда, нуждаюсь в сильном средстве!»

Кормилица произнесла заклятье, —
Ушли от шаха чувство и понятье.

Заснул он, как мертвец, как бражник пьяный,
Забывший мир и все его обманы!..

А Вис, в притворном гневе, у оконца
Присела и блистала ярче солнца.

Увидела Рамина с высоты,
И расцвели в ее душе цветы.

Но вновь сердитой притворясь для виду,
Явила другу прежнюю обиду.

Беседу повела с конем Рамина.
Сказала: «Ты мне был дороже сына.

О конь гнедой, служил ты другу службу,
Но почему порвал со мною дружбу?

Тебе дала я бархатную сбрую,
Тебе дала уздечку золотую,

Тебе воздвигла золотые ясли,
Ты у меня как сыр катался в масле.

Зачем ты бросил ясли дорогие?
Зачем отверг мои, избрал другие?

Ты видел от меня добра немало,
А сколько мук я без тебя узнала!

Так не ищи, гнедой, других конюшен,
Не будь к моим страданьям равнодушен.

Кто ясли не ценил, — сгниет во прахе,
Кто осквернил алтарь, — умрет на плахе!»

РАМИН ОТВЕЧАЕТ ВИС

Увидев, что любимая права,
Услышав эти гневные слова,

К ней обратил Рамин свои реченья,
На тысячу ладов просил прощенья.

Сказал: «О красоты весенний цвет!
О землю оживляющий рассвет!

Ты — райский сад и царственный венец,
Ты — вечная владычица сердец.

Ты — облик утренней звезды нетленной,
Ты — светоч родины и жизнь вселенной.

Ты — госпожа моих смятенных дней,
Столепестковой розы ты нежней!

Зачем, сердясь, мне сердце разрываешь?
Зачем свой лик ты от меня скрываешь?

Не я ль, Рамин, твой пленник и слуга?
Не ты ли, Вис, как жизнь, мне дорога?

Да, я — Рамин, любовь — моя держава,
О нас с тобой идет по миру слава.

Ты — Вис, и мир желает подчиниться
Твоим кудрям, о вечности царица!

Все тот же я, кто чтит твои законы,
Все тот же я, навек в тебя влюбленный,

Все тот же я, но ты теперь не та же,
Моих молений ты не слышишь даже!

Иль, вражеским поверив наговорам,
Ты страсть мою сочла своим позором?

Быть может, хочешь, чтоб я жить не смог?
Быть может, хочешь ты поджечь мой стог?

Быть может, позабыла свой обет?
Быть может, мой обет — источник бед?

О, горе ласкам и любви большой,
Которой был я предан всей душой!

В саду бессмертья я любовь посеял,
А этот сад в своей душе взлелеял.

Слезами орошал я этот сад, —
Вот почему он не познал отрад.

Но день за днем, прилежный садовод,
Выхаживал я каждый лист и плод.

Пришла весна — и запах свой разлили
Цветы моих тюльпанов, роз и лилий.

В саду так много запестрело грядок,
Как чистый мускус, воздух свеж и сладок.

Чинары, мирты, кипарисы, ивы
Являют кров тенистый и красивый.

Сверкают ветви, как влюбленных страсть,
И хочет каждый плод к ногам упасть.

Здесь горлинки и соловьи поют,

Все птицы славословят сей приют.

Из верности воздвигнута ограда,
То не ограда, — горных скал громада!

Стремительны, прохладны родники,
Пленительны, нарядны цветники.

В саду, казалось, колдовали грядки,
И львами становились куропатки!

Но вот разлуки наступил мороз,
И вихрь измены сад песком занес.

Нет больше радостного плодородья,
И сад пустыней стал из-за безводья:

Его, что был тенист, широк, высок,
Разрушили и ветер и песок.

Нет больше ни деревьев, ни ограды,
Ни родников, ни сладостной прохлады:

Завистники явились в сад забвенный,
Стволы срубили, повалили стены.

Взметнулись соловьи и куропатки,
Все птицы улетели в беспорядке.

О, горе миртам, розам и тюльпанам!
О, горе упованиям обманным!

Любовь — не золото, любовь — цветок,
Цветок увял — вот горестный итог!

Страсть далека от солнца, мир — от милой,
И горе грустью множится постылой.

Ликуют ненавистники добра:
Пришла для них желанная пора.

Пьют недруги из пиршественной чаши:
Хулителям приятно горе наше.

А нам теперь не нужен ни посредник,
Ни вестник злой, ни добрый собеседник.

Ты и кормилица, — не знайте страха,
Не огорчу я больше сердце шаха!

Один лишь я виновен среди вас, —
Недаром свет моей судьбы погас.

Будь проклята моя судьба и робость,
Из-за которой я низвергнут в пропасть!

Пусть благороден я, но, духом слаб,
Склонился пред судьбой своей, как раб.

Не будь судьба моя черна, — едва ли
Меня бы дивы так околдовали!

Кто внемлет дивов мерзостным приказам,
Утратит, как и я, покой и разум,

Получит вместо амбры и алоэ —
Песок пустыни, дерево гнилое.

Не золото, не царские рубины, —
В его руках лишь черепки из глины.

Не на коне, что словно вихрь горячий, —
Он восседает на таразской кляче.

Красавица, прости меня, молю,
Любовью душу озари мою!

Безмерна пред тобой моя вина,
Но смилуйся, останься мне верна.

И ты передо мною виновата,
Но пала только на меня расплата.

Какое ни свершил бы прегрешенье,
Ты мне сегодня подари прощенье.

Прошу тебя, добро ты соверши,
Смой ржавчину стыда с моей души!

Пока я жив, где б ни был я, — повсюду
Свой грех перед тобой я помнить буду.

То зарыдаю, мрачен и греховен:
«Виновен я, виновен я, виновен!»,

То закричу, чтоб жалость обрести:
«Прости меня, прости меня, прости!»

Ты на меня, царица, рассердилась,
Но где же доброта, прощенье, милость?

Что было — было. Будь моей душой
И благодетельницей-госпожой!

Прости — и у меня, клянусь заране,
Ни просьб не будет больше, ни желаний.

Я стану во дворце твоем слугой,
Я не уйду к владычице другой:

Найду ль прощенье там, где нет тебя?

Там смерть моим мечтам, где нет тебя!

Ты не простишь, — так кто меня простит?
Не умножай мою печаль и стыд.

Что из того, что согрешил я раз, —
Единственный ли грешник я сейчас?

Впадает в грех и старец белоглавый,
Порой мудрец нарушит все уставы.

Споткнется конь, хотя четвероног,
Хотя остер, притупится клинок.

Один лишь раз ошибся я, — за это
Меня не мучай до скончанья света!

Я стал твоим рабом по доброй воле, —
К чему же мне оковы зла и боли?

Все претерплю, но я не потерплю
Страданий той, которую люблю!

Тебя не видеть? Лучше быть слепым!
Тебя не слышать? Лучше быть глухим!

Из-за меня вовек не ведай муки,
И да не буду я с тобой в разлуке!

Красавица, прости меня, не то
Чем стану я? Что жизнь моя? Ничто!

И ты, как я, скорбей узнала пламень:
В горниле плавятся и сталь и камень,

Но, как горнилу жаркому — вода,
Так доброта ко мне тебе чужда.

Смотри, я погибаю от огня,
Что вспыхнул от железа и кремня.

Меня пожрет огонь многоязыкий, —
Мои предсмертные ты слышишь крики?

От этого огня бросает в дрожь,
Его ты даже морем не зальешь.

Дым от огня вселенной завладел,
Стал темен мир, как мрачный мой удел.

Ты слышишь плач полей, лесов и рощ?
Вот почему идут и снег и дождь!

Покрыто снегом тело у меня,
Но в нем пылает капище огня.

Такого чуда не было вовек:
В одну чету слились огонь и снег!

Снег сыплется, но вверх огонь взлетает,
Пылает мой огонь, а снег не тает.

Распалось на две половины тело:
Та — в пламени, а та — обледенела!

Кто верен ласкам и любовным негам,
Того никак не уничтожишь снегом.

Я думал, — от огня меня избавишь,
Не знал, что умереть в снегу заставишь.

Луна моя, чей возраст — две недели!
Два месяца я шел к тебе в метели!

Ведь я твой гость, — забудь язык угроз:
Гостей не выгоняют на мороз!

Ускорить хочешь ты мою кончину?
Пусть я умру, но только не застыну!»

ВИС ОТВЕЧАЕТ РАМИНУ

Сказала Вис — и словно острый меч
Была ее отравленная речь:

«Уйди, Рамин, уйди из Мерва прочь!
Забудь меня, и Мерв, и эту ночь!

Словам не верю сладким, но пустым.
Унес огонь? Так убери и дым!

Не ты ли, низкий, обманул меня, —
К чему же эта лесть и болтовня?

Не ты ли дал мне клятвенное слово?
Солгал ты раз, но не обманешь снова!

Ступай и Гуль свою ласкай, лелей, —
Она тебе, изменнику, милей.

Ты образован, речь твоя звучна, —
Наполовину так я не умна.

Ты знаешь толк в уловках и соблазнах,
Ты часто обольщал красавиц разных.

Я много видела твоих капканов,
Я много слышала твоих обманов.

Зато теперь ценю я по дешевке
Весь твой базар и все твои уловки!

Всегда Мубаду буду я верна,
Как любящая, добрая жена.

Лишь он один мне в мире верен свято,
Хотя пред ним я тяжко виновата:

Ни разу не вздыхал при мне с тоской,
Ни разу не подумал о другой!

Меня он любит с лаской благодарной,
Не так, как ты, неверный и коварный.

Теперь спокоен шах многострадальный.
Он восседает с чашею хрустальной.

Мне подобает восседать с Мубадом,
А не с тобою, вероломным, рядом!

Теперь в опочивальню я пойду,
Чтоб розу шаханшах нашел в саду:

Не обретя меня в своем покое,
Вновь обо мне подумает дурное.

Подумает, что изменяю вновь,
И взыщет подать за мою любовь.

Я не хочу, чтоб он страдал опять,
Я не хочу супруга огорчать.

Довольно мне печалей безутешных,
Довольно жалких слез и мыслей грешных.

Увы, я много претерпела горя,
Я испытала боль, с судьбою споря,

Но что мое мне дало прегрешенье?
Позор, бесславье, всех надежд крушенье!

Мой властелин был недоволен мной, —

Преступною, распутною женой.

Из-за того, что я тебя любила,
Я молодость напрасно загубила,

А мне лишь память о любви осталась,
Ее тоска и горькая усталость.

Уйди от этой ветви навсегда,
Ни листьев не получишь, ни плода!

Здесь — дверь отчаянья: уйди скорей,
Зря по железу молотком не бей!

Минула полночь. Гуще стали тучи,
И гуще — дым, и гуще — снег сыпучий.

Хоть самого себя ты пожалей,
Чтоб хуже не было, уйди скорей!

Уйди — и никогда не знай невзгод.
Пусть роза, Гуль, в твоем саду цветет.

Будь вечно с ней, пусть время вас не старит, —
Пусть пятьдесят детей тебе подарит!»

Вис говорила, гневаясь и плача,
Лицо и чувства истинные пряча.

Замолкнув, удалилась от окна,
Ни друга не впустив, ни скакуна.

С кормилицею вместе удалилась, —
То удалилась от Рамина милость.

Врагам на радость горевал Рамин,
На площади остался он один.

Все смолкло, успокоилось кругом,
И лишь Рамин с покоем незнаком.

То на судьбу свою, то на подругу
Он жалобами оглашал округу.

Он обращался к богу своему:
«Любую кару от тебя приму!

Смотри, остался я, тоской палимый,
Без близких, без друзей и без любимой.

Коза в горах найдет приют, наверно,
В степях найдут приют онагр и серна,

И только мне приюта нет нигде,
О смилуйся, творец, твой раб в беде!

Нет, не уйду я, не достигнув цели:
Я не мужчина, что ли, в самом деле!

А смерть придет, надежды не даруя, —
Пусть у дверей возлюбленной умру я!

Пусть знает каждый, что к любимой страсть
Влюбленному велела мертвым пасть.

Будь эта стужа снежная булатом,
Свирепым львом иль тигром полосатым, —

Своих шагов не унесу отселе,
Нет, не уйду я, не достигнув цели!

О сердце, не были тебе страшны
Ни меч, ни лук, ни барсы, ни слоны,

Чего ж боишься ты ветров и бури, —
Не с ними ль ты пришел к царице гурий?

Не дрогну я перед зимой метельной,
Не убоюсь я боли беспредельной:

Пусть Вис придет, — и мне тогда мороз
Покажется свежей душистых роз!

А если б мог ее поцеловать я,
Возлюбленную заключить в объятья, —

Все страхи от меня бы улетели,
Не думал бы о стуже и метели!»

Так сетовал Рамин в полночный час,
А конь гнедой в снегу меж тем увяз.

Всю ночь дрожал гнедой от лютой стужи,
А всаднику еще под снегом хуже!

Рыдал Рамин, а боль была остра,
На теле — снег, а в сердце — камфара.

Всю ночь рыдали над Рамином тучи,
Кружился ветер ледяной и жгучий.

Доспехи, сапоги и плащ на теле
От стужи, как железо, затвердели.

А Вис всю ночь терзал недуг сокрытый,
Ногтями исцарапала ланиты:

«О, как мороз пронзил меня насквозь!
Иль светопреставленье началось?

О туча, ты рыдаешь над любимым, —

Стыдись, ты дышишь состраданьем мнимым!

Румянец ты в шафран одела колкий,
А ногти друга стали как иголки.

Рыдаешь, будто бы Рамина любишь,
Но ты его слезами только губишь!

О, не дожди хотя б один часок, —
И без того мой жребий так жесток!

О снежный вихрь, бушующий в ночи,
Хотя бы на мгновенье замолчи!

Иль ты в родстве с тем дуновеньем вешним,
Что, как Рамин, местам отраден здешним?

Зачем не пожалеешь ты Рамина?
Ты губишь цвет нарцисса и жасмина!

О, море, чьи сокрыты берега,
Ты все же для Рамина — как слуга!

Хоть жемчуга таит твоя пучина,
Не так ты щедро, как рука Рамина!

Увидев, что прекрасен ратный вождь,
Из зависти ты шлешь и снег и дождь.

Твое оружье — снег и дождь холодный,
Его оружье — меч и стяг походный.

Не сдашься — войско на тебя обрушит
И пылью от копыт тебя иссушит.

Он изменил мне, в край уехав дальний,
И я сейчас одна в опочивальне.

Сейчас моя постель — парча, атлас,
А он под снегом и дождем сейчас.

Как розовый цветник, он свеж и молод,
Но вреден розам снег и зимний холод.»

Так причитая, глянула в оконце, —
Ты скажешь: землю озарило солнце!

Опять гнедого кликнула коня:
«Иди сюда, гнедой, утешь меня!

Не мучайся: ты, как дитя, мне дорог.
Но почему, гнедой, ты не был зорок?

Зачем такого спутника избрал,
Товарищем распутника избрал?

Пришел бы не со спутником дурным, —
Моим ты стал бы гостем дорогим.

Теперь мороз тебя терзает люто,
Но для тебя нет у меня приюта,

Ступай к другой, и у нее ищи ты
И стойла, и питанья, и защиты.

Ступай и ты, Рамин, из Мерва прочь.
Ты боль свою сумеешь превозмочь.

Я так ждала, что твой увижу свет,
Я так ждала, что выполнишь обет!

Когда на пышном ложе спал ты сладко,
Заснуть мне не давала лихорадка.

Лежал, на горностаях развалясь,
А мне как бы достались дождь и грязь.

Ты кончил тем, чем начал ты сначала:
Моя беда твоей бедою стала.

Чувствительный к невзгодам бытия,
Ты все же не чувствительней, чем я.

Один лишь день была тебе нужна я,
Теперь живу, лишь страх и горе зная.

И ты, как я, надежды позабудь:
Я, их забыв, смогла легко вздохнуть!

Сперва измучат боль, тоска, надсада,
Но есть и в безнадежности отрада.

От безнадежности я так терзалась,
Что в море тонущей себе казалась.

А ныне я не мучаюсь в пучине,
От всех надежд избавилась я ныне.

Я счастлива, стезю добра избрав:
Светлей венца благочестивый нрав!

С подругой старой не познал ты счастья,
Ступай, ищи у новой сладострастья!

Хоть славятся старинные динары,
А новый привлекательней, чем старый.

Уйдя, мою любовь ты обезглавил, —
Зачем же к мертвой голову приставил?

Трава взошла бы на моей могиле, —

Ее твои поступки б осквернили!

Не знала я, страдая и греша,
Что от любви состарится душа!

Не жди моей любви: я с ней рассталась,
А снова молодой не станет старость...

На миг вернемся к твоему посланью.
Меня ты грязью обливал и бранью

И унижал, позоря и грубя,
А я себе желала лишь тебя!

Ты был моей душой, моей хвалою,
Но ты меня отверг с насмешкой злою.

У матери — я с ней сходна судьбой —
Единственная дочь была слепой.

Она, чье зренье умертвила мгла,
Бесхитростно супруга избрала...

Пусть согнута моя любовь, как лук, —
Стрелой каленой слово прянет вдруг, —

Рамина сердце служит ей мишенью, —
Так уходи, найди стезю к спасенью!

Страшись меня: слова моей хулы
Противней желчи и острей стрелы!»

ВИС УДАЛЯЕТСЯ С ГНЕВОМ И ЗАКРЫВАЕТ ВОРОТА ПЕРЕД РАМИНОМ

Так говорила Вис, и так случилось,
Что каменное сердце не смягчилось.

Привратникам и сторожам она
Сказала, отвернувшись от окна:

«Всю ночь да будет бдительна охрана.
Остерегайтесь грозного бурана.

Весь мир сейчас попал в беду, гудя
Гуденьем ветра, снега и дождя.

Как будто всадников мы слышим топот
Иль моря взбаламученного ропот.

Дрожит земля, дрожит небесный кров
От шумных волн и бешеных ветров.

Все корабли ломает время в море,
И Страшный суд как бы наступит вскоре.

Грохочет буря, гибелью дыша,
Уста трепещут, в ужасе душа.»

Когда Рамин расслышал в шуме вьюги
Сердцегубительный приказ подруги, —

Мол, бдительными будьте, сторожа,
Хозяйке службой верною служа, —

Из сердца вырвал он мечту о встрече,
А снежный вихрь унес ее далече.

Он замерзал, завеянный пургой,
Не мог рукою двигать и ногой.

Покинутый любимой, полон боли,
Гнедого повернул он поневоле.

Вздымался он горой средь снежных троп,
А горе в нем вздымалось, как сугроб.

Он говорил: «О сердце, не робей,
Что выросло число твоих скорбей!

Случается в любви такое дело,
Когда страдают и душа и тело.

Но это бедствие переживи
И откажись навеки от любви.

Свободным станешь ты, а свет свободы
Развеет все неправды и невзгоды.

Но только после не влюбляйся вновь, —
И вновь тебя не огорчит любовь.

Я все утратил, жалкий и гонимый,
К чему ж на всех углах взывать к любимой?

Увы, я в горе с ног до головы,
От мира мне досталось лишь «увы»!

Увы моим томлениям в неволе,
О, тщетно за мячом я гнался в поле!

Увы моим надеждам: в эти дни
Ничем, как ветер, сделались они!

Я говорил тебе: «Нам бесполезно
Идти дорогой, на которой — бездна»,

Советовал: «Язык мой, онемей,
Не говори с возлюбленной моей,

Услышишь лишь насмешки», — и воочью
Во всем я убедился этой ночью.

Как только признаешься в сильной страсти, —
Ты у любимой сразу же во власти.

Все в ней — высокомерье, прихоть, ложь,
В ее любви ты счастья не найдешь.

О сердце, лучше б мы с тобой молчали!
Ты высказалось — и полно печали.

Пословица влюбленным пригодится:
«Должна быть молчаливой даже птица»!

ВИС РАСКАИВАЕТСЯ В СВОЕМ ПОСТУПКЕ

Смеется над людьми превратный мир, —
Обманчивый, невероятный мир!

То нас обрадует, то нас обидит,
То приласкает, то возненавидит,

И, неудачник, он играет с нами,
Как фокусник с блестящими шарами.

Но глупы мы или бессильны, что ли?
Иль мы другой не заслужили доли?

О, если б ты от алчности отвык,
Не разглашал бы тайн твоих язык.

Ни перед кем ты не склонял бы шеи,
Тебе б дышалось легче и вольнее.

Не знал бы козней, лжи и безразличья,
Как от чумы, бежал бы от величья.

Не будь судьба коварна и пристрастна,
Она бы нас не мучила напрасно,

Как Вис и как Рамина в те года:
Влюбленных разделила вдруг вражда.

Когда Рамин покинул Вис в унынье, —
Ты скажешь: бес унылым стал отныне!

Вис ужаснулась. Видела она:
Сама себя обидела она!

Заплакала, как туча в непогоду,
И сердце погрузилось в эту воду.

Цветы своих ланит втоптала в прах
И била камнем по груди в слезах, —

О нет, по камню камнем ударяла:
Она возлюбленного потеряла.

Рыдала: «Как судьба моя мрачна!
Увы, любви проиграна война!

Зачем я над собою меч простерла,
Зачем сама себе сдавила горло?

Зачем любовь держала под замком
И стала я сама себе врагом?

Кто ныне от беды меня избавит
И зло, что сотворила я, исправит?»

Кормилице сказала: «Поспеши,
Найди лекарство для моей души.

Зачем же родила родная мать
Такую дочь, как я? Нельзя понять!

Стояло счастье у моих ворот,
Но приказала я: пусть прочь пойдет!

Вина мне в кубок налил верный друг,
Но кубок выронила я из рук.

Мой прах развеял горький вихрь степной,
И ныне ливень бедствий надо мной.

Сильней гремят его громов раскаты, —
Еще сильнее боль моей утраты.

Как нищая, безрадостно кричу:
Я погасила радости свечу!

Кормилица, Рамина догони,
Скорее ненаглядного верни,

Поводья поверни коня гнедого,
Скажи: «Я всадника простить готова!

Приди: нет в мире страсти без обид,
Не будет счастлив тот, кто не скорбит,

Отчаянье живет с надеждой вместе,
И состоит любовь из ласк и мести.

Но месть твоя была в твоих делах,
А месть моя была в одних словах!

Но так всегда бывает в этой жизни:
Там, где любовь, — там спор и укоризны.

Ты сам с подругой часто был суров, —
Зачем же от моих бежишь ты слов?

Тебя обидели мои упреки,
Меня — твоя измена, друг жестокий!

Мои слова звучали б, несомненно,
Иначе, если б не твоя измена.

Ужели я могла молчать в ответ
На то, что ты нарушил свой обет?»

Ступай — и пусть вернется он с тобою,

Чтоб обратилась я к нему с мольбою.»

ПРИМИРЕНИЕ ВИС И РАМИНА

Кормилица приводит Рамина к Вис. Несмотря на долгие жалобные просьбы Вис, Рамин не соглашается простить ее. Вис отворачивается от него с гневом, теперь уже непритворным. Тогда наступает черед Рамина просить у нее прощения. Влюбленные мирятся. Снова они предаются тайком утехам любви под самым носом шаха Мубада, не подозревающего, что Рамин находится в Мерве.

РАМИН ПОЯВЛЯЕТСЯ ПЕРЕД ШАХОМ

Весь месяц длилась пылкая услада
Двух кипарисов радостного сада.

Хотя зима из Мерва не ушла,
Повеяло дыханием тепла.

Сказал Рамин, что был стройней самшита:
«Пора пред шахом мне предстать открыто,

Нельзя нам тайну долее скрывать,
Чтоб не разгневался Мубад опять».

Тогда уловки в ход пустил хитрец,
Тайком, в ночи, покинул он дворец,

Умчался, чтоб не видела охрана,
И повернул обратно утром рано,

И, словно долгим истомлен путем,
В ворота въехал на коне гнедом.

Покрытый пылью и дорожным прахом,
Он поспешил предстать пред шаханшахом.

Служители поведали владыке:
«В твою столицу прибыл солнцеликий,

Он украшает мир, как тополь строен,
Сквозь вихрь и снег примчался знатный воин,

В глухой степи встречал и ночь и день,
И вот — в пути истлел его ремень».

Вошел Рамин, — склонилась пред царем
Глава, сверкающая серебром.

Обрадовался шах в своем чертоге,
Спросил он о здоровье, о дороге.

Ответствовал Рамин: «О шах счастливый,
Самодержавный, славный, справедливый!

Дружи всегда с великою победой
И, кроме счастья, ничего не ведай.

Да будешь ты превыше всех времен,
А именем — превыше всех имен.

Да будешь сопричастен светлой доле,
Вкушая благо на своем престоле.

Сердца да станут Демавенда шире
От счастья, что ты правишь в этом мире!

Меня воспитывал ты с детских лет,
Твоей любовью ныне я согрет.

Ты дал мне власть, казну, богатство, славу,
Ты для меня — отец и шах по праву.

Могу ль себя считать я добрым сыном
И не грустить в разлуке с властелином?

Честь для меня — я большей не найду —
Служить привратником в твоем саду!

Какому прегрешенью я обязан,
Что я разлукою с тобой наказан?

В Гургане я возглавил смельчаков,

Его поля избавил от волков.

Я Кухистан освободил от скверны,
Теперь со львами там пасутся серны.

Пришел я в Шам, в страну армян, в Мосул,
Твоих врагов я сокрушил, согнул

И, царским ореолом осиянный,
Смотрю с презреньем на земные страны.

Все дал мне бог, но не дал одного:
Быть возле шаха и хвалить его!

С тех пор как я с тобою разлучен,
Мне кажется — грызет меня дракон.

Хоть много у творца щедрот несметных, —
Не исполняет он все думы смертных.

Я на царя хочу взирать, как раб, —
Поэтому покинул я Гураб,

Спешил быстрей, чем влага ключевая,
Охотой пропитанье добывая.

Как лев, я мчался и кормился дичью,
Чтоб приобщиться к царскому величью,

Чтоб на тебя взглянуть, о царь владык!
Моя душа сияет, как цветник,

А сердце превратилось в сто сердец
С тех пор, как я увидел твой дворец.

От твоего возликовал я вида,
О царь, украшенный венцом Джемшида!

Вблизи царя побыть мне так приятно.
Прикажешь — поверну коня обратно.

Что мне милей, чем каждый день и час
Владыки выполнять любой приказ?

Сказать я вправе, что твоим приказам
И душу я препоручил, и разум.

Я знаю: стану чище и мудрей,
Лишь сердце я склоню к царю царей.»

Расцвел властитель от таких похвал,
В ответ Рамину ласково сказал:

«То, что ты сделал, сделал ты ко благу.
Ты проявил правдивость и отвагу.

Тебя увидеть — радость для меня,
Но знай, что одного мне мало дня.

Еще на всем лежит зимы покров,
А это время песен и пиров.

Когда ж начнет весна благоухать,
В дорогу ты отправишься опять.

Помчусь и я с тобою до Гургана:
Весною дома — грустно, скучно, странно.

Теперь ступай, смени одежду в бане,
Избавься от дорожных одеяний».

Ушел Рамин, а шах, вкусив отрады,
Прислал ему богатые наряды.

Три месяца Рамин в пирах провел,
Забот не зная, радостно расцвел,

Достиг всего, к чему он был влеком,
С прелестной Вис встречался он тайком.

Не ведал шах, ни двор его, ни свита,
Где страсть победоносная сокрыта.

Не мог бы и помыслить шаханшах,
В каких они встречаются местах!

МУБАД ЕДЕТ НА ОХОТУ

Весна заветной дождалась поры,
В степях, в горах раскинула шатры.

Стал этот бренный мир неузнаваем,
Земля казалась благодатным раем.

Стал молод мир, и все, что было дряхло,
Цветущей, свежей юностью запахло.

Земля была как царская казна:
Богатства подарила ей весна.

Увидев прелесть розы, соловьи
Запели, обезумев от любви.

Фиалки закурчавились, воспрянув,
Луга оделись пурпуром тюльпанов.

Дичь появилась на траве степной, —
Так родилась весна в листве ночной.

Невесты-розы, полог свой откинув,
Кивали соловьям из паланкинов,

То нежной прелесть их была, то грозной,
Сказал бы: льется с неба ливень звездный.

Струился по ветвям хмельной поток,
Повеял амброю степной песок.

Казалось, что у яблони-колдуньи
С ветвей свисают звезды в полнолунье.

Зефир одел весну в наряд веселья,
А розам подарил он ожерелья.

Нарциссы опьянели, ибо мир
Их тоже пригласил на царский пир,

К себе кувшин прижал он золотой,
Как нежный стан подруги молодой.

Зефир, пройдя к любимой сквозь шиповник,
Ей говорил, о чем шептал любовник,

Казалось, мускусный привет от роз
Всему живому ветерок принес.

Недавний снег омыл онагров спины,
А вешний дождь — недавний прах равнины.

Все расцвело вкруг Мерва: посмотри,
Он окаймлен садами Шуштари!

Казалось, дождь справляет новоселье
И в каждой капельке кипит веселье!

В такие дни, когда во всем — весна,
Когда ясна природы новизна,

Решил поехать на охоту шах:
Душа томилась в четырех стенах!

Вельмож созвал он и вожатых ратных,
Оповестил и знатных и незнатных:

«Пойдем в Гураб, прогоним прочь заботу,
На вепрей, на волков начнем охоту,

Мы хищников разыщем в горных чащах,

В столицу тигров привезем рычащих,

Мы барсов, рысей нам служить заставим,
На ланей леопардов мы натравим».

Лишилась Вис и разума и сил,
Узнав, что шах охотиться решил.

Кормилице сказала: «Жизнь страшна,
Когда она живому не нужна.

Вот так и мне отныне жизнь постыла,
И для меня прибежище — могила.

Стремится шах Мубад в Гураб: туда
Влечет его злосчастная звезда.

Но как разлуку вынести с Рамином?
Как не погибнуть в ожиданье длинном?

Уедет он, — моя душа, как птица,
Вслед за Рамином сразу же умчится.

Ты скажешь: Рахш, внезапно став сердитым,
Ударил по моим глазам копытом.

От шага каждого его коня
На сердце будет рана у меня!

Не исцелю в разлуке эту рану,
Пойду за ним, скиталицею стану.

Его отъезд мне принесет беду,
Сама из мира этого уйду.

То зарыдаю, в прах себя низринув,
То я пролью из тела дождь рубинов.

О, если бы меня услышал бог
И мне в ужасном бедствии помог!

Нет бедствия страшней, чем этот шах:
Он зол в делах, и в мыслях, и в речах.

Как мне спастись от мужа и от муки,
Вовек не ведать горестей разлуки!

Кормилица, ступай открой Рамину
Тоски, смятенья моего причину.

Спроси, меня спасет ли от врагов?
Какие меры предпринять готов?

Уедет с шахом? Справедлива новость?
Но дней моих тогда прервется повесть!

Ему поведай о слезах моих.
Он хочет, чтоб осталась я в живых?

Пускай не покидает этих мест:
Любимую убьет его отъезд!

Ты с хитрыми уловками знакома,
Ты сделай так, чтоб он остался дома.

Скажи: «С любимой в радости пребудь,
А шаху предстоит несчастный путь.

Рамин достоин радости весенней,
А шах достоин злобы и гонений.»

Рамину мамка причинила боль,
Как бы насыпала на рану соль, —

Несчастной Вис пересказала речь, —
О нет, не речь, а смертоносный меч!

Внезапным горем был Рамин подавлен,
Ты скажешь, был он скорбью окровавлен.

Заплакал: мир ему отрады не дал,
Одни лишь беды в жизни он изведал!

То боль, то страх в нем поднимали голос,
От горя сердце словно раскололось.

Кормилице ответил: «От Мубада
Пока я не слыхал, что ехать надо,

Никто меня приказом не тревожит, —
Мубад забудет обо мне, быть может.

Но если будет от него приказ, —
Найду я средство и на этот раз.

Скажу ему, что заболели ноги,
Что тягот я не вынесу дороги.

Остаться в Мерве будет мне предлог, —
Скажу царю: «Смотри, я занемог,

За зверем я люблю скакать по следу,
Но как, больной, охотиться поеду?»

Поверит шах, что я на самом деле,
Бессилен, недвижим, лежу в постели.

Своей настойчивости не проявит,
Он сам уедет, а меня оставит.

Поверь, я окажусь в земном раю,

Когда затею выполню мою!»

Рамина благородного ответ
Зажег в душе у Вис отрадный свет.

Казалось, обрела она престол,
Цвет счастья на ее лице расцвел!

РАМИН РЕШАЕТ УБЕЖАТЬ С ОХОТЫ

Мубад не верит в болезнь Рамина, и тот вынужден отправиться на охоту. После однодневного перехода Рамин, страдая от разлуки с Вис, действительно заболевает. Между тем Вис, обессилевшая от горя, просит кормилицу найти выход, вернуть Рамина. Она пишет Рамину письмо, и, получив его, Рамин ждет наступления ночи, чтобы убежать от Мубада в Мерв.

РАМИН ХИТРОСТЬЮ ПРОНИКАЕТ В СТАРЫЙ ЗАМОК И УБИВАЕТ ЗАРДА

Когда лишь дым остался от огня
Ночною тьмой погашенного дня,

Когда умчалось солнце на коне,
Чтоб дать дорогу молодой луне, —

Одни лишь звезды видели в тиши,
Как ускакал Рамин в ночной глуши.

Пред ним — посланец Вис и сорок славных
Воителей, войскам огромным равных.

Как турки, понеслись то вскачь, то рысью
И были через день под мервской высью.

Пред ними город, позади — равнина,
И нет пути иного для Рамина.

Посланца Вис послал Рамин вперед, —
Да в спутники он тайну изберет:

«Пускай никто не знает, кроме Вис,
Что прибыл я, — ты к ней тайком явись.

С кормилицей вступи в беседу тайно:
Поможет нам, хитра необычайно!

А Вис про наше дело так поведай:
«Поверь, оно закончится победой,

Но горе, если встречу я засаду
И попадемся на глаза Мубаду.

Будь бдительна. Я слов не трачу даром.
Я буду завтра, в полночь, в замке старом.

Придумай средство, чтоб в желанный час
Тебя твой друг победоносно спас.

Но будь настороже и начеку:
Я с тайны сам завесу совлеку».

Гонец проворно поскакал долиной, —
Помчался с быстротою соколиной...

В те дни, своей не отпуская мамки,
Вис пребывала в Мерве в старом замке.

Ты скажешь: в этом замке шах Мубад
Сокрыл свой самый драгоценный клад!

Хранитель клада — Зард, сей сторож зрячий,
Что самого Мубада был богаче.

Наставник шаха, друг его и брат,
Как сам Карун, он был казной богат.

Вис охранял в чертоге Зард-воитель,
Как старший в роде и домоправитель.

...Удачно стражу миновав, гонец
Тайком пробрался в город, во дворец.

К прелестной Вис — к сокровищу в тайник —
Под женским покрывалом он проник.

Такой обычай был у Вис: являлись
К ней гости каждый день и забавлялись.

То были жены родовитых, знатных,
Любительницы игр, бесед приятных.

Гонец — «волшебник» лучше ты скажи! —
Достиг, тайком от Зарда, госпожи:

Слова Рамина ей посол принес, —
Да нет, осыпал лепестками роз!

Возликовала Вис, как день, светла,
Восславила проворного посла.

Ты скажешь: душу вновь обрел мертвец,
Бедняк нашел с рубинами ларец!

Послала к Зарду одного из слуг:
«Мне этой ночью сон приснился вдруг.

Мне снилось: занемог мой брат Виру,
Но лучше сделалось ему к утру.

Отправиться хочу я в храм огня:
Да будет благодарность от меня.

С богатой жертвою вступлю я в храм
И милостыню страждущим раздам».

Ответил Зард: «Ты поступаешь славно.
Ступай же, будь чиста и благонравна».

Отправилась красавица со свитой:
То были жены знати родовитой.

Вот храм, где пламя вечное горит.
Прошли ворота, что воздвиг Джемшид.

Вис привела овечек для закланья

И бедняков исполнила желанья:

Каменья, злато, щедро, без числа,
Одежды и монеты раздала.

Когда сошла на землю ночь, — посол
Помчался и любимого привел.

Вот разошлись блистательные жены, —
И пал Сатурн, Венерою сраженный!

Никто, никто не видел их в беседке,
Не тронул ветер ни единой ветки.

Труднейшие исполнятся дела,
Но только бы удача нам была!..

Казалось, что не стало в мире зол,
Едва Рамин к прекрасной Вис пришел.

От посторонних глаз они сокрыты:
Ведь не осталось никого из свиты,

Помимо преданных и верных слуг!
Тогда-то двинулись бойцы на луг.

Их было сорок, дружба их связала,
И женское на каждом покрывало.

Так обманули свиту, и от храма
Направились в старинный замок прямо.

А евнухи — на них ты погляди! —
И слуги со свечами — впереди.

Чтоб их не заподозрили в подлоге,
Прохожих разгоняли по дороге.

Вот сорок смелых, во главе с Рамином,
В чадрах, предстали пред дворцом старинным.

Под видом женщин в замок все проникли...
Стояли стражи, как стоять привыкли,

Перекликались, — грозная ограда, —
Не зная, что внутри — враги Мубада!..

Покрывшись дымом и смолой чернея,
Ночь стала мрачной, как душа злодея.

Стал воздух темен, как морское дно;
Как море, небо жемчугов полно!

Казалось, что поднялся небосвод,
Казалось, Искандер пошел в поход:

Богатыри взметнулись из укрытья,
И дело началось кровопролитья.

Огонь, казалось, в замке бушевал, —
Всех часовых убили наповал.

Рамин рванулся к изголовью Зарда, —
На спящего напал он леопарда.

Проснулся, меч вздымая, старший брат,
Как лев, что гневным пламенем объят.

Как будто смерть свою увидел он,
Навис над младшим братом, словно слон.

Рамин сказал: «Не прибегай к мечу,
Поверь мне, зла тебе я не хочу.

Ведь я Рамин, твой младший брат! Меж нами
Ужели вспыхнет ненависти пламя?

Ты меч отбрось. Ведь я пришел с добром.
Так вместо битвы — дружбу изберем!»

Но Зард явил Рамину гнев мужчины,
Собрал на переносице морщины.

Он имя брата предал поношенью,
А честь его избрал своей мишенью.

На брата бросился, громкоголос,
Ему по шлему он удар нанес.

Рамин щитом себя прикрыл, на счастье,
И Зарда меч распался на две части.

Нанес Рамин удар седому мужу,
И мозг у Зарда выскочил наружу.

Полчерепа и руку меч отсек,
И Зард в своей крови заснул навек.

Мертв богатырь, всегда являвший смелость,
А в замке битва ярче разгорелась.

Кровь так была красна и так страшна,
Что спряталась за тучами луна.

На каждой крыше громоздились трупы,
В крови — холмы и ближних скал уступы.

Одни бежали, спрыгнув со стены,
Но не были от смерти спасены.

Другие бились яростно за Вис,

Но и над ними смертный час навис.

Все недруги погибли до едина,
Их ночь явилась утром для Рамина.

Три четверти прошло той ночи бранной,
А Зард погиб, погиб со всей охраной.

Ночь, словно кудри юности, черна,
Навек Рамину сделалась верна,

Дала ему и жемчуга, и злато,
Но также подарила гибель брата.

Такой сей мир: на дне смертельный яд
Кувшины радости его таят.

Смешал он с грустью сладостный напиток,
Соединил он с прибылью убыток.

Увидев брата мертвого в крови,
Рамин одежды разорвал свои.

Заплакал он: «О брат мой знаменитый,
Моей душе ты близок, мной убитый!»

Из сердца он раскаянье извлек,
Он слезы лил, — увы, какой в них прок?

Не место здесь для жалоб и страданий,
Здесь место для борьбы, здесь поле брани!

Злосчастный Зард погиб, и без Мубада —
Без пастуха теперь осталось стадо.

Амвоном стало место этой битвы,
Где меч прочел слова своей молитвы.

Прочло Рамину небо на заре
Заздравное моленье о царе.

А ночь прошла в любви, и ей впервые
Не угрожали слуги, часовые...

Судьба врагов была как ночи мгла,
И полночь для зломыслящих пришла,

Но для Рамина день сиял добром:
Азин провозгласил его царем.

Рамину счастье принесло светило:
О новом царствованье возвестило.

Открыто, с милой Вис воссел на троне,
Чтоб видели и свой и посторонний.

РАМИН ПОХИЩАЕТ КАЗНУ МУБАДА И УБЕГАЕТ В ДЕЙЛЕМ

Рамин решил бежать в иной предел.
Верблюдов, мулов он согнать велел.

Он их навьючил царскою казной, —
Монетки не оставил ни одной.

Он в Мерве задержался на два дня
И сел, богат и счастлив, на коня.

Подруга в паланкине восседала, —
Вис, как луна средь ярких звезд, блистала.

Пред ней, без счета, — мулы и верблюды,
На них динары и сокровищ груды.

Рамин помчался быстро, — сильный, ловкий,
Не делая ни дневки, ни ночевки.

Путь двухнедельный вдвое стал короче,
Он пересек пустыню за три ночи.

Когда Мубад узнал о мятеже,
Храбрец Рамин в Казвине был уже,

В Дейлем оттуда поскакал затем,
И знамя славы увидал Дейлем.

Дейлем — твердыня, а ее охрана —
Богатыри Дейлема и Гиляна.

Они врагов пугают бранным кличем,
Их копья мы хвалою возвеличим.

Они могучи, опытны, умелы,
Не знают промаха их копья, стрелы.

Как в пущенной стреле, — в их копьях сила,
Что множество врагов уже сразила.

В бою бесовским полчищам подобны,
Всю землю истребить они способны,

А в обороне высятся стальной,
Живой и многоцветною стеной.

Всю жизнь свою они проводят в войнах,
Никто не побеждал их ратей стройных,

Из тех царей, что были и прошли,
Из нынешних властителей земли

Никто не мог ворваться в их пределы
И к дани сей народ принудить смелый:

Осталась целомудренной страна,
Никем из шахов не покорена.

Когда Рамин стал властелином края,
Решил он править, благость проявляя.

С дороги отдохнув, в конце недели
Рамин поднялся с шелковой постели.

Он шкуры бычьи расстелил с утра,
Туда насыпал злата, серебра.

Сам в золотой наряд одет богато,
Он золотою чашей черпал злато:

К себе друзей немало в краткий срок
Динарами и добротой привлек.

Всех жемчугами одарял, казною:
Так влагой одаряет дождь весною,

И стали многочисленней песка
И капель дождевых его войска!

Тогда весь мир, с восторгом, рвеньем, жаром,
Припал к Рамину и его динарам.

Сошлись вельможи вкруг него любовно, —
Владыке подчинясь беспрекословно, —

Такие, как Виру, Кашмир, Бахрам,
Азин, Гелу, Рухам и знатный Сам,

И прочие мужи, как господину,
Свои войска отправили Рамину.

За месяц так умножились войска,
Что вся держава стала им узка.

Рамин велел Виру войска возглавить,
А умному Гелу — страною править.

МУБАД УЗНАЕТ О ТОМ, ЧТО РАМИН ПОХИТИЛ ЕГО КАЗНУ И ВИС

Когда та весть дошла до ставки шаха,
Вельможи не решились из-за страха

Прийти к коварному владыке царства:
Что в мире хуже, чем царей коварство!

Покой решили правде предпочесть
И скрыли от царя дурную весть.

Три дня провел в неведенье Мубад
И вдруг узнал о том, что сделал брат.

Пришел он в яростное исступленье, —
Настало, скажешь, светопреставленье!

Восстало счастье на царя державы,
На шаха ополчился разум здравый, —

Не знал, что делать, выход где найти,
Куда ни глянь — закрыты все пути.

То говорил: «Сначала в Мерв поеду,
Потом над подлым одержу победу!»

То говорил: «Уехать? Но потом
Покроюсь я позором и стыдом.

Все скажут: «Он сокрылся в Хорасане,
Рамина убоясь на поле брани».

То говорил: «Вступить с Рамином в бой?
Боюсь: наказан буду я судьбой.

Все войско ненависть ко мне питает,
Оно Рамина мне предпочитает.

Он молод, новый и счастливый вождь,
До неба выросла Рамина мощь.

Мою казну похитил младший брат,
Я обнищал, а он теперь богат.

Выходит: деньги я копил, как скряга,
А собирал их для его же блага!

Меня с Рамином помирила мать:
Напрасно стал я женщине внимать!

Послушался я женского совета,
И поделом я получил за это!»

От воинства семь дней скрывался шах.
Казалось, от раздумий он зачах.

Но вот сказал он слово полководца:
«Попробую с Рамином побороться».

В Амуль свои войска повел: как видно,
Он понял, — бегство для него постыдно!

Когда в Амуле ратный стан возник,
То расцвела равнина, как цветник.

Гористой стала степь из-за шатров,
На горы многоцветный лег покров.

МУБАД ГИБНЕТ, НО НЕ НА ВОЙНЕ

Все знанья мира пусть мудрец усвоит, —
Он тайны мира все же не откроет.

Таинственны творения законы,
Людских судеб решенья непреклонны.

Мир — это сон, а мы — как наважденье.
Но долго ли продлится сновиденье?

Превратен этот мир непостоянный,
Живут в нем только призраки, обманы.

Не отличит благого от дурного,
Причуда, выдумка — его основа.

Обманчив он и многолик снаружи,
Но, может быть, внутри гораздо хуже?

Не душу он меняет, а обличье,
К нам вечно проявляя безразличье.

Его, чей караван всегда в пути,
Ты караван-сараем не сочти!

Он действует, то жалкий, то порочный,
Но все его деяния — непрочны.

На лучника походит он порой,
Бессильного пред собственной стрелой.

То в темноте натягивает лук,
То выпускает он стрелу из рук,

Но сам не знает, где стрела застрянет,
Где прянет и кого смертельно ранит.

Судьба-старуха нам милей красотки:
Ведь было сто мужей у сумасбродки!

Богатств ее мы алчем каждый раз,
Но нет ни нас и ни богатств у нас!

Проводят дни в пирах и шах и войско,
Но превратятся в прах и шах и войско!

В начале дня ты выйдешь на тропу,
Увидишь сверстников своих толпу,

Но лишь погаснет солнца луч усталый,
Увидишь — вы остались горсткой малой.

Об этом размышлял я каждодневно,
От размышлений мучаясь душевно.

Как мог я знать, что мне судьба подстроит,
Какую яму мне злосчастье роет!..

Смотри же: людям и добро и зло
Мубада царствованье принесло,

Но кончилось и шаха самовластье,
И он погиб в позоре и в несчастье.

К исходу дня в Амуль привел он рать
И с витязями начал пировать.

Он знати много дал одежд, рубинов,
Казною одарил простолюдинов.

Он пьянствовал, веселый, на пиру, —

Смотри же, что с ним стало поутру!

Властитель восседал с богатырями, —
Вдруг страшный шум пронесся над шатрами.

Оттуда, где темнели тростники,
А может быть, со стороны реки, —

Могуч, как слон, и гневом обуян,
Внезапно злобный выбежал кабан.

К нему помчались воины и слуги,
Но кто погиб, а кто бежал в испуге.

Метаться начал зверь, услышав крики,
Он устремился вдруг к шатру владыки.

Но вышел шах, спокойствие храня,
И быстро сел на белого коня,

Помчался с оперенною стрелою, —
Кто б ныне запятнал его хулою?

Как лев, он ринулся на кабана,
И прянула стрела, остра, черна,

Но промахнулась, а противник дикий —
Кабан — взметнулся к скакуну владыки,

Коня одним ударом поборол,
Ему клыками брюхо пропорол.

Свалился белый конь с Мубадом вместе:
Луна и свод небес — добыча мести!

Хотел подняться повелитель стран,
Но тут клыки вонзил в него кабан

И распорол все сердце до утробы, —
И место для любви, и место злобы!

В душе царя огонь любви погас, —
И ненависть погасла в тот же час.

Так время шаханшаха завершилось,
Оно лишь к черной гибели кружилось.

Смотри же, как задаром отдал душу
Сей шах, что побеждал моря и сушу!

О мир, хочу порвать с тобой союз,
Твоим причудам я не подчинюсь!

Ты полюби меня, как человек.
Не хочешь? Так расстанемся навек!

Зачем со мной воюешь, вечно споришь
И счастье светлое мое позоришь?

Что сделал я тебе? Иль ты ослеп
От злости, оттого, что ем твой хлеб?

Иль обезумел? Где твой светлый разум:
Дашь понемногу, а отнимешь разом!

Тебя мы просим: «Будь гостеприимней,
Теплом даруя, а не стужей зимней!

Хоть на два дня ты позови нас в гости, —
Потом возьмешь и дух, и кровь, и кости!

В чем виноваты мы, в чем виноваты,
Что жизнь у нас берешь ты вместо платы?

Ты светел, это видно по всему,
Зачем же нам являешь только тьму?

Ты мельница ль? Зачем же нашу плоть
И все живое хочешь размолоть?

Ты низвергаешь нас, равняя с бездной,
Но вознеси и к высоте небесной!

Что ж делать, видно, так ты сотворен,
Увы, таков круговорот времен,

Таков твой низкий нрав, твои деянья,
И снежных гор, и долов одеянья.

Тот, для кого ясна твоя природа,
Отверг тебя, глупца и сумасброда!

Господь, не ты ли создал нашу землю?
Приму тебя, судьбу же не приемлю!

Воистину презренны те сердца,
Что не знакомы с именем творца!»

ВОЦАРЕНИЕ РАМИНА

Рамин, узнав, что умер шах могучий,
Что погубил его несчастный случай,

Пошел, тайком творца благодаря
За то, что так он умертвил царя:

Не от руки Рамина в день кровавый,
Не в битве пал Мубад, глава державы,

Нет, между ними не было войны,
И на Рамине не было вины!

Рамин восславил господа законы
И пал пред ним, коленопреклоненный.

Сказал: «Ты милосерд и справедлив,
Являешь благо, все врата открыв,

Ни от кого в деяньях не зависишь,
Захочешь — истребишь, а нет — возвысишь.

Пока я жив, тебя, господь, приемлю,
Всегда твоим благим приказам внемлю.

Клянусь, я буду лишь добро творить,
Всегда одну лишь правду говорить.

Я буду править с кротостью святою
И щедростью бороться с нищетою.

Ты будь со мной, мне править помогая, —
Да всюду правит праведность благая!

Ты укрепи мои дела и дни,
От сглаза и коварства сохрани!

Ты — мой господь, я — слуг твоих служитель,
Ты царство мне вручил, о повелитель,

Я — твой слуга, а ты — мой господин,
И надо мною властен ты один.

Меня ты сделал всей земли владыкой,
Так помоги мне милостью великой!»

Такого рода чистые слова
Рамин вознес к престолу божества.

Затем он приказал коней седлать,
Чтоб двинулась воинственная рать.

Взгремели, вторя трубам, барабаны,
К реке Джейхун поток помчался бранный,

Помчалось войско в долгожданный срок,
Как утренний весенний ветерок.

От гор Дейлема до амульской дали
Дороги под конями трепетали.

Скакал Рамин, как вестник новых весен,
Был светлый путь его победоносен.

В дни Рама и Шимбада в стан Мубада
Примчалась воинов его громада.

С венцами, с жемчугами, с доброй речью
Сановники пошли ему навстречу

И стали шаханшахом величать,

В нем видя свет, и мощь, и благодать.

Как облако весною, с правдой дружен,
Людей он одарил дождем жемчужин.

Семь дней, при звоне кубков и похвал,
Рамин в Амуле с войском пировал.

Затем поставил над Табаристаном
Рухема, что блистал высоким саном:

Вел от Кеянов он свой древний род,
В Иране уважал его народ.

Рамин был верен дружбе и союзу,
Он город Рей препоручил Бехрузу:

Когда над ним всесильный гнев навис
И от Мубада убежал он с Вис,

Приют обрел он у Бехруза в Рее, —
Был друг из Рея всех друзей добрее.

Плати добром за доброе деянье:
Одно лишь благо — благу воздаянье.

Пусть ты в речную воду бросишь благо, —
Тебе воздаст жемчужинами влага!..

Затем Гураб препоручил Азину,
Что верен был ему как господину.

Назначил он Виру главою знати,
Назначил он Ширу главою рати:

То были братья Вис, его жены,
Отвагой — львы, а силою — слоны.

Правителей поставил в каждом граде,
Чтоб находились пастыри при стаде,

И двинул войско в Мерв, в столицу царства,
Где было для его души лекарство.

Красавицы, вожатые собраний,
Его приветствовали в Хорасане,

Рассыпав пред Рамином самоцветы, —
И путь его сверкал, в сады одетый.

Светилась верность в душах человечьих,
Звучали похвалы на всех наречьях.

Когда властитель в Мерв приехал стольный,
Пред ним как бы склонился рай привольный.

Как день счастливца, был отраден город,
И как весна — прелестен, свеж и молод.

Звенели соловьи на сто ладов,
Раскрылись розы — гурии садов.

Курились амбра, мускус и алоэ,
И золото струилось, как живое.

Весь Хорасан, а не одна столица,
Стал громко ликовать и веселиться.

Терзало хорасанцев самовластье,
А смерть Мубада принесла им счастье.

Помог Рамин тяжелый сбросить гнет,
Он вырвал угнетенных из тенет:

Избавились, ты скажешь, из геенны,
Вступили в райский сад благословенный...

Злодеям злая гибель суждена,
Потомки проклянут их имена.

Ты зла не делай на пути земном,
Не то на зло тебе ответят злом.

Как хорошо сказал один мудрец:
«Геенну создал для тебя творец,

С чего ты начал, тем и кончишь путь,
Ничтожный прах — вот человека суть».

Когда Рамин пошел путем добра,
Настала в мире светлая пора,

Куда б свои ни посылал он рати,
Он достигал повсюду благодати.

Он земли захватил, врагов сметая,
От врат Бербера до равнин Китая.

От произвола жителей избавил,
Наместников, правителей поставил.

Развалины, не пожалев труда,
Он превратил в селенья, в города.

Грабительские сборища развеяв,
Повесил или заковал злодеев,

Построил при дорогах в каждом крае
Харчевни, бани, караван-сараи.

Он все пути спокойствием украсил,

От плутов и воров обезопасил.

Так щедро всюду раздавал он блага,
Что навсегда исчезло слово «скряга».

Он столько роздал злата, жемчугов,
Что превратил в богатых бедняков.

Прошла пора неправды и бесчестья,
Кто нищим был — теперь обрел поместья.

Не нападали волки на овец,
Легко вздохнули овцы наконец!

Он принимал вельмож еженедельно
И назидал их правильно и дельно.

Прогнал мздоимцев, подлостью известных,
В судилища судей назначил честных,

И были пред судом его равны
Богач и нищий, раб и царь страны.

К себе приблизил он людей ученых,
Благочестивых, мудрых, просвещенных.

Внимал рабу, как шаху и вельможе,
Был у него в почете странник божий.

Был каждый взыскан милостью в Иране,
Кто ради знаний не жалел стараний.

Сто десять весен прожил он. Смотри,
Как царствовал он восемьдесят три:

Да, восемьдесят три державных года
Был праведный Рамин главой народа!

При нем весь мир неправды сбросил бремя,
Он справедливостью украсил время.

На всей земле уменьшил он три вещи:
Заботу, боль и скорби стон зловещий.

То погружался в чтенье мудрых книг,
То молодел в забавах каждый миг,

То в Хорасане пировал с весельем,
То в Кухистане мчался по ущельям,

То выбирал чертог в Табаристане,
То отдыхал среди багдадских зданий.

Он узнавал, где прячется вода,
И строил там селенья, города.

Как град Рамина — повествует сказ —
Известен был теперешний Ахваз,

А летопись об истине ревнует,
Ахваз Раминоградом именует.

На всех наречьях славили Рамина,
Блистало в мире имя властелина.

Он был державней всех царей державных,
На лютне он играл, не зная равных, —

На лютне, что поклонники игры
Раминовой назвали с той поры.

Он властно правил всем подлунным светом,
Сияя правды вечно юным светом.

Он был царем, а Вис — его царицей,
Сереброгрудой и серебролицей.

От чаровницы родилось два сына:
Красавец — в мать, а богатырь — в Рамина.

Хуршед и царь Джемшид — их имена.
Любили их цари и племена.

Рамин Хуршеду отдал весь Восток,
Джемшиду отдал Запада чертог.

Хуршеду — Согд, Чаган и Хорасан,
Джемшиду — Шам, Египет и Кирман.

Прекрасной Вис, владычице царей,
Был всех земель Азербайган милей.

Ей подчинялись также и Арран,
Страна армян и много прочих стран.

Рамин и Вис, являя благочестье,
И правили и веселились вместе.

Так долго жили, радуя людей,
Что видели детей своих детей!

СМЕРТЬ ВИС

Вис умирает, достигнув глубокой старости. Рамин, потрясенный горем, воздвигает для нее усыпальницу, а рядом — капище огня.

РАМИН ВРУЧАЕТ ЦАРСТВО СТАРШЕМУ СЫНУ, А САМ УДАЛЯЕТСЯ В КАПИЩЕ ОГНЯ

Настал Навруз, пришло начало года,
Когда ликует юная природа.

Рамин призвал Хуршеда в день весны,
Призвал вельмож, правителей страны,

При всех царем царей нарек Хуршеда, —
Ему да будет спутницей победа!

Венец надел Хуршеду на чело
И молвил: «Царствуй на земле светло!

Владей, на этот мир с весельем глянув,
Венцом, престолом и дворцом Кеянов!

От бога получил я власть мою,
Смотри, тебе ее передаю.

Тебя не раз испытывал я ране,
Ты с честью выходил из испытаний,

А ныне над страной тебя поставил,
Но чтобы ты с добром и правдой правил.

Мне за сто, мой сынок! Близка могила,
Жизнь позади, и сплыло все, что было.

На страх врагам, не зная кривизны,
Я правил восемьдесят три весны.

А ныне ты владеть страной достоин,

Ты — сильный, молодой и храбрый воин.

Ты видел, как я царствовал с победой, —
В правленье моему примеру следуй,

Чтоб я не осудил тебя, когда
Приду к творцу в день Страшного суда.

Ты помни, что всего дороже честь,
Добру все блага надо предпочесть.»

Со старшим сыном завершив беседу,
Вручив и царство и венец Хуршеду,

К прекрасной усыпальнице пошел:
Рамин отринул царство и престол.

Пред богом благочестие храня,
Он поселился в капище огня.

Бог дал ему престол царя царей,
Чтоб стал он чище, набожней, добрей.

Хотя и раньше был Рамин велик, —
Он вожделениям служить привык.

У страсти был в плену, со счастьем споря,
Уйдя от страсти, он ушел от горя.

ОБЪЯСНЕНИЕ ПЕРСИДСКИХ СЛОВ И НАЗВАНИЙ

Азармах — название девятого месяца в древнеиранском календаре; в переносном значении — огонь.

Азербайган — название местности, древний Азербайджан.

Айван — открытая галерея в доме; веранда, навес.

Альбурз — название горного хребта, огибающего южный берег Каспийского моря; по легенде, обиталище мифической птицы Симург.

Амуль — древний город на Аму-Дарье.

Араш — имя мифического богатыря-лучника.

Арванд — название горы.

Аржанг — книга, страницы которой, по преданию, разрисованы легендарным художником Мани.

Арран — название местности.

Ахваз — название города и местности на юге Ирана.

Ахриман — высшее божество зла в зороастрийской религии, источник тьмы, смерти, лжи и бедствий, властитель бесов и дивов.

Балкис — имя легендарной красавицы царицы Савской.

Бану — госпожа.

Бехгуй — красноречивый.

Вазир — министр, советник.

Гилян — название прикаспийской местности в Иране.

Гуль — цветок, роза; женское имя.

Гураб — название города и местности.

Гурган — название местности в Прикаспии.

Дабир — писец.

Дейлем — название горной местности в Иране.

Демавенд — название горы в Иране.

Дехистан — название горной местности.

Джейран — серпа.

Джейхун — арабское название реки Аму-Дарьи.

Джемшид — один из первых мифических царей Ирана; по преданию, он царствовал семьсот лет, и страна благоденствовала во времена его правления.

Див (дэв) — бес, демон.

Динар — древняя золотая монета.

Дирхем — древняя серебряная монета.

Забул — название местности на территории нынешнего Афганистана.

Зард — желтый; мужское имя.

Зороастриец — последователь древней религии Ирана — зороастризма. Название происходит от имени Зороастр (Заратуштра) — так звали легендарного основателя религии.

Прем — легендарный сад, подобье рая.

Иса — Иисус Христос.

Искандер — Александр Македонский.

Истахр — название города и местности на юге Ирана.

Исфаган — город на юге Ирана.

Ишкафти Диван — мифический замок, обиталище дивов.

Казеин — город на севере Ирана.

Кайсар (кесарь) — титул византийского императора.

Карун (библейск. Кора) — легендарный богач.

Кеяны — название легендарной древнеиранской династии.

Кирман — название города и местности на юге Ирана.

Кумиш — название города.

Кухистан — название горной местности.

Лейли — героиня известной легенды о Лейли и Меджнуне.

Мани — по легенде, чудесный китайский художник; исторически — религиозный реформатор III века, соединивший в своем учении элементы зороастризма, буддизма, иудаизма и христианства; казнен в Иране в 275 году.

Махабад (Мах) — название страны (Мидия).

Меджнун — герой известной легенды о Лейли и Меджнуне.

Мерв — название города и местности в Хорасане.

Мобед (мубад) — жрец, зороастрийский священник, мудрец; мужское имя.

Мугань — название прикаспийской местности.

Новруз — праздник Нового года, справлялся в день весеннего равноденствия.

Нахавенд — название города и местности.

Онагр — дикий осел.

Ларс — название местности на юге Ирана.

Пехлеви — парфянский или среднеперсидский язык, язык населения Ирана и части Средней Азии во времена правления сасанидов.

Рам — сокращенная форма имени Рамин.

Рей — древний город в Иране, развалины его находятся вблизи Тегерана.

Рум — Византия.

Саве — название города.

Саман дар — саламандра; согласно легенде, живет в огне; название местности.

Сантур — струнный музыкальный инструмент.

Сари — название местности.

Симург — легендарная вещая птица, обитавшая на горе Альбурз.

Синай — название горы вблизи Палестины.

Синд — название местности в Индии.

Согд — местность в Средней Азии.

Сулейман (библейск. Соломон) — мудрый царь, герой многочисленных легенд.

Табаристан — название прикаспийской местности.

Тамбур — трехструнный музыкальный инструмент.

Тараз — название города и местности на территории южного Казахстана.

Тохаристан — название местности к северу от нынешнего Афганистана.

Туран — Туркестан.

Урдубихишт — название второго месяца в древнеиранском календаре; в переносном значении — весна.

Фаланга — ядовитое насекомое.

Фансур — название местности

Фархар — название города и местности в Средней Азии.

Хакан — иранское название китайских и тюрко-монгольских царей.

Хамадан — название местности на юге Ирана.

Хинд — Индостан.

Хирхиз — название местности на территории нынешней Киргизии.

Хоеров. — Имеется в виду сасанидский царь Ирана Хоеров II Парвиз (590—628). Герой легенды о любви к армянской царевне, красавице Ширин.

Хузан — название местности.

Хузистан — местность на юге Ирана.

Хурдад — третий месяц древнеиранского календаря.

Хушанг — мифический царь Ирана.

Чаган — название области в Средней Азии.

Чанг — музыкальный инструмент, напоминающий арфу.

Човган — клюшка, которою при игре, напоминающей поло, всадники гонят мяч.

Шам — Сирия.

Шаханшах — царь царей.

Шираз — название города и местности на юге Ирана.

Шуштар — город на юге Ирана, Сузы.

Юсуф — Иосиф Прекрасный; в мусульманских легендах славился своей красотой и умом.

---

notes

Примечания

1

Deus ex machina *(лат.)* — «бог из машины», развязка вследствие вмешательства непредвиденного обстоятельства, в античной трагедии — божества, появлявшегося неожиданно на сцене с помощью механического приспособления.